

Марк Кёльнер

Перевернутое сознание

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Кёльнер

Перевернутое сознание

«Автор»

2010

Кёльнер М.

Перевернутое сознание / М. Кёльнер — «Автор», 2010

Рик является обыкновенным подростком. У него типичные подростковые проблемы: самоутвердиться, найти свое место в окружающем мире, обрести себя и т.д... У него проблемы с отцом, что отражается в его приступах агрессии и страха - страха, который сковывает его, и кажется нет выхода из этой паутины отчаяния. Рик глушит внутренний конфликт алкоголем и дурацкими выходками, но это помогает лишь на время... и все становится хуже день ото дня. Ему кажется, что за ним следят, чувствует паранойю, и он думает, что ОНИ... Фрэссеры хотят разделаться с ним. Что это: жуткая форма панических атак или перевернутая реальность? Содержит нецензурную брань.

© Кёльнер М., 2010

© Автор, 2010

Часть I

*Все когда-то меняется и
начинается по-новому*

– Безумие – это гибкая пуля.

Для сумасшедшего реальность искажается, и тогда в ту маленькую комнату, где лежит пистолет, перетекает вся личность целиком.

Моя же рациональная половина все еще оставалась на месте. Окровавленная, избитая до синяков, негодующая и довольно напуганная, но пока еще на месте.

«Баллада о гибкой пуле»

Стивен Кинг

– Поедим мороженого?

– Нет, пап. Мне сейчас не до мороженого. Что же нам делать?

– Все образуется, Джордж. Все образуется как всегда. Я найду другую работу. Джордж, в жизни всегда так: то густо, то пусто. Когда идешь в гору, всегда чего-то не хватает, а попадешь в яму, – кажется, никогда не выберешься. Но жизнь продолжается, помни об этом. Деньги – это фикция, Джордж. Чепуха. Поверь, я это знаю.

– Скажи это маме.

– Да-а. Ты прав. Это будет непросто.

«Кокаин»

Режиссер Тед Демм

Лучше бы некоторые вещи не менялись. Хорошо, если б их можно было поставить в застекленную витрину и не трогать. Знаю, что так нельзя, но это-то и плохо. Я все время об этом думал, пока шел по парку.

Когда он ушел, я стал смотреть в окошко, не снимая пальто. Все равно делать было нечего. Вы даже не представляете, что творилось в корпусе напротив. Там даже не потрудились опустить занавески. Я видел, как один тип, седой, приличный господин, в одних трусах вытворял такое, что вы не поверите, если я вам расскажу. Сначала она поставил чемодан на кровать. А потом вынул оттуда женскую одежду и надел на себя. Настоящую женскую одежду – шелковые чулки, туфли на каблучках, бюстгальтер и такой пояс, на котором болтаются резинки. Потом надел узкое черное платье, вечернее платье, клянусь Богом! А потом стал ходить по комнате маленькими шажками, как женщины ходят, и курить сигарету и смотреть в зеркало. Он был совсем один. Если только никого не было в ванной – этого я не видел. А в окошке, прямо над ним, я видел, как мужчина и женщина брызгали друг друга водой изо рта. Может, и не водой, а коктейлем, я не видел, что у них в стаканах. Сначала он наберет полный рот и как фыркнет прямо на нее! А потом она на него, по очереди, черт их дер! Вы бы на них посмотрели! Хохочут до истерики, как будто ничего смешнее не видали. Я не шучу, в гостинице было полно психов. Я, наверно, был единственным нормальным среди них, а это не так уж и много.

Плохо то, что на такую пошлятину смотришь не отрываясь, даже когда не хочешь. А эта девица, которой брызгали водой в физиономию, она даже была хорошенькая. Вот в чем мое несчастье. В душе я, наверно, страшный распутник. Иногда я представляю себе ужас-

ные гадости, и я мог бы даже сам их делать, если б представился случай. Мне даже иногда кажется, что, может быть, это даже приятно, хоть и гадко. Например, я даже понимаю, что, может быть, занятно, если вы оба пьяны, взять девчонку и с ней плевать друг дружке в физиономию водой или там коктейлем. Но, по правде говоря, мне это ничуть не нравится. Если разобраться, так это просто пошлятина. По-моему, если тебе нравится девушка, так нечего с ней валять дурака, а если она тебе нравится, так нравится и ее лицо, а тогда не станешь безобразничать и плевать в нее чем попало. Плохо то, что иногда всякие глупости доставляют удовольствие. А сами девчонки тоже хороши – только мешают, когда стараешься не позволять себе никаких глупостей, чтобы не испортить что-то по-настоящему хорошее.

А Джейн была совсем другая. Придем с ней в какое-нибудь кино и сразу возьмемся за руки и не разнимаем рук, пока картина не кончится. И даже не думаем ни о чем, не шелохнемся. С Джейн я никогда не беспокоился, потеет у меня ладонь или нет. Просто с ней было хорошо. Удивительно хорошо.

Так вот, с этим аристократической была изумительно красивая девушка. Просто красавица. Но вы бы послушали, о чем они разговаривали. Во-первых, оба слегка подвыпили. Он ее тискал под столом, а сам в это время рассказывал про какого-то типа из их общежития, который съел целую склянку аспирина и чуть не покончил с собой. Девушка все время говорила: «Ах, какой ужас... Не надо, милый... Ну, прошу тебя... Только не здесь». Вы только представьте себе – тискать девушку и при этом рассказывать ей про какого-то типа, который собирался покончить с собой! Смех, да и только.

Вот почему ей не терпелось туда пойти. Хотела покрасоваться в этой юбочке, которая еле-еле прикрывает зад.

Словом, мы туда пошли, и нам сначала выдали коньки, а потом Салли надела такую синенькую юбочку, в которой только и задом вертеть. Но это ей дьявольски шло, надо сознаться. И не думайте, что она этого не понимала. Нарочно шла впереди меня, чтоб я видел, какой у нее красивый круглый задик. Надо сознаться, он и вправду ничего

Спать мне не хотелось, но чувствовал я себя прескверно. Настроение убийственное. Жить не хотелось.

Если уж хотите знать правду, так я девственник. Честное слово. Сколько раз представлялся случай потерять невинность, но так ничего и не вышло. Вечно что-нибудь мешает. Например, если ты у девчонки дома, так родители приходят не вовремя, вернее, боишься, что они придут. А если сидишь с девушкой в чьей-нибудь машине на заднем сиденье, так впереди обязательно сидит другая девчонка, все время оборачивается и смотрит, что у нас делается. Словом, всегда что-нибудь мешает. Все-таки раза два это чуть-чуть не случилось. Особенно один раз, это я помню. Но что-то помешало, только я уже забыл, что именно. Главное, что как только дойдет до этого, так девчонка, если она не проститутка или вроде того, обязательно скажет: «Не надо перестань». И вся беда в том, что я ее слушаюсь. Другие не слушаются. А я не могу. Я слушаюсь. Никогда не знаешь – ей и вправду не хочется, или она просто боится, или она нарочно говорит «перестань», чтобы ты был виноват, если что случится, а не она. Словом, я сразу слушаюсь. Главное, мне их всегда жалко. Понимаете, девчонки такие дуры, просто беда. Их как начнешь целовать и все такое, они сразу теряют голову. Вы посмотрите на девчонку, когда она как следует распалится, – дура душой! Я и сам не знаю, – они

говорят «не надо», а я их слушаюсь. Потом жалеешь, когда проводишь ее домой, но все равно я всегда слушаюсь.

Я долго не засыпал – я совсем не устал, но в конце концов уснул. Больше всего мне хотелось покончить с собой. Выскочить в окно. Я, наверно, и выскочил бы, если б я знал, что кто-нибудь сразу подоспеет и прикроет меня, как только я упаду. Не хотелось, чтобы какие-то любопытные идиоты смотрели, как я лежу весь в крови.

«Над пропастью во ржи»

Джером Д. Сэлинджер

15 февраля

Узнал, что Александр, мой приятель, покончил с собой. Мы с ним общались иногда. На вид не скажешь, что он думал о самоубийстве. Странно. Почему он решил свести счеты с жизнью? Для меня это был небольшой шок, но я быстро отогнал эту мысль – нужно двигаться вперед, а что было в прошлом... плевать.

26 февраля

Мой отец постоянно зудит насчет того, что я должен убирать в комнате и не пропадать с моими приятелями допоздна. Когда он говорит, меня так и подмывает послать его – он постоянно обвиняет. Если бы он сказал это спокойно, обратился ко мне как к другу, я бы, вероятно, его и послушал, но этого он не за что не сделает, потому что мы с ним не друзья, и поэтому я назло ему продолжаю делать все как и прежде и слушать его зудение, а иногда дело доходит и до битья, если я его довожу (это всех приятнее). Сейчас мы не разговариваем с отцом почти неделю. Меня он достал, и я устал от этой рутины с ним – захотелось хоть что-то изменить для разнообразия и поиграть в молчанку. А что еще остается?

В этот день в школе было трудно. Несмотря на то, что к школе у меня наплевательское отношение, я чертовски устал. А представьте, что чувствую те отличники, которые зубрят все дни, чтобы получить в итоге диплом с хорошими оценками и пойти в институт? Но впоследствии они все-таки понимают, что в этом мире плевать хотели на знания, и они малость разочаровываются (кто-то, возможно и больше).

Хотел избить своего отца, но у меня недостаточно сил для этого, – вместо этого я пошел и ударил стену несколько раз, стало легче. Было желание напиться в стельку.

Ты живешь, и не знаешь на кой хрен, живешь, ты словно плывешь в неизвестном направлении и никто не в силах тебе помочь. Я думал об убийстве своего отца, потому что я ненавижу его.

Безнадежность, пустота, – кто поможет мне преодолеть это?

Мечтал о большой бутылке спиртного, чтобы напиться как свинья и забыться, отключиться. А что еще остается в этой скучной и однообразной жизни?

2 марта

Вчера с парнями и девчонками купили водки с пивом и распили за школой. Домой вернулся сильно бухой до возвращения предков. Сбросил одежду и завалился спать. Голова кружилась, и казалось, что меня уносит сильный водяной поток – класс. Я не думал ни о чем, ни об отце, ни об этом поганом мире, ни о будущем, мне просто было хорошо. На тебя ничто не давит, ощущаешь себя пушинкой. Передо мной возникло лицо Наташки (ей нравится, когда ее

называют Нэт или Натали): ее черные волосы с кудряшками, веселая улыбка и зеленые глаза. Потом мой опьяненный мозг нарисовал мне картину того, как отец врывается в мою комнату, стаскивает с постели и начинает избивать. Вероятно, это было бы здорово? Порой мне хочется умереть. Когда пьяный это представляется проще некуда. Перед тем как вырубиться, я подумал о том, что на следующий день мне нужно идти в дурацкую школу-приколу, и мне стало противно, даже захотелось блевать.

На следующий день я проснулся в восемь двадцать. Родителей не было. Лишь на софе дремал Бен (кот). Я его потрепал, на что он отреагировал приятным урчанием, и проковылял с ноющей башкой в ванную. Временами мне приходит на ум мысль, что в этой квартире живем лишь я и Бен, а родители обитают в другом параллельном измерении, но, естественно, наши измерения время от времени пересекаются. А как же иначе?

3 марта

Тянуло на всякие тупые поступки. Уговорил моего приятеля Кира, которого я зову Рик (читаешь просто его имя задом наперед, – анаграмма) купить презервативов. Потом я запищал их в сумочку Жерди (один бросил на парту). Когда прозвенел звонок, и все потащились к своим партам, то я как скажу на весь класс: «Смотрите, а что это у Жердиной на парте такое лежит». Все обернулись. Жердь застыла на месте, хлопая глазами за толстыми линзами очков и, не понимая, почему на нее все пялятся. Ванек Марков сказал с задней парты: «Да это презик, блин». В классе стали раздаваться смешки. Цифроед с указкой в руках подошел к парте Жердиной и взял с парты презерватив. Разглядывал некоторое время, точно впервые видел (*Какая интересная штука. А для чего интересно эта резинка?*), потом произнес с суровостью в голосе: «Кто это сделал?» Жердь, шмыгая носом, опустила свою тушу на стул и потянула за собачку на сумочке. Наверно, хотела найти платок, чтобы высморкаться и вытереть слезы. И тут повисшую тишину нарушил Марков: «Да у нее и в сумочке полным-полно резинок!» Почти все засмеялись, кроме наверно отъявленных ботаников, а Цифроед покраснел, точно помидор, и шандарахнул указкой по парте (она треснула). «Перестаньте! Хватит!» – Орал он, но всем было до фонаря. Жердь выбежала из класса, сотрясаясь в рыданиях. Когда я был в классе и слышал конское ржание моих одноклассников, то, что я сделал с Жердью, казалось мне забавным, но теперь, спустя какое-то время, мне так уже не кажется. Возможно, мне и не следовало так поступать, но что болтать о том, чего не изменишь – от этого лучше не станет ни мне, ни ей. Меня точно накрыло облаком, и это облако висело надо мной весь этот день.

Цифроед тут же просек чья это работа. Озверевшими глазами он посмотрел на мое невинное личико и велел отправляться с ним к директору. Но до директора мы не дошли, Цифроед только сказал, что будет наблюдать за мной и в конце концов выпнет меня из школы. Я посмотрел ему в глаза, усмехнулся и направился обратно в класс. В этот момент мне было на все насрать.

После уроков я, Серый, Рик и девчонки в детский сад. Там выпили пива. Серый все бубнил: «Круто ты сегодня устроил, на уроке у Цифроеда, Диман», Светлана и Юлька лишь поддакнули, затягиваясь, Нэт промолчала (она меня осуждала). Затем побазарили о каком-то фильме и о том, как будем сдавать единый гос. экзамен по математике. «Сдуем как-нибудь», – сказал Рик. «Ты-то уж сдуешь, сдувало чертов», – зло сказала Натали. «Да пошла ты, Нат». Наташа посмотрела на Рика, потом на меня и направилась из садика. Я побежал за ней. Положил ей руку на плечо и постарался остановить. Она дернулась и попыталась идти дальше, но я ей не дал. «Что с тобой?». Нэт подняла глаза и посмотрела на меня. Так продолжалось, может, секунд десять, потом она сказала: «Козел ты, – вот что».

5 марта

Вчера хотел по-страшному напиться. Четвертое марта был вообще обалденно крутой день, жаль только, у меня сил не было записать, да и сейчас рука дрожит, да и строчки дwoятся.

Мама вернулась с работы немного пораньше. Мы с ней поговорили немного: я спросил ее о работе (сказала, что устала); она спросила меня о школе (я сказал, что надоело, она улыбнулась усталой улыбкой). Мама купила мороженое с шоколадной крошкой. Когда я его ел, то несколько шоколадных крошек упало на ковер в коридоре, и когда остервеневший отец вернулся домой (якобы с работы), он вляпался прямо в то место, куда упал шоколад. «Дмитрий Александрович, а ну-ка подойдите сюда» «Сейчас тебе попадет», – прошептала мама. Когда этот пидер обращается к тебе по имени-отчеству – знай, не избежать конфликта. «Шоколад, – отвечаю этому говнюку. «Ну-ка включи горячую воду и вымой с горячей водой». – Говорит он своим гребаным тихеньким голоском дьявола. У меня все поплыло, но я сдержался, а так хотелось врезать по морде этому кретину и бить пока бы он не сдох. Эта картина отчетливо вырисовывалась у меня в мозгу, точно я смотрел ее по телеку. А КАК БЫ ЭТО БЫЛО ЗДОРОВО! Вместо этого я открыл воду (перед этим два раза врезав по стене кулаком со всей дурью), взял чистую марлю (а то вдруг она грязная, тогда я испоганю ковер, который мой «дражайший» папаша купил на деньги, заработанные своим горбом, сидя в кабинете) и с усердием заправского рабочего стал чистить коврик. Эта сука в это время сидела перед ящиком, вытянув ноги, и попивала пиво.

Меня так и подмывало, когда закончу драить ковер, подойти к этой гниде, и спросить: «Главный инспектор, не соизволит подойти и проверить, как его верный слуга закончил отчищать дерьмо, которое сам и сотворил?». Опять я этого не сделал. Я слишком слаб по сравнению с этим подонком, еще пару лет и я ему надеру задницу (тогда-то я его изобью в кровь).

Послышался смех этого уродца из комнаты. По первому каналу шел юмористический концерт, в котором выступал Галкин. Я ничего не имею против Галкина, он классный парень, но смех моего папаша действовал мне на срные нервы.

Вспомнил, как мой «папанька» избил мою мать. Мне тогда было лет семь-восемь. В этот день еще был какой-то праздник и к нам домой должны были придти родители этого монстра. И мой отец заставил мою маму скрывать косметикой все те синяки, которые он посадил.

Мне это отчетливо запомнилось.

Представьте, каково это, а?! Видеть, что с твоей матерью обращаются как с тряпкой и ничего не мочь сделать – ведь тебе всего семь или восемь лет. И даже если ты скажешь что-то кому-нибудь, то дома тебе от него не скрыться, не избежать последствий расплаты. КАК ЖЕ ДЕРЬМОВО БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ И ЖАЛКИМ! Тогда мамаша этого выродка и отец ничего не заметили, и все прошло хорошо, каждый сыграл свою часть, а затем с наигранно добрыми улыбками распрощались.

Когда все свалили, то необязательно сдерживать себя, и можно быть самим собой... истинным. На ум приходят слова из фильма «В аду» Ринго Лэма, негр там, от лица которого ведется повествование, сказал: «Большинство из нас знают, что мы прячемся за лживыми масками, но рано или поздно маски спадают, именно тогда, ты находишь самого себя настоящего».

Вечером я все-таки не сдержался и нагрубил этому ублюдку, давшему мне жизнь. Он спросил с гребаной ухмылкой на роже: «Ты оперился что ль, птенец? Я СПРАШИВАЮ: ты оперился...»

«НЕТ.– Проорал я. На этот момент эта грань, сдерживающая меня, была разбита вдребезги, я походил на безумного маньяка, который готов кромсать и чтобы ошметки мяса летели во все стороны, потому что вид крови доставляет ему неопишное удовольствие. – НЕ ОПЕРИЛСЯ. Я ВООБЩЕ НИКТО-О-О!!!».

Этот монстр, накаченный пивом, двинул мне кулаком по левой скуле. Пнул. Я пытался сопротивляться, но он треснул меня снова, так что я грохнулся на пол и стал молотить. Если

мама не взяла самый большой нож и не закричала на моего папашу («ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРЕКРАТИШЬ, ТО Я ВСАЖУ ЕГО В ТЕБЯ!!!»), то возможно я превратился бы во вкусное кровавое пюре боли и переломов.

ЭТА СУКА ЖИЗНЬ!

Папаша фыркнул и прошел в комнату к телеку (перед которым он и захрапел). Мама помогла мне встать. Я буквально горел. Я хотел идти в комнату и нарваться на отца (пусть я проиграю, но я его выведу, а это охрененно приятно, пусть ты и будешь потом ходить на полусогнутых, боясь шевельнуться). Мама прижала меня к себе. Я зарычал от боли, ярости и безнадеги, которые пылали адским пламенем. Посмотрела на меня, закрыла глаза (из одного упала слезинка) и мотнула головой чуть заметно. Больше она ничего не сказала, да и не стоило.

Слова порой все только портят.

Сегодня целый день я с Беном смотрел фильмы по видеку, зашторив в комнате шторы. Когда звонил телефон (это, должно быть, были Серый и Рик, и хотелось бы верить, что Нэт / надеюсь, она меня простила за мой дебильный поступок с Жердиной/), я не снимал.

Как мне не доставало бутылки водки, чтобы поплавать на бурном потоке. Пришлось довольствоваться пузырьком пиона, в котором 40% этилового спирта, и крепким чаем, в котором была одна заварка. Конечно, это был не бурный поток, но мне достаточно – это был ручей средней скорости. Из башки все исчезло и превратилось в белую шелковую материю.

В этот день у меня то и дело возникали мысли о самоубийстве. Может быть, у Александра, из-за которого я и начал вести этот дневник, все так начиналось? Перед тем как убрать дневник с зелеными твердыми корками, хочу записать, что после четвертого марта, каждый вечер я запираю дверь своей комнаты, потому что думаю, что отец может придти ночью, когда я буду спать, и убить меня. Я дергаю ручку двери и проверяю, закрыл ли ее по три-четыре раза, это нечто вроде фобии.

Глаза слипаются. Белое пятно. Кажется, свет проникает в глаза и разъедает их.

ТИХИЙ ПЛЯЖ

МЯГКИЙ МОРСКОЙ ПЕСОК

БЛЕДНО-ОГНЕННЫЙ ШАР СОЛНЦА С ЧЕРНОВАТО-БАГРЯНЫМ НЕБОМ

11 марта

Все эти дни ничего не записывал, потому что не было времени, а когда сил или же желания. Два дня назад (вроде, это было в четверг) снова чуть не повздорили с отцом. Когда я хотел что-то сказать ему, он велел мне заткнуться, пока кости целы – мамочка в этот раз не поможет. Я отправился к себе в комнату, резанул изо всех сил себя по плечу складным ножом. Порез оказался больше, чем я думал: в длину сантиметров семь, а в ширину около пяти миллиметров. Что самое интересное, не было никакой крови – только какая-то слизь и чуток крови. Я перепугался (первой моей мыслью было, что у меня теперь будут гангрена и мне оттяпают руку по самое плечо, и останется одна коротенькая культя), но это чувство боязни быстро исчезло, когда я мысленно перенесся в комнату и увидел моего папашу, развалившегося на диване. Я заклеил рану пластырем, оделся и отправился на улицу. Там как раз накрапывал мелкий дождь. Знаете, я заметил, что когда мне херovej некуда, то прогулки очень успокаивают и помогают. Обычно я отправляюсь к автобусному депо, оттуда поворачиваю и захожу в пятизвездочный видеопрокат. Я ничего не беру там – просто рассматриваю пустые боксы кассет, читая на задней стороне, о чем тот или иной фильм. Всякий раз, как я захожу сюда, то замечаю, что видеокассет становится все меньше и их место заменяют диски. Это печально. Мне, конечно, больше нравятся кассеты – они, словно старые друзья. Я выхожу из видеопроката и иду дальше вдоль рядов магазинов. Захожу в «Книжный Мир». Какое-то время гуляю там среди множества книг,

листая некоторые из них (под пристальным присмотром двух продавщиц, стоящих у выхода. Вероятно, им не понравился мой удрученный видок, помятые джинсы и черная рубашка, выходящие из-под куртки, или подумали, что я хочу что-нибудь стибрить). Находясь там, ощущаю себя некоторым мудрецом. Бывает, я думаю о том, что если бы у меня было достаточно денег, я бы купил все эти книги, но мое желание пропадает, когда хотя бы купишь одну из книг и прочитаешь – один треп и ничего классного, кроме, возможно, обложки. Выхожу из книжного магазина и отправляюсь дальше к винному магазину. Навстречу идут люди, которые возвращаются с работы. У мужчин в основном головы опущены или отсутствующий взгляд: им быстрой бы добраться до своих домов, пожрать (перед этим наорав на жену, которая не успела приготовить поесть) и плюхнуться на диван, а потом все начнется с начала; у женщин (молодых) иногда на лице увидишь улыбку и радостный блеск в глазах, потому что они еще чего-то ждут и на что-то надеяться, но мне больше нравится выражение лица у пожилых женщин лет шестидесяти-шестидесяти пяти: оно у них доброе и ласковое, в глазах порой можно заметить страх или некую боязнь (они как бы говорят: *Мне страшно, и мне нужна поддержка*). Также по глазам таких пожилых женщин порой можно видеть, что они смирились со сложившимися обстоятельствами и полностью отдали себе в руки Госпожи Рутины. Но лица этих женщин освещает такая милая улыбка, если вы только скажите им «здравствуйте и открыто улыбнетесь – им это очень приятно. Когда вот так наблюдаешь за окружающими, то чувство, что твоя жизнь говно исчезает (на некоторое время).

В винном магазине покупаю бутылку вина и бутылочку конька «Три звезды» объемом 0,1 л. Кулюторно укладываю это все в пакет, засунув сдачу в карман джинсов. Когда выходил из магазина, мимо проследовала горяченькая деваха (русые волосы с перьями, губы накрашены так, словно она нажралась свеклы, черная кожаная юбка, едва прикрывающая задницу, ажурные чулки и белые сапоги на высоком каблуке). Честно признаться, на несколько секунд я засмотрел на ее ноги и задницу, обтянутую юбкой, но потом вспомнил Нэт. Понравилось бы ей такое? НЕТ. Я обозвал про себя эту девку шлюхой и отправился в садик за книжным магазином.

ВСЕГДА НЕОБХОДИМО РАЗМЫШЛЯТЬ И ДУМАТЬ О ПОСЛЕДСТВИЯХ

У бутылки вина пришлось отбивать горлышко, потому что в нее запихали эту проклятую пробку, а штопора в кармане у меня привычки носить не было. Часть драгоценного красного вина я разлил. Потом порезал нижнюю губу о торчащее стекло. Когда выпил половину бутылки вина, то во рту появился какой-то кисловатый вкус (вероятно, вино дерьмо) – я решил залить этот паршивый вкус коньком «Три звезды». В горле приятно загло. Коньячок был ничего (напоминал самогон, который я воровал у деда (отца мамы), когда он уже хорошо нагружался). Когда я все влил в себя, то прислонился к железной трубе, закрыл глаза и представил себя далеко-далеко, на каком-нибудь экзотическом острове вместе с Натали.

Не знаю, сколько я проспал на скамейке в этой веранде. Когда открыл глаза, то было темно и где-то поблизости кто-то лаялся (по голосу бухие). Я стер с лица капли дождя и, покачиваясь, двинулся домой. По дороге домой с полузакрытыми глазами я напоминал пилота.

На следующий день мать со мной не разговаривала – мне было по фигу. В этот день я купил бутылку крепкого пива и выпил. Последнее время я не могу заснуть, если не выпью что-нибудь предварительно. Становлюсь наркоманом. Во сне приснилось, что у меня распадается все тело, и я, разваливаясь на кусочки, иду к моему отцу, чтобы разделаться с ним раз и навсегда. Во сне у меня был кусок трубы, чтобы долбануть его по башке и вышибить мозги, но потом все это внезапно прекратилось, и я очутился на отвесной скале, с которой и упал, прожив конец всему. Разумеется, я перепугался. Меня больше не существует – от одной только этой мысли мурашки по чертовой коже пробегают. Падал, я довольно долго, а когда наконец я

ударился об острые камни, то почувствовал огромную пустоту и одиночество – я один и никто не придет мне на помощь, затем я умер, перед этим увидев перед глазами лицо Нэт.

Когда мы на грани отчаяния или депрессии, то на ум приходит то хорошее, милое и простое, что мы просто не ценили, когда у нас все было нормально. Долбанный парадокс! Также и со мной. Когда со мной все было хорошо, я не ценил в должной мере Натали и ее отношение ко мне, а когда было уже поздно, мне на ум пришли все ошибки, которые я допустил по своей тупости и эгоизму.

ИМЕЕМ – НЕ ЦЕНИМ, ПОТЕРЯЕМ – СОЖАЛЕЕМ.

Проснувшись, я стиснул одеяло в руках, и по моему телу пробежала дрожь. Как же мне хотелось, чтобы кто-нибудь лежал сейчас со мной рядом, обнял и утешил. Черт, как бы я этого хотел!

В субботу я, Рик и Серый закололи школу. Бухали около стройки за полем. Потом играли с какими-то парнями в баскетбол – они нас разгромили почти подчистую. После игры еще выпили, и Рик с Серым помогли мне дойти до дома. Благо, что дома не было родителей. Парни довели меня до дома и отправились к себе. Как я мог так нахлестаться? Я проблевался и пошел спать. Мне приснилось, что мы с парнями играли в баскетбол и разнесли тех недоносков, которые надрали нам задницу – было круто.

Вечером около десяти (когда я смотрел на часы, то перед глазами все плыло, я увидел лишь цифру 21 на электронных часах, а дальше ничего) я проснулся. Умыл свою покрасневшую рожу и попил чаю. Спросил у мамы, которая стирала свою кофту, как дела. Она лишь глянула на меня и продолжила стирать.

Пытался дозвониться до Натали, но у нее никто не снимал. Надо будет купить ей какой-нибудь подарок, чтобы загладить вину окончательно.

Отец в этот день и на следующий день не ночевал дома – не трудно догадаться, где он был. Я все равно запираю дверь своей комнаты.

ЧУДЕСНЫЙ ЗАКАТ ПАЛЬМЫ ШУМ ПРИБОЯ

Мне бы чертовски хотелось оказаться в этом чудесном тихом месте (а кому бы не хотелось?!), но я могу отправляться туда, наверно, лишь во сне да в собственном воображении (как же здорово, что у людей есть такая штука!). Вспомнил деревню родителей моей матери. Когда я был маленький, то все лето и каникулы проводил там: зимой катался с горки, валялся с соседскими ребятами в снегу; летом не вылезал из речки, ходил в походы с деревенскими друзьями, а вечером мы сидели у костра и рассказывали друг другу страшенькие историйки или просто болтали о разной чепухе. Разумеется, не обходилось без спиртного: немного пива, иногда самогон. Когда тебе восемь или девять пробуешь спиртное чисто из любопытства (*Почему взрослым это так нравится?*), но когда тебе семнадцать или восемнадцать, то любопытства больше нет, потому что за свой короткий жизненный период ты уже попробовал все, и ты пьешь только для того, чтобы почувствовать легкость и отключиться, забыв обо всем. В то время у меня был друг Геннадий, с которым мы любили откалывать разные шуточки. Как-то, когда мы отправились в один из походов, то после страшилки про людоеда, рыскавшего по лесам в поисках лакомых человечков, мы с Генной, отправившись перед сном справиться свои нужды, увидели толстую мертвую жабу. Мысли у нас тут же сработали в одном направлении. Мы нашли палку, подцепили жабу и, угорая от смеха (потому что уже рисовали в уме, какой девчонки поднимут ор), направились к палатке, где они спали. Двое других мальчишек (я уже

не помню их имена) выбрались из палатки, заметив нас. Гена им показал знаком, чтобы не шумели, кивнув на жабу. Они прикрыли рты и затряслись от смеха. Все мы тогда были возбуждены до предела. Если еще принять во внимание, что была ночь, мы были в лесу, стрекотали кузнечики, и с темного звездного неба на нас смотрела половинка луны. «Я приоткрою палатку, а ты швыряй жабу», – шепнул мне Гена. Я кивнул, переводя все больше учащающееся дыхание. «На счет три». «Давай быстрее, я этого не вынесу», – прошептал я, весь трясась. Мертвая жаба ездил по палке, точно по вертелу. «А вы, как Димыч закинет сюрприз нашим девочкам-трусишкам, вопите не своим голосом». «Раз, два...». Трех я не дождался. Парни тут же завопили как по команде. Один крикнул: «Людоед!» и изобразил предсмертные муки. В палатке девчонок послышалась возня и напуганные голоса. Когда зажглись фонарики и керосиновая лампа, то мы услышали крик Ани Кировой. Жаба шмякнулась ей прямо на руку, из нее вытекла еще что-то, как рассказывали потом другие девчонки. Следует отметить, что такой крик не в каждом фильме ужасов услышишь, мы аж уши закрыли. Мы, хохоча, как слоны, побежали в свою палатку. Затаили дыхание и стали ждать. «Секунд черед десять выйдем из палатки и притворимся дурачками, которые только проснулись». «Хор-р-рошо», – ответили мы Гене через разрывающий нас на части смех.

– Это людоед. Он играет с нами, а потом разорвет на кусочки и съест.

– Да не мели чуши, дура.

– Тогда что же это?

– Да это просто эти засранцы решили придать истории большей реалистичности.

«Весь кайф обломала, Ирка», – прошептал Гена.

«Не то слово. А они и впрямь купились. Умора просто».

Затем девчонки ворвались в нашу палатку, накричали, бросив назад жабу. Как мы не отнекивались (что, мол, тихо спали в палатке и не подкидывали мертвых жаб), они нам не поверили. В основном разглагольствовала Ира Шлендрова (она была своего рода лидером и настоящей реалисткой у девчонок), а другие девчонки стояли в сторонке. Шлендрова назвала нас дураками и балбесами. Девчонки после этого подумывали о том, чтобы дежурить перед палаткой посменно, а то вдруг мы учудим что-нибудь еще, но мы их заверили в обратном. После этого Кирова рассказала обо всем родителям, и нам досталось. Вернее, досталось лишь Гене (отец всыпал ему пару раз ремнем по заднице), а мой дедушка лишь улыбнулся своей приятной детской улыбкой и велел больше так не делать. Потом мы с Геней еще выслушали нотацию от матери Кировой, которая делала из нас чуть ли не преступников-рецидивистов. Но если бы у нас с Геней появился шанс проделать подобную шутку, то я уверен, что мы бы это обязательно это сделали – ведь это круто, а как бодрит.

Как печально, что моих бабушки и дедушки больше нет. Этим летом я мог бы погостить у них, и добрая бабуля побаловала бы меня своими пухлыми блинчиками. В прошлом году мы с мамой съездили в деревню (я ее уговорил, она не хотела). Там уже больше не было того духа, который я запомнил: веселье, доброта и открытость – а полуразрушенные дома, а самое главное... черная тоска. Чувство, словно в воздухе витает смерть. Мы прошли с мамой по берегу речки, погуляли в парке и к концу дня уехали. Больше у меня нет желания побывать в деревне, где я провел почти все мое детство, потому что это уже не та деревня.

ВРЕМЯ В ДЕРЕВНЕ, КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ ПАРЕНЬКОМ, – САМОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ!!!

12 марта

Сегодня весь день казалось, что за мной следят. Чувство было такое сильное, что я даже начал подозревать Рика и Серого. Мы собирались потусоваться и бухнуть после уроков, но

я сказал, что не приду. Когда я говорил с ними, то старался не смотреть им в глаза – не то они *догадываются*. Сердце у меня тогда стучало так, словно я учинил кровавую резню. На уроке обществознания хотелось вскочить и бежать без оглядки, пока я не пойман. Внутри у меня все щекотало, хотелось засмеяться истерическим смехом, но я понимал, что если это сделаю, то выдам себя. На уроке алгебры Цифроед сверлил меня то и дело своим крысиным взглядом. Мне показалось, что он догадывается каково мне и ждет лишь подходящего момента. К концу урока за место лица Цифроеда я увидел покрытую оспой и гнойниками рожу с выпученными глазами – это было реальное обличье Цифроеда, того, кто скрывался внутри него. Я опустил голову в парту и сдвинул ручку в руке. В тот момент я подумал о том, что если он приблизится ко мне, то я воткну в него эту ручку. Когда прозвенел звонок, и я разжал ладонь, то увидел, что ручка треснула пополам. Поглядывая исподлобья на Цифроеда, копошившегося у своего стола, я не спеша вышел из класса (хотя внутренний голос толкал меня сорваться на быстрый шаг). С последних двух уроков я ушел. Просидел до звонка на урок в туалете, а потом вышел из школы, пока не было охранника. Придя домой, закрыл дверь на все замки и зашторил шторы во всех комнатах. Лег и постарался успокоиться, но ощущение, что мне нужно бежать, не уходило. Мне надо убежать, не то со мной разделаются *фрэссеры* (пожиратели страхов и ужасов). Они ворвутся в квартиру и убьют меня. Я встал с постели и проверил, запер ли я, входную дверь. Поглядел в глазок – нет ли кого на лестничной площадке. Все было чисто. Недели две назад, когда меня опять накрыло с головой чувство преследования и что за мной охотятся *Фрэссеры*, я видел на лестничной площадке какого-то сторбленного уродца с вытянутой башкой и прижатыми к бокам скрюченных желеобразных рук. Я вернулся к себе, заперев перед этим дверь своей комнаты. Подергал несколько раз дверь. А вдруг мне показалось, что дверь закрыта? И не в коем случае не следует в такие моменты снимать телефон – это могут быть *Фрэссеры*. Они способны копировать голоса твоих друзей и знакомых, так что и не отличишь. Когда я однажды снял телефон, то *фрэссер* говорил голосом Серого и пытался выманить меня из дома. Я остался дома, несмотря на его настойчивые уговоры. Голос Серого послал меня к такой-то матери. А когда на следующий день спросил его, он сказал, что и не звонил мне вовсе. После этого звонка я обнаружил, что коврик в ванной комнате был искромсан – *фрэссеры* оставили свой знак.

НУЖНО БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМ!!!

13 марта

Была контрольная по истории. Я все аккуратненько списал – когда из учебника, а если, что не знал, то копировал у Людмилы Менской, у которой был тоже второй вариант. Перекинулись парой фраз с Натали. Она хоть смотрит на меня нормально – не осуждающе. Один раз улыбнулась, когда я пошутил насчет того, что зря наша школа купила несколько новых компьютеров – ведь у нас есть Цифроед. Но все равно еще ощущается некая невидимая преграда, барьер между нами, который сдерживает нас и не дает быть самими собой. Вероятно, это остаточное, и вскоре пройдет, я надеюсь на это.

ТО, ЧТО РАЗРУШИЛО ОТНОШЕНИЯ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТУТ ЖЕ ЗАБЫТО – для этого требуется время и усилия

Только дома я вспомнил, что намеревался купить Нэт какой-нибудь подарок.

Сегодня Рик отправился в бассейн, а Серый на футбольный «матч» между местными дворами (приглашал меня, но у меня не было что-то настроения слышать ор, крики и наблюдать потасовку, которая происходила всякий раз в конце после таких матчей, когда все еле держались на ногах и с трудом ворочали языками). Ощущение, что за мной следят и хотят убить, почти пропало. Я хотел отправиться в магазин и купить что-нибудь Натали, но внутри что-то мне говорило, что не стоит – у меня не было должного настроения. Набрал ее номер и хотел пого-

ворить, но когда услышал в трубке ее голос, то повесил телефон. Поболтался по дому минут сорок, потом взял чуток деньжат и вышел из дома. Внутри у меня тогда все щекоталось, я был, наверно, возбужден почти как девятилетний парень в первый раз увидевший свою мать голой.

Вам когда-нибудь хотелось уехать далеко-далеко? Уехать в даль далекую, где можно начать все сначала, стать другим человеком? Меня охватило подобное чувство. Я купил бутылочку пивка, сел в первый попавшийся автобус и поехал. Уселся на заднем сидении перед окном и, медленно попивая пивко, просто ехал. За окном прогоняли машины, спешили люди, а я ехал вперед, оставлял все позади и начинал якобы все заново: тебя никто не знает, ты не совершил ошибки, за которые тебе стыдно, и ты можешь создать для себя новую личность. Конечная остановка автобуса был железнодорожный вокзал. Женщина-кондуктор тронула меня за плечо и сказала, чтобы я выходил. Я, зевая и прижимая к груди пустую бутылку, направился по проходу к выходу. После бутылочки меня потянуло в сон, но свежий воздух отогнал его. По железнодорожным путям прополз с шумом трамвай. Я перебежал их и двинулся на вокзал, выкинув перед этим бутылку в железную искуроченную урну. Погулял по вокзалу минут двадцать. Увидел там женщину, которая со слезами на глазах, обнимала девушку в джинсах и коричневой куртке. Подумал, что вполне возможно, это ее дочь, которая учится в другом городе в институте или еще где-нибудь, и приехала навестить маму, которая плачет, потому что не насмотрелась на красавицу-дочку. А дома эту маму ждет муж, которого не назовешь подарком, и ей придется опять ходить на работу, готовить еду и жить надеждой, что вскоре на пороге ее квартиры появится жемчужина ее сердца. Конечно, все наверняка было не так, но моему мозгу нарисовалась именно эта картина.

Наблюдая за этой трогательной сценой, почему-то захотелось всплакнуть. Когда я выпивал один, то это желание у меня нередко появлялось. Рассматривая девушку в черной шапке с рыжими волосами и спортивной сумкой в правой руке, которую никак не выпускала из своих объятий мать, вспомнил лицо Натали и ее черные, шелковистые волосы с кудряшками – просто замечательно, что я ее знаю и она у меня есть. Я ушел, чтобы не видеть эту девушку с мамой, а то почувствовал, как к горлу подступил ком. Посмотрел на зеленые поезда и людей с котомками, которые в них садились, и отправился к остановке, чтобы ехать домой. Желание уехать далеко-далеко исчезло на время.

НЕ ЗАБЫТЬ: КУПИТЬ ПОДАРОК НЭТ!!!

14 марта

Наконец-то сделал это: купил Натали подарок. Купил розу за сто рублей, хотел вначале три розочки подешевле, но у них был такой вид, точно их продержали несколько месяцев на сухом пойке и нещадно пытали – поэтому я решил, что лучше одна роза, но хорошая. Девушка-продавщица в цветочном ларьке спросила, нужно ли завернуть розу. Я сказал да. Она сказала, что тогда придется доплатить тридцатку. Я ответил, что тогда нет. Да я лучше на эту тридцатку пивка куплю. Да к тому же, главное то цветок, знак внимания, так сказать, а завернут он, или нет, на это плевать всем. Из дома я позвонил Нэт и сказал, что сейчас за ней зайду и пойдем погуляем. Она согласилась, но по тону ее голоса я понял, что ей этого не больно-то хочется. По дороге к дому Натали возникло снова ощущение, что за мной наблюдают – *фрессеры* из окон домов. Я мимолетно оглядел окно домов – никого не увидел. Конечно, они скрылись. С опущенной головой и, стараясь ее не поднимать, как бы не велико было желание, дошел до квартиры Натали. Все это время ощущение, что на меня сверлят сзади взглядами, не прекращалось.

Нэт впустила меня и тут же ушла в свою комнату. Я разулся и, пряча за спину розу, проследовал к ней. Сердце то билось, то замирало. Внутри все защекоталось. Нэт сидела ко мне

спиной. Я осторожно провел по ее мягким шелковистым волосам. Она не отреагировала (рука за спиной с розой подрагивала: мне было страшно).

Чтобы извиниться или сделать что-нибудь хорошее, нужно иметь крупицу мужества – это ведь не послать кого-нибудь.

Я коснулся ее шеи и прошептал: «Можно бы быть и поласковее». Она обернулась, рот ее приоткрылся (она хотела сказать что-то не слишком приятное) и закрылся, когда она увидела в моих руках розу. Она тут же расплылась в неопишуемой улыбке, глаза наполнились добротой. Она поднялась со стула, обняла меня и поцеловала в щеку (мне пришлось вытянуть в сторону левую руку с розой, чтобы она не сломалась, а Нэт не укололась). Я почувствовал запах ее волос и духов – на несколько секунд мне показалось, что я взлетел и парю. Натали мне простила мое дурацкое поведение. Надо было сразу же на следующий день после моего идиотского прикола над Жердиной сделать Натали подарок, а, возможно, даже к лучшему, что я сделал его сейчас – ведь каждому требуется время отойти, остыть. Нэт поставила розу в воду, а потом снова крепко обняла меня – это было супер. Пока Натали одевалась, я включил телек и переключал каналы, попивая кофе. Я спросил у Нэт, где родители, она ответила, что отец в командировке, а мать работает в магазине. Я подумал, что дела у ее родителей не лучше, чем у моих (ну может, самую малость). Уж лучше отец пусть будет в разъездах, чем возвращаться вечером раздраженным с работы и придираться из-за всякой хрени.

Вечером все (я, Натали; Серый и Юлька; Рик и Светка) сидели в саду. Серый дымил, как паровоз, и лапал Юльку, которая постоянно хихикала так, точно с ней это в первый раз, и она все еще невинная девочка. Мы с Натали еще не спали, да я и считал, что это не стоит делать сейчас – все только разрушишь в клочья. Но мой дружок Серый, видно, так не полагал, я его не винил, но в этот день, сидя в веранде и обнимая Натали, я пожалел о том, что знаю Серого. Он был таким убудком.

Мы оставили Серого, рука которого лежала на Юлькиной заднице, и Рика, разговаривавшего о чем-то со Светланой. Погода в этот день была мрачной, но внутри у меня все было светлым. Натали держала меня за руку, когда мы не спеша шли по тротуару, на котором местами лежал грязноватый снег. Я спросил у Нат: куда отправимся. Она предложила сходить к шестьдесят третьей школе за торговым универмагом (это была довольно опрятная школа из красного кирпича с синими окнами), дальше за ней были частные дома. Перед тем как идти туда мы заглянули в окна садика на первом этаже, взобравшись на пристройку со ступеньками. Из малышей за окном нам с Натали приглянулся один малыш с русыми волосами, который водил грузовик по ковру. Он делал это со всей душой. Губы его были выпячены в форме буквы «О» – очевидно, он озвучивал рев мотора у своего игрушечного грузовика. Я шепнул Нэт, что, мол, малыш, когда подрастет, будет великим дальнобойщиком. Нэт кивнула, крепче сжимая мою руку. Тут одна девочка в темно-синем платье с блестками заметила нас. Она помахала нам, улыбаясь доброй детской улыбкой. На такую улыбку просто нельзя было не ответить. Мы помахали в ответ, и я спрыгнул на асфальт. Помог спрыгнуть Нэт. Когда мы удалялись, то за собой слышали, как по стеклу тихонько постукивали. Нэт оглянулась, а потом потрясла меня за локоть, чтоб я сделал то же самое. В окне мы увидели лицо девочки в темно-синем платье, а с ней рядом – лицо будущего дальнобойщика.

Перед шестьдесят третьей школой было грязно. Все начинало потихоньку таять. Я подтянулся на перекладине и пролез по лесенке, перебирая руками, а Нэт тем временем покаталась на скрипучей качели на цепях. Ее волосы с кудряшками приподнимались и опускались, точно паруса, когда она качалась. Потом мы зашли в школу (охранник на нас даже не обратил внимание). Поднялись на третий этаж, спустились на второй – все было почти как в нашей школе, за исключением, наверно, того, что таблички на кабинетах висели другие. Например, на третьем этаже там, в правом крыле (в самом начале) был кабинет биологии (номер двадцать), а у нас был кабинет химии (номер тридцать) и т.д. Спускаясь по лестнице, увидели малыша с рюкзаком за

спиной, который вприпрыжку, шел вместе со своим дедушкой. Было хорошо видно, как малыш рад уйти с продленки и отправиться вместе с дедушкой домой. Я представил себя на месте этого дедушки, как я веду за ручку дочку или сына, а Натали (моя жена) вскоре должна вернуться с работы, и я и мой малыш (или малышка) спешим домой, чтобы сделать Нэт сюрприз – приготовить вкусный ужин для нее после трудного рабочего дня. А затем после ужина мы с Натали поговорим, пока наш ребенок будет смотреть мультик. Затем я уложу малышку спать, рассказав какую-нибудь сказку. Прекрасные мысли, но они хороши лишь на первый взгляд, если не принимать во внимание все проблемы, которые возникают, когда человек женится. Все эти прекрасные мысли и желания, навеянные мелодрамами и добренькими фильмами, испаряются, как утренний туман. Ты окунаешься в то, что зовется РЕАЛЬНОСТЬЮ, в которой редко можно наблюдать то, что навеял мне мой мозг, который жаждет, чтобы все было хорошо. Да к тому же у нас нет ни жилья, ни образования, чтобы получить работу и существовать в этом суровом мире. Все мы хотим, чтобы все было хорошо, но это не всегда так в этой трудной чертовой жизни. Может, и у моих родителей были подобные планы и желания, но посмотрите на них сейчас: у мамы, возможно, и осталось какая-то надежда на лучшее (что в семье будет любовь и порядок – чушь собачья), но зато мой папочка давно послал все это куда подальше (ему нравится все как есть: прямая темная линия, тянущаяся в пустоту).

Я не хочу совершить их ошибку (!!!)

Мне нравится проводить время с Натали, и она мне нравится, как человек (она добрая, веселая, ласковая), но не больше. Я подумывал о том, чтобы переспать с ней, но внутри мне что-то словно мешает, чувство, как будто я намереваюсь совершить что-то противозаконное. Честно признаться, я порой сам не знаю, чего хочу – вижу перед собой черную огромную стену и все.

По дороге до дома Натали я почти молчал. Она обняла меня и направилась в подъезд. Я чувствовал себя хреновей некуда, огромная куча говна. Я пощупал карманы джинсов и выудил полтинник. Купил две полторалитровые бутылки пива (крепкого и легкого), которые спрятал в шкаф в своей комнате. Я их еще не открывал. Сейчас проверю напоследок, заперта ли дверь, и стану напиваться, отправлюсь в плавание. Или лучше сказать покачусь на мягком облаке?

Дверь заперта – я в безопасности. Достал полторашку крепкого (оставлю легкое на следующий день; я не уверен, что полторашку крепкого-то осилю), подержал некоторое время в руках, ощущая приятную тяжесть. Повернул пробку, раздалось шипение. Я наклонил бутылку и наполнил стакан, который уже давно перекочевал с кухни ко мне в шкаф. Залпом выпил. Тело начало наполняться теплом и легкостью, желудок немного жгло. Вздохнул полной грудью и шмыгнул носом. Наполнил стакан и полез устраиваться на постель рядом с посапывающим Беном.

17 марта

15-го марта мама напилась. Она тоже не железная. Отец наорал на нее из-за того, что ужин подгорел и был пересолен, и обозвал как-то (я не расслышал). Папочка ботнул кулаком по столу, отшвырнул тарелку с едой и направился в коридор одеваться. Держа рукой входную дверь, он буркнул, чтобы его сегодня не ждали ночевать. Я про себя подумал: «будем только рады, урод».

Мама обхватила голову и сидела неподвижно, точно статуя. Не было слышно даже ее дыхания. Я постоял какое-то время в проходе на кухню, а затем ушел к себе. Минут через двадцать я услышал, как мама ушла. Она вернулась в десятом часу – ее мотало. Честно говоря, для меня видеть ее такой был шок. Она сняла пальто, бросив на меня косой взгляд (глаза ее поблескивали). Я помог ей дойти до кровати в спальню, укрыл покрывалом. Она пробормотала что-то вроде извинений (*Прости меня. Я знаю, как те это не нравится*). Я сказал что-

то вроде: «Ничего. Все нормально». А что я мог сказать? С одной стороны я злился, что она напилась (меня бесило то, что ее тут же развозило, язык заплетался, глаза блестели и появлялась тупая пьяная улыбка – как сопля. Когда я был маленьким, она частенько выпивала, и я ее за это сильно ненавидел. Я сидел в темной грязной квартире, на кухне была гора грязной посуды, а она лежала в замызганном халате на кровати в спальне, накрыв голову маленькой серой подушечкой. Отец, который не был тогда таким как сегодня, дома отсутствовал и возвращался поздно. Он тогда не придирался и не орал на меня, и по правде я его любил, он был для меня чем-то вроде кумира – только, к моему сожалению, он этого не замечал), но с другой стороны я понимал, что она напилась не просто так – это был результат продолжительного давления и оскорблений от моего папочки, вернее его ДУБЛИКАТА. Она не стала кричать или что-то доказывать ему, потому что доказывать моему папочке что-либо бесполезно (*НЕ СПОРЬ СО МНОЙ!*), а нашла решение в алкоголе (что и у меня бывает частенько, хоть я и младше ее на двадцать с лишним лет). Я не знаю, правильно ли, она поступила – я не могу ее судить. Мама не выпивала довольно долго – около пяти лет. Вероятно, мой отец не мог забыть тот период, когда она сильно пила и поэтому и иногда бил ее, потому что она не понимала простых слов – ей нравилось пить по неделям. Но все-таки она не пила пять лет и заслуживает прощения. Если бы я был на месте отца, то, вероятно, повел бы себя также. Теперь я частично понимаю отца.

Когда продолжительное время с тобой обращаются как с рабыней, которая должна готовить жрать, стирать и заниматься уборкой, не считаются с твоим мнением и не выслушивают, то результатом в итоге будет либо бурная ссора с ужасными последствиями, либо (то, что происходит очень часто) человек напивается, чтобы уйти от проблем, забыть о боли, проблемах, не чувствовать себя одиноким и покинутым.

Когда ты пьяный, то не чувствуешь *страха*.

У меня у самого возникают подобные чувства, хоть я и строю из себя крутого парня, и в школе меня побаиваются. Порой мне кажется, что я один, настоящий кусок дерьма, а мои так называемые друзья (Рик и Серый) – машины, которые исполняют на определенный отрезок времени роль моих друзей. Школа закончится, я не думаю, что мы так и останемся друзьями. Да кто и вообще друг? Тот, с кем ты проводишь время и бухаешь или же тот, кто может указать тебе на твои ошибки, потому что ты ему не безразличен? Натали – настоящий друг. Моя Нэт.

БЕЗНАДЕГА

16-го марта встретил Илью Нойгирова. Он догнал меня, когда я направлялся к Серому (у которого уже сидел Рик). Нойгиров учился в школе, которая находилась в пятнадцати минутах ходьбы от нашей, и была намного круче – конечно, там учились дети богатеньких, которые ее и спонсировали, чтобы их чада получали знания (ха!). Он рассказал мне о том, что у них в школе девчонка (из десятого класса) залетела. Когда она сказала об этом парню, который, по ее мнению, (она не помнила точно, потому что была сильно пьяна) являлся причиной этого, то тот послал ее да еще чуть пинка не вкатил, заявил, что он был лишь третьим – так что по поводу отцовства не к нему. Нойгиров гордо заявил, что был первопроходцем. Они подмешали девчонке в пиво клофелин. Когда она размякла, уговорили выпить еще вина, а потом делали с ней все, что хотели. Дело происходило на квартире у Нойгирова. Когда он это рассказывал, то я так и ощущал, как от него исходило эта напыщенность, борзость – он пах дерьмом. Родители у Ильи были какими-то бизнесменами, а старший брат, который занимался разными темными делишками и торговлей, имел нечто вроде банды и готов был любому башку оторвать, если бы тронули его братишку Илью (неважно был он виноват или нет). Так что Илья чувствовал себя безнаказанным, и каждый боялся слово ему сказать. Я, конечно, не дрожал при виде его, как все остальные, но при встрече с ним следил за тоном голоса и что говорю (это было очень

трудно, но я держался). Я знаю случай, когда Илья после школы избил парня-новичка в их классе, лишь из-за того, что тот по незнанию, огрызнувшись, сказал что-то грубое и не дал ему списать на контрольной.

Илья Нойгиров спросил: встречаюсь ли я с той же бабенка... Наташа, кажись (добавил он как бы между прочим). Я не понял его вопроса (мне вообще хотелось, чтобы он поскорее исчез). Нойгиров тогда хохотнул, как настоящий поганый мудень и говорит: «как это там говорится... а-а-а. А вспомнил: как об стенку горох». У меня все потемнело перед глазами, земля под ногами, казалось, обваливается. В уме я увидел ясную картину того, как набрасываюсь на него и луплю, так чтобы от него живого места не осталось. Но я, скрипя зубами, справился с собой. По телу пробежал озноб, точно я стою в сырой одежде, и на меня дует сильный ветер.

ДЕЙСТВИЯ – ПОСЛЕДСТВИЯ

Если бы я пошел на поводу своего гнева и избил Нойгирова (чего мне незнамо как хотелось), то на следующий день у меня были бы опухшие неприятности, результат которых довольно туманен.

Нойгиров отвязался от меня, когда я дошел уже почти до дома Серого. Оказавшись один, я почувствовал облегчение (точно с плеч упал тяжеленный груз), а потом жуткую усталость, словно я восьмидесяти летний старик.

Зайдя в квартиру к Серому, у меня не было никакого желания оторваться – мне просто хотелось лечь, вытянуть свои уставшие ходули и отрубиться. Но после кружки пивка все это отошло на задний план, и в меня вошел дух веселья, который уже давно не давал о себе ничего знать после черной шутки над Жердиной. Рик, Серый и я отправились на улицу. В моей больной голове созрел новый прикол, который оба моих друга поддержали. Я сказал Серому, чтобы взял пакет с ручками и какие-нибудь старые перчатки или рукавицы. Серый, ржа как слон, порылся в коридорном шкафу, громыхая дверками, и нашел старые вязанные перчатки. Пакет с теткой в дырявых на коленках джинсах и майке он снял с крючка в коридоре, и мы двинулись для исполнения нашего черного плана, за который нас бы точно по головке не погладили, если бы поймали – но меня это совсем не колышило: когда дух веселья завладевал мною, мне все было по барабану. Да к тому же я еще не до конца выкинул из головы нашу «мини-беседу» с Ильей, и своим новым поганым поступком, я думал, что как бы отомщу ему. Пусть ему от этого ничего не будет, но все-таки. Кстати, подобный ход мыслей не нов и возникает, по-моему, очень часто. Когда кто-то, кого ты слабее или у кого есть власть, достает тебя и унижает, и ты прекрасно понимаешь, что с этим ты вряд ли, что поделаешь, то ты срываешься на тех, кто слабее тебя. Как например, уставший муж, которого на работе пилил весь день начальник, а он только молча слушал и впитывал-впитывал, возвращается домой, то при малейшем поводе тут же срывается на жену или детей. Почему? Потому что внутри у него находится этот заряд, который он получил из-за конфликта с начальником и ему так и хочется выплеснуть его на кого-нибудь. А на кого он может это сделать? Ответ очевиден. На тех, кто слабее, и не может сказать что-то в ответ, а если и скажет что-либо, то будет жестоко подавлен. Таким образом, этот муж почувствует уверенность, и это чувство, что с ним обошлись несправедливо или как-то унизили, пройдет, потому что он теперь босс. Тоже может обстоять и с ребенком в школе, которого третируют старшеклассники, и его это жутко бесит. Он выберет кого-нибудь, кто выглядит хиликом по сравнению с ним, и начнет доставать его, чтобы не быть униженным, а бать победителем. Или в противном случае он замкнется в себе и станет своего рода отшельником, тем, кто станет избегать конфликтных ситуаций.

Самое забавное – это то, что, когда ты чувствуешь себя униженным или даже можно сказать оскорбленным, то ты не можешь спокойно переварить это, забыть и двигаться дальше – тебе нужно крови и криков. Совладать с собой и сдержаться – это неприемлемо. Ты думаешь,

что это что-то вроде слабости. И если ты не сделаешь какую-нибудь пакость или не поругаешься с кем-нибудь, то будешь чувствовать себя слабаком и хиляком, и это чувство так и будет глотать тебя изнутри.

Меня немного занесло, я решил поиграть в Зигмунда, но это именно то, что я ощущал тогда, находясь под хмельком: мне хотелось быть крутым, а не слабаком. Но вернемся к моему приколу. Я вообще-то собирался записать в своем дневнике о нем, а не заниматься анализом человеческих мыслей и эмоций, которые известны каждому.

Рик, серый и я пошли к шестьдесят третьей школе, к которой мы ходили вместе с Нэт. Там было поле, где постоянно выгуливали собак и где эти четвероногие друзья людей гадили направо и налево. Мы чикнулись (*камень-ножница-бумага*), чтобы определить кому из нас достанется такая классная обязанность как надеть старые серые перчатки и закладывать сухое собачье дерьмо (которое было главным предметом нашего шоу) в пакет. Проиграл Серый (в душе я ликовал). Он, что-то бурча, нацепил перчатки и начал искать сухие какашки, напоминающие сигарки. Наткнулись на настоящую дристу (видно, у собаки был понос последней стадии). Мы с Риком прикольнулись над Серым насчет того, не хочет ли он собрать в кучку этот понос, а затем уложить в пакет, который Рик держал открытым. Серый послал нас, а для пущей силы показал средний палец. Когда сбор был завершен, и мы все единогласно (языки у нас немного заплетались, и мы иногда хохотали как сумасшедшие) согласились с тем, что собрали достаточно дерьма для прикола, то решили еще купить полторашку и бутылку минеральной воды, чтобы нам наполнить наши мочевые пузыри (что тоже было основной частью мною задуманного прикола). После того как мы выпили все это, наши мочевые пузыри буквально разрывались. Серый смачно рыгнул и заржал. Мы отправились в девятиэтажку около шестьдесят третьей школы. На улице уже темнело.

В подъезде воняло какой-то гнилью и мочой. Я сказал Рик, чтобы нажал на прожженную кнопку лифта, которая у меня чуть ли не четверилась. Он нажал, тупо улыбаясь. Я, глядя на него, тоже залыбился и положил ему руку на плечо. Мы зашатались и треснулись об стену. Заржали. Серый велел нам заткнуться, что мы и сделали, продолжая хихикать как полоумные. Наконец лифт раскрылся. Рик сказал что-то вроде: наш час пришел. Мы заржали. Серый велел Рик, высыпать дерьмо из пакета. Рик, хихикая, зашел в лифт, перевернул пакет. Дерьмо посыпалось на пол в лифте. «Равномерно, точно сеешь зерно или еще что там», – сказал я, ржа. Освещение в лифте и подъезде было таким тусклым, что мне даже на какой-то момент спяну показалось, что собачье дерьмо ожило и ползает по полу в лифте. Я потряс отяжелевшей башкой. Потер физиономию тыльной стороной ладони. «Гтово», – ухмыляясь, сказал Рик, – настоящая говняная плантация». Серый и я согнулись пополам от смеха. Кайфно подметил – «говняная плантация». Улет. «Кто первый будет участвовать в поливке этой говняной плантации?» – спросил я. Мой дружки, ржа, проговорили, что тот, кто был инициатором этого черного прикола. Я не возражал (я уже с трудом совладал со своим мочевым пузырем). Сначала я пометил переднюю стенку лифта, потом – собачье дерьмо. Когда я закончил, то в башке малость прояснилось, а по коже пробежали мурашки. «Куда мне теперь встать, весь пол в твоём ссанье?» – Пробубнил Серый, расстегивая ширинку. «А ты прямо отсюда», – сказал Рик. Серый огрызнулся, но ему ничего не оставалось как поступить так, как и сказал Рик. «Когда ты, Рик, обоссешь тут все, то придется вызывать команду говноуборщиков, чтобы вычистить этот лифт», – Серый, который уже открыл свой кран, и Рик засмеялись. «Жильцы, наверно, подумают, что в лифт забегал гиппопотам, который обоссал и обоссрал здесь все», – пискляво проговорил Серый, закончив. Теперь пара собачих сигарок даже плавала в мини-мочевом бассейне и правая стена была сырой. Рик с полузакрытыми глазами расстегнул ширинку, но ему было несуждено добавить желтой воды в мини-бассейн.

«Сюда бы еще той дристы и...» – Серый не договорил, завопив, когда крепкая сухая рука выкрутила ему что было силы ухо.

АХ ВЫ, СКОТЫ ВОНЮЧИЕ!!! ВАНДАЛЫ ЧЕРТОВЫ!!! ПОДОНКИ!

Я сорвался с места. Ударился боком о зеленые перила. Мотаясь из стороны в сторону, сбежал по лестнице. Позади слышались вопли Серого (который пищал как девочка: *Это не я. Я ничего не делал*) и ругань деда с большим мамоном и лысой круглой башкой. Рик выбежал из подъезда в темноту, из ширинки у него высовывался конец, что он заметил лишь, когда мы были почти у торгового универмага. «Как думаешь, что он сделает с Серым?» «Не знаю», – ответил я.

«Мне кажется, изнасилует. Он походил на стопроцентного педа». Я толкнул Рика в бок, хмыкнув. «А слышал, как Серый пищал: *Это не я. Я ничего не делал?*» «Еще б! Точно он невинный мальчик, которого заставили смотреть, как лифт превращается в дерьмоферму, а он с этим ничего не может поделать». Рик и я весело засмеялись.

Когда появился этот дед, я обалденно перепугался. Сердце грохнулось в пятки, а член скукожился до малюсенького стручка, словно я купался голышом, как в детстве, и стою голый на ветру, отжимая плавки. Мне стало страшно, на ум то и дело приходила мысль, что если Серому не удастся улизнуть от этого деда-педа, то он расколется и скажет, где живу я и Рик, и тогда они придут к нам домой. Хоть бы Серому удалось смыться. Не следовало мне вообще затевать эту шутку. Как и после Шутки с Жердиной – чувство вины.

Этот дед-пед был одним из *Фрэсеров*, и сегодня он меня чуть не поймал. Появилось жгучее холодное чувство, что дед идет следом за нами по темной дороге, сжимая в руках тесак, которым он уже прикончил Серого, а его труп бросил в лифт, в нашу мочу и собачье дерьмо.

Завтра узнаем, что стало с Серым после того, как мы его кинули. Я уверен, что Серый поступил бы также. Инстинкт самосохранения заключается в том, что в минуту крайней опасности человек в основном думает о своей шкуре, а на остальных насрать.

Сегодня встретили Серого. Я думал, он будет злиться, но ничего подобного. Ему удалось сбежать от этого деда-педа, но тот выдрал его хорошенько за уши и надавал пинков по заднице перед этим. Серый сказал, что хватка у этого старого кабана была как у питбуля. Мы посмеялись над тем, как Серый вопил, словно девочка. На что Серый ответил нам, что неизвестно, как бы мы себя повели. Рик бы напустил в штаны, наверно, сказал он. Да иди ты, сказал Рик, кивая головой и ухмыляясь. После школы нигде не отвисали. Серый, у которого уши до сих пор были как два помидора, когда мы отправлялись домой после скучной школы-приколы, сказал, что сейчас придет и приложит к ним холодный компресс. Я и Рик засмеялись.

Когда я вернулся домой, мать была дома, она лежала на кровати в спальне (глаза ее поблескивали; щеки были красные). Я спросил ее, почему она дома. Она ответила, что ушла пораньше, потому что разболелась голова. *Которую ты умело лечишь алкоголем*. Я закрыл дверь и прошел на кухню. Попил смородинового компота. Башка у меня и у самого ныла, а перед глазами иногда двоилось, но сегодня я решил не похмеляться. Проверю, хватит ли у меня силенок продержаться, а то последнее время я выпивал чуть ли не каждый (если не каждый) день.

Уже три дня. Она, конечно, не так пьяна как в детстве, но все-таки. А вдруг это рецидив через столько лет? Внутри у меня плохое предчувствие. Возращение в детство. Тогда мне было очень страшно. Тогда я боялся, что родители исчезнут, или их украдут какие-нибудь монстры – и я, маленький, напуганный, останусь один в темноте, не зная, что делать дальше; но теперь такого четкого страха как в детстве нету (лишь порой он дает о себе знать на короткий промежуток времени. Вероятно, *фрэсеры* и чувство, что за мной гонятся и хотят убить – видоизмененные формы того, чего я страшился в детстве). Хоть бы она завтра не напилась.

На этом графике, который я начертил в своем дневнике, первая линия обозначает детство, когда мать сильно пила; дальше идет улучшение (она перестает пить, изменяется. Старые чувства, которые появились у меня к ней за то время, когда она пила, отмирают помаленьку);

следующая прямая линия – это наша жизнь (или существование?) за последние пару лет. После линия идет вниз (это значит ухудшение): она может еще выравниться, а может... так и будет продолжать падать день ото дня. Упадет до линии детства, и будет и дальше продолжать падать. Мне этого очень бы не хотелось. Вот этого я побаиваюсь.

КАК СЛОЖНО БЫВАЕТ РАЗОБРАТЬСЯ В ЖИЗНИ – ЭТО НЕ ЗАДАЧКУ РЕШИТЬ ПО ФИЗИКЕ ИЛИ НАЙТИ ПРОИЗВОДНУЮ ИЗ ТУПОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРИМЕРА

20 марта

Отец сегодня вечером подошел ко мне и вlepил подзатыльник (у него даже выплеснулось немного пива из алюминиевой банки). Когда у меня перестали сыпаться искры из глаз, папочка объяснил причину, по которой ему пришлось прибегнуть к силе без предупреждения: срач в комнате и вонь, словно здесь кто-то сдох. Я и вправду давненько не убирался в комнате, но ведь можно было *сказать* об этом. А вообще-то он не мог – язык у него давно отсох. Папенька свалил, велел мне тут же убраться. Перед глазами у меня снова заплясали искры, я почувствовал, как внутри у меня все будто наполняется огнем, голова заныла, будто ее сдавили подобно грецкому ореху – во мне забурлил гнев, смешанный со злобой. Я включил пылесос и пропылесосил комнату (при этом из меня вырывалось нечто вроде рычания), потом распахнул настежь форточку и протер пыль на моем столе и остальной мебели. Когда я выходил из своей комнаты, проходя мимо папочки, то он оторвал затуманенный взор от ящика и глянул на меня. В тот момент мне пришла на ум мысль, что ему доставляет удовольствие подкапывать под меня, искать мои промахи (как шоколад на полу, за который он меня отметелил, что я несколько дней отлеживался; грязная комната и т.д.), и в конечном итоге он ждет моего самого серьезного промаха, оплошности, чтобы в итоге и разделаться со мной – *фрэссер*. Я сполоснул марлю, которой стирал пыль, и повесил на трубу в туалете. Взял из кухонного ящика нож с красной ручкой и у которого еще на лезвие были острые зубья-пилки. Вернулся в туалет. Закатал рукав кофты. На секунду другую появилась нерешительность, но ее практически и не было, или как бы сказал Цифроед (это единственное, что я и запомнил из его скучно-монотонного бормотания): доля решительности была так мала, что по сути стремилась к нулю. Вспомнил лицо отца и как он меня треснул по затылку. Сдавил рукоятку ножа и резанул себя по левой руке. Заструилась кровь. Я держал руку над раковиной, чтобы не обкапать что-нибудь в туалете, пока искал в ящичке пластырь. Заклеил рану, слизав кровь. Теперь у меня на левой руке уже было два пластыря – один на плече (порез на нем почти зажил и остался сине-фиолетовый рубец) и новый – немного подальше от сгиба в локте. Я напоминал самую малость ветерана, принявшего участие в каком-нибудь сражении.

Боль отступила, я почувствовал легкость. Меня перестал волновать отец, мать, которая не прекратила выпивать, как мне обещала. Мне кажется, она просто нашла решение своих проблем – лекарство, с помощью которого можно приукрасить обыденность и избитость, но тем самым она катится, на мой взгляд, вниз – линия каждый день не спеша движется вниз – это факт.

Квартира мне напоминает темный грот, в котором можно слышать собственное дыхание или как где-то капает вода. В этой обстановке можно порой слышать звук работающего телевизора, телефонный звонок или крики отца, когда он найдет к чему подкопаться, но все это напоминает звуки эха, пришедшие издалека (неправильные, нереальные), которые проходят, и все в квартире погружается опять в эту мертвую тишину, атмосферу, где сразу можно ощутить, что здесь что-то не так, – ощущаешь как бы некий импульс, пульсации, свидетельствующие об этом.

КРАСИВЫЙ ЗАКАТ

Запах свежести, который наполняет все тело, вызывая своеобразный холодок и даже дрожь. Запах зелени, травы и земли. Забываешь обо всем. Отдыхаешь. Прогулка по лесной тропинке. Неподалеку в глубине леса, где пахнет хвоей, есть какое-нибудь озеро, над которым под вечер кружится различная мошкара. **ВРЕМЯ ТУТ ИДЕТ СВОИМ ОСОБЫМ ЗАМЕДЛЕННЫМ РИТМОМ**

23 марта

Цифроед сегодня вдоволь оторвался надо мной. На геометрии был урок решения задач, Цифроед тут же вызвал меня. В задаче требовалось найти объем пирамиды. У меня хватило мозгов лишь начертить пирамиду, провести высоту и отметить стороны, которые были известны. Также смог написать формулу нахождения объема (потому что она была написана на картонном листке, висящем над доской): одна треть площади основания на высоту. «Что застыли, о чем думаем? – Сострил Цифроед. – Разумеется, здесь надо думать, – это не идиотские шуточки откалывать, где больших мозгов не требуется. Ну каково тебе сейчас, а, умник вперевертку?» – Прогундосили губы Цифроеда. Те, кто сидел на задних партах (в основном ботаники, которые старательно решали уже следующую задачу, а, возможно, и вторую после моей из списка, написанного в углу центральной доски, и думали, что если они будут такими паиньками, то дальнейшее будущее у них пойдет как по маслу – институт, хорошая работа и т.д.; но они забывали главное – в реальном мире правит большой карман или большие друзья, как следствие большого кармана, а не диплом или хорошие знания). Глазки Цифроеда бегали туда сюда, иногда останавливая на мне и как бы буравя. Он напоминал маленького гадкого поросенка, который нашкодил и, делая невинную рожу, валит все на другого.

Кто обделал наволочку? Признавайся.

А вы думаете, что это я? Меня там и не было. Что уж, вы. Вы меня тем самым обижаете. – Говорит фальцетом.

Если бы в задаче было все известно, то никаких проблем: подставил-сосчитал. Это был мой любимый тип задачек, да, вероятно, и каждого нормального парня и девчонки. Да к тому же, непонятно почему, у меня в голове вертелось слово апофема. Оно как-то было связано с пирамидой и еще какими-то геометрическими фигурами. В последнем классе столько всяких геометрических фигур, а самое главное ряд формул и теорем, что в башке у любого все перемешается и получится что-то вроде каши «Дружбы». Самая моя «любимая» фигура – параллелепипед. У Цифроеда один раз получилось произнести: «паральпипед». Серый тогда еще крикнул сквозь смехи: «Это какой-такой у тебя там пипед-то?».

ПА-РА-ЛЕПИ ПАРАЛЛЕЛЕПИПЕД

Я провел куском мела прямую от точки А к точке F, чтобы хоть как-то нарушить повисшее молчание и не слышать нервировавшее меня дыхание Цифроеда.

«Ну что ж, Гернов, – решил он пофамильничать. Учителя любят фамильничать, когда им не нравится кто-то, – новая...».

«Пáра. Знаю-знаю. Но я же не виноват, что вы задали мне задачку повышенного уровня сложности, рядом с номером которой я бы поставил три, а то и четыре звезды, если бы работал в министерстве образования».

По классу полетели смешки. Рик на второй парте сзади показал мне поднятый кверху большой палец. Мне требовалось сказать тогда что-нибудь, чтобы не подпортить свой имидж, а еще мне до боли хотелось позлить Цифроеда – он меня бесил. Не знаю чем конкретно, но просто иногда встречаешь людей, которые тебе просто не по душе, от них исходят некие отрицательно воздействующие на вас флюиды – наш преп. математики был из таких.

«Ну что ж садись, скоморох», – прокрипел Цифроед, выводя в журнале напротив моего имени прекрасного (не белого) лебеда.

По мне так сотню пусть рисует, а все равно мне тройку в аттестат поставит – престиж школы да и даже его собственный. Это каким педа-педагогом надо быть, чтобы ученик ни капли не понял из его *сладкого* бурчания (а может, учеником?), чтобы не получить трой-тройчок.

Цифроед вызвал дорешивать мою задачу Анну Баркашину. Она, наверно, решила ее в своей тетрадке уж как минут десять назад (еще до того как Цифроед ткнул своим говнопальчиком в мою фамилию). Мы переглянулись с Серым, типа: *Какие люди в Голливуде*. Цифроед спрашивал Баркашину очень редко, потому что знал, что она все решит – это была настоящая математическая машина-убийца. Она хоть и носила очки, постоянно шурилась, так что мы с Риком сошлись во мнении, что ей пора переходить на старушечьи очки на резинке с гигантскими линзами. У нее была толстая длинная коса, так что она напоминала русскую бабу из классического русского произведения. Я как-то удосужился усесться за ней рядом во время контрольной. До звонка оставалось минут пять, а у меня был почти девственный лист. Я говорю ей, исподлобья зыряка на Цифроэда: «Дай списать». А она мне таким невинным почти ангельским голоском выдает: «Я и сама почти ничего не сделала». На следующий урок, когда Цифроед зачитывал отметки, у нее была пятерка. *Лживая крысиха-циклопиха*. Меня больше всего прикалывала, как она решала геометрические задачи. Цифроед постоянно гундел по поводу того, чтобы отвечающий у доски не молчал, а объяснял: *Вы же в старших классах, что уж вы за десять лет не научились отвечать как положено*. И наша математическая машина-убийца, чтобы сделать все «как положено» чертила, писала и несла умный математический треп без единой заминки: «Начертим пирамиду. Отметим на рисунке то, что нам известно. По условию задачи нам нужно найти объем. Объем мы можем найти по формуле. Та-ак, – тянет время, настраивая свои математические мозги на нужный лад, – поскольку постольку нам известна сторона пирамиды и диагональ, то используя теорему Пифагора, мы можем найти высоту, – Цифроед лыбится и хлопает в ладошки, подобно сопляку, которого отец (*Ну, ладно уж, так и быть, а то ведь не отвяжешься, так и будешь гундеть*) посадил на переднее сиденье и покатал перед домом, – а поскольку постольку нам известна высота, то поскольку постольку нам требуется найти площадь основания, а ее поскольку постольку мы найдем поскольку постольку из... (*Ой, простите поскольку постольку у меня недержание, то я подпортила воздух, но вы не волнуйтесь поскольку постольку воздух скоро рассосется, поскольку постольку в физике это явление зовется диффузией*) К концу урока каждый уходил с раскалывающейся башкой, ничего не разобрав из ее шерпотрепа, но уяснив одну великую штуку: чтобы быть крутым математиком, надо через слово повторять *поскольку постольку*.

После урока Цифроэда я, Рик и Серый купили в столовой по пирогу с повидлом в столовой. Когда наша мука в школе на этот день была завершена (мы отсидели все уроки, как настоящие паиньки, не свалив ни с одного), то я и мои друзья направились к кабинету математики, усердно работая деснами. Когда во рту получилась настоящая каша (пища для абсолютно беззубых: открываешь рот, тебе ее вливают и не нужно даже пережевывать – лишь проглатывать), то первым блеванул Серый. У двери кабинета Цифроэда появилась бело-рыжая жижа – понос младенца. Потом блеванул я. Моя жижа была в основном рыжей (было больше повидла), она попала на самый низ двери кабинета и медленно сползала – не спеша так, лениво. «Эх, вы, блевачи, смотрите как надо». – Серый поработал еще малость деснами и плюнул на дверь. «Дерьмокартина, которую можно отнести к абстракции», – сказал я, хохотнув. «Великий начинающий художник из местной школы задрипанного городка». – Добавил Рик. Послышались шаги и скрип половиц. «Сваливаем». – Громко шепнул Серый и отпрыгнул от двери математики (случай с дедом-педом его многому научил). Он рванул по рекреации на носках, чтобы не шуметь, а мы с Риком спокойно пошли, смеясь над боязнью нашего друга.

Мы делали эту очередную гнусную шутку около трех часов, в школе к этому времени практически никого из учителей не оставалось – лишь учительница физры в спортивном зале, у которой начиналась баскетбольная секция, и охранник, который торчал большую часть времени в зале, а не сидел на своем посту.

Подымив белыми палочками, которые в будущем могли бы подарить нам множество «подарков», мы повалили по домам. Лишь плюхнувшись на кресло и поглаживая за ушком урчащего от удовольствия Бена, я хлопнул себя рукой по башке, потому что не зашел за бутылочкой пивка. У меня было такое ощущение, словно меня опустошили, выпотрошили и бросили на безлюдную дорогу – пивко скрасило это паршивое чувство. Глаза слипались. Мне захотелось похрапеть чуток – больше ничего особо меня не привлекало. Но перед этим я звякнул Нэт, которая, как мне показалось, была немного не в себе. Но она сказала мне, извинившись, что ей некогда – она опаздывает на занятия по танцам – и она мне перезвонит, когда вернется, и мы поговорим: спокойно, не торопясь, плавно, как мирно плывущий лебедь. Я сказал ей, что буду ждать звонка, что сегодня я буду дома весь остаток дня, а сейчас как раз собирался отправиться набоковую. Натали пожелала мне чудных (не «чудны́х») сно-о-овидений и велела увидеть пару сно-о-ов и за нее. «Ноль проблем», – ответил я. «Ну мне пора, Дим», – на другом конце провода я услышал, как Нэт чмокнула губами. А затем прошептала: «Увидимся».

Голос у Нэт был якобы как и всегда, но я ловил в его нотках некую боль, страх и тревогу. Натали о чем-то переживает. Что-то ее тревожит. Точит изнутри. Она держит *это* внутри себя и старается быть собой, но это у нее не очень-то выходит.

ВЫЯСНИТЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ У НЭТ

ЧТО-ТО НЕ ТАК

Сейчас я вылью в стакан пузырек пустырника, разбавлю водой и выпью (заменитель пива) перед сном. Я заметил, что мне уже нравится вести этот дневник – можно взглянуть со стороны на себя, увидеть хоть какой-то порядок в моей скучной однообразной жизни. Вечером запишу, результат моего разговора с Натали.

Проснувшись, долго лежал с открытыми глазами, приходя в себя, выходя из сомнамбулического состояния. Это было нелегко. Ты словно висишь в центре пустой комнаты, с трудом воспринимаешь все, пребываешь в некой прострации – точно в вакууме. Постепенно в комнате начинают появляться разнообразные вещи: письменный столик, диван, кресла, тумбочка – она заполняется, появляется некая упорядочность, и ты перестаешь висеть в воздухе в центре комнаты и опускаешься на пол, в мыслях не присутствует сумбура и какого-то беспорядка, не кажется, что у тебя в голове дыра. Процесс того, как я выходил из сонного тормозного состояния, воспринимался мною примерно так.

Во рту был неприятный запах, как еще иногда говорят: «кошки нас...». Выпил чаю, а затем стакан воды. Сухота и вонь исчезли. Времени тогда было 17:35. То есть я проспал около двух часов, хотя у меня было такое чувство, словно я спал две минуты, что я только-только поговорил с Нэт, хрюкнул пустырника и завалился спать с Беном.

БОЛЬШЕ НЕ СПАТЬ ДНЕМ И НЕ ПИТЬ ПУСТЫРНИК – ДЕРЬМО

Мать вернулась в восьмом часу. Уже пьяная. Я учуял этот поганый запах еще издалека. Он молча передала мне пакет с покупками. Я бросил пакет около холодильника, отрезал себе хлеба с колбасой и направился к себе. Мать, высунув язык, стягивала сапоги. ГАДОСТЬ. Мои опасения оправдывались: последняя линия на моей схеме стремительно двигалась вниз. Маму словно подменили. Когда я заговариваю с нею (спрашиваю хотя бы как дела на работе и вообще), она смотрит сквозь меня, по-пьяному усмехается и отвечает, что все нормально. Она

как бы говорит: *Оставь меня в покое. Отвали ты!* Раньше у нас находилась тема разговора как бы сама собой, но теперь мы отдаляемся друг от друга. Она выбрала этот сценарий – не я. Я стараюсь хоть *что-то* сделать, но она закрылась. Понятно, что ей хреново, плохо и чертовски больно, но и ко мне все чаще стала навеваться мыслишка, которая в конце концов возоблудала полностью над моим приятелем Александром, но ведь я борюсь, ищу причины, чтобы не совершать этого (хоть и не всегда нахожу).

ЭТО НЕ МОЯ МАТЬ. ЭТО ЗЛОБНЫЙ ДУБЛИКАТ, РАСПРАВИВШИЙСЯ С НЕЮ.

В девятом часу заглянул на кухню. Там до сих пор была гора посуды, на плите стояла сковородка, на которой недавно жарили яичницу. Заглянул в спальню – мать храпела, накрывшись одеялом и покрывалом кровати (видно свернуть его ей было в «лом»). В спальне стояла духота, словно загнали человек шесть и заперли в ней. Хотел открыть форточку, но не стал этого делать – мне, что, больше всех надо, черт возьми!

ОПУСТОШЕННОСТЬ ОМЕРТВЕНИЕ ОДРЕВЕНЕНИЕ

ХОЛОД МОРОЗ ЛЕД

Через огромную лень вымыл посуду, которая валялась в мойке около трех дней. Я думал (еле-еле подсознательно надеялся $\approx 0,3$), что мать сегодня вернется в относительной норме и вымоет. Черта с два. ВСЕМ НА ВСЕ СРАТЬ. На газовой плите засохла жирная красноватая корка жира – до этого мама регулярно ее мыла, следила за ней, но ее настоящий ДУБЛИКАТ плевать на это хотел с высокой колокольни. Чувствую, как начинаю закипать. Использовал верное средство – два удара по стене в туалете (резать не хотел, потому что и так уже два рубца есть). Костяшки пальцев покраснели, их заломило. Класс.

Нэт позвонила почти в девять. Голос у нее был уставший. Сказала, что только освободилась: в семь двадцать вернулась с занятий по танцам, приняла душ, поела, полистала учебники и тетрадки. Я спросил ее, как ее самочувствие. На том конце телефона послышалось зевание. Потом Натали спросила: «А ты как полагаешь?» Я поерзал в кресле. Сдавил непроизвольно трубку.

«Думаю, что ты чертовски устала. После теплого душа и еды тянет в постельку, укрыться одеялом, которое вначале будет малость холодноватым, а затем закрыть глаза и заснуть», – высказал Нэт свои мысли.

«Ты... – здесь Натали запнулась, ей словно попал комок в горло, – абсолютно прав. Я вот с тобой разговариваю, а сама и думаю, как бы быстрее закрыть глаза, закрывающиеся сами собой. Одеялом я накрылась лишь наполовину, потому что жарко, но, как ты и сказал, оно было прохладным самую малость», – Натали зевнула. Это был такой сладкий зевок, что и мне захотелось спать, накатила легкая дремота (*Желал бы я оказаться с нею рядом сейчас. Проверсти по черным кудряшкам, пропусти эти шелковистые локоны между пальцами. Обнять, прижать к себе и поцеловать. А потом опуститься в объятия сладкого нежного и спокойного сна*).

«А как ты вообще, Натали? – Я перестал тянуть кота за хвост и перешел к сути, тому, что меня волновало. – У тебя что случилось? Что тяготит?» – Я произнес это не слишком торопливо, может быть, с легкой неуверенностью (в этот момент я пожалел, что у меня на коленях нету Бена – он, должно быть, сопел на верху шкафа, перевернувшись на спину, или у меня. Я бы погладил его по шерсти, под мордочкой, и это бы придало спокойствия, я бы не чувствовал этой дыры, растущей внутри меня).

«Есть кое-что. – Ответила Нэт секунд через пять. – А это что так заметно?»

«Я заметил».

«У меня родители собираются... разводиться. Пока отец разъезжал там по своим командировкам, он нашел себе помоложе». – Голос у Натали подрагивал. Мне на секунду показалось, что он сейчас заплачет, но этого не произошло.

«И что, *это* тебя так расстроило? – Я ожидал всего, что угодно, но не этого. Представил, что мои предки разведутся. Что я почувствую? Горечь? Сожаление? Тревогу? Если бы был десятилетним пацаном, то да, а сейчас вообще бы ничего не почувствовал.

«Не то, чтобы очень. Я отца-то видела раз от раза. Но все-таки, когда мне мама сказала, то я ощутила, как внутри что-то сломалось, ощутила какую-то тоску и пустоту. Такое поганое чувство. Ничего не хочется делать, тоска, так бы лег и не вставал. Хорошо, что еще отец квартиру нам оставит, а сам уедет к той, которая помоложе. Хотя все еще не решено окончательно. Меня словно предали, понимаешь?» – Натали произнесла все это нормальным голосом (который местами подрагивал) на одном дыхании, но она не тараторила, а просто бегло говорила. Она открывала, что у нее было на сердце, что держала все эти дни в себе.

«Понимаю, – сказал я. – Что-то подобное и я чувствую временами». – *Фрэссеры!!!*

«Да не трепись ты, Дим». – Нэт усмехнулась. В своем воображении я нарисовал уставшую измученную улыбку на ее личике и как она через силу махает рукой (*Да будет тебе! Не верю, что это может быть правдой*).

«Правда. Мне просто умело удастся камуфлироваться. Ты первая, кому я это сказал. Нарушил собственное правило: не говорить, что и мне страшно».

«Не беспокойся, Димусь, я никому не открою твою тайну». – У Натали вырвался смешок.

«Весьма ценю это. Но впредь зови меня господин Димуся. – Мы на пару рассмеялись. – Забудь ты об этом. Все будет нормалёк. А если опять плохо будет, то можем опять поговорить открыто и серьезно и не забыть после этого похахалиться».

«Спасибо, тебе, Дим. Если бы ты сам так не спросил, я бы не решилась. Сейчас мне гораздо легче».

«А почему не решилась?»

«Как будто и боялась. Да и не хотела загружать тебя своими проблемами – кому это интересно?».

«Мне. Можешь поверить: мне интересно».

Мы поговорили с Натали еще минут пять, а потом она пожелала мне сладких снов и сказала, что жалко, что меня нет рядом, а то она меня бы расцеловала. Затем сказала, что такой как сегодня я ей нравлюсь. Я напомнил ей, чтобы плотнее укрылась одеялом, а то кто-нибудь цапнет за голую пятку. Сказал, что целую и повесил трубку.

После разговора с Натали ощутил себя выжатым, пустым и жалким. Я помог ей, взбодрил, а чувство было такое, точно я сделал что-то плохое (оно было довольно сильным).

Нэт мне не доверяет. Бойтся меня? Я б не сказал. Просто не доверяет. Не хочет открыть для меня дверь внутрь себя (что бы она сказала мне, если бы я открыл свою дверь: рассказал, к примеру, о тех же фрэссерах?). Наверно, она права. Такой козел и отброс не достоин доверия.

СТРАХ (ХАРТС)

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ – ОТЛИЧНАЯ ЧЕРТА. НЕОБХОДИМО НАБЛЮДАТЬ ЗА ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКОЙ И ОЦЕНИВАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ. ЭТО ХОРОШО.

ОДИН (НИДО)

Почему, когда делаешь плохое, то не чувствуешь укора совести или какой-то вины, это даже прикольно; а совершая что-то хорошее, чувствуешь себя выдавленным тубиком и словно ты говнюк? ПОЧЕМУ?

Отец в этот день не ночевал дома.

У меня будет сходная с Нэт ситуация? Он ее бросит? Наверняка. Рано или поздно.

НАСРАТЬ

Хочу спать. Чтобы все забыть. Ничего не знать.

Чернота.

ТИШИНА. НОЧЬ. МОРОЗЕЦ, ЗАПАХ ЗЕЛЕНИ И СВЕЖЕСТИ. КТО ТАМ ВО ТЬМЕ?
НЕЧЕТКИЙ СИЛУЭТ.

Тук-тук-тук – КОЛОТИТСЯ СЕРДЕЧКО. НЕЗНАНИЕ ТОГО, ЧТО ТАМ В ТЕМНОТЕ,
ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ СТРАШИТЬСЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ, ПОТОМУ ЧТО МОЗГ РИСУЕТ
УЖАСНЫЕ КАРТИНЫ.

КОГДА ЭТО ПРЕКРАТИТСЯ?

СОН

24 марта

Почти весь день после школы спал с Беном, а потом один когда этот предатель улез на шкаф.

Дремота сковала меня своими невидимыми нитями.

Лень. Тоска. Но самое главное – ЛЕНЬ.

Я устал.

Мне хочется умереть?

25 марта

Другое проявление моих страхов. *Фрэссеры*? Да. Но не в прямом смысле. Мне не кажется, что меня преследуют и хотят разделаться. Это иное явление моих детских страхов – я в этом уверен. Перевоплощение, боковой вид. Мне кажется, что жить мне осталось один день и завтра меня не станет. Я погружаюсь в пучину этого страха не так часто, как ко мне навевываются *фрэссеры*. Интересно, чего я больше боюсь *фрэссеров* или этого страха, который возобладал мной сегодня? Второе. Потому что чувство, что я завтра исчезну так невыносимо сильно, что трудно справиться с ним, а от *фрэссеров* можно уберечься, соблюдая надлежащие меры предосторожности, которые мне известны.

Только представьте: вам осталось жить один день. Вы обзрываете, что там позади, и не видите ничего особенно приятного. И к чему побуждает вас в этот момент сердце? Сдаться? Бросить все? Насрать?! Да пошло оно все! Лично, меня нет. И я уверен, что и большинство людей наверняка. Хочется исправить часть того, что ты сделал не так, сделать все правильно хотя бы в этот день. Хочется поговорить с семьей. Возможно, к тебе на ум придет сразу все то, что ты упустил и натворил, но сегодня все это стирается, сегодня хороший день (последний день), когда нет места распрям и гневу. Возможно, будет трудно даже заговорить с членами семьи, с которыми ты практически не общался последнее время, но тебе поможет одна мысль: «Если я этого не сделаю – что останется у них на уме обо мне, когда меня не станет? Что я любил орать? Грубить? Был сосредоточен на себе, не замечая их? Был им чужаком? Или же:

другом? помощником? поддержкой?». Можно подумать, что один день не скрасит залежавшееся дерьмо лет, но это не так. С хорошим (пусть и не в большом количестве) все плохое уходит на задний план, тускнеет и в итоге забывается. Плохое, как сурово и жестоко, оно бы ни было, умирает, ветшает и разлетается на куски, а хорошее остается в сердце надолго, где продолжает жить и согревать душу.

Поговорить с моим папочкой мне не удалось (да даже если бы он был дома: пьяный и озлобленный, я бы, вероятно, не отважился к нему подойти, пусть бы мне и в самом деле на завтрашний день протягивать ноги). Мама, как только появилась дома, едва доползла до кровати и захрапела.

Линия все движется вниз. Вскоре пересечет линию детства. Я в этом уверен.

Я закутал маму покрывалом, поцеловал в теплую, плохо пахнущую щеку (хоть было и нелегко – но ведь если я не сделаю этого, то новой возможности не представится, потому что завтра ты прямехонько сыграешь в гроб). Когда я это делал, то видел не ДУБЛИКАТ, храпящий на кровати, а реальную маму, маму, которая заступилась за меня, когда отец готов был превратить меня в кровавое желе, мама, которая водила меня в цирк, потому что я то и дело долдонил, что хочу посмотреть на настоящих мишек и увидеть людей в белых облегающих костюмах в блестках, которые исполняют все эти трюки на кольцах и планках прямо у самого купола, да так, что дух захватывает, и кажется, что там не он, а ты сам (*а вдруг этот человек наверху сорвется? А вдруг? Страшно. Нет, этого не произойдет*).

ОЧЕНЬ ВАЖНО: ПОМНИТЬ ХОРОШЕЕ, А НЕ БЕЗОБРАЗНОЕ. ЭТИ МЫСЛИ ПОМОГУТ НЕ УМЕРЕТЬ И ВЫЖИТЬ. СОСРЕДОТОЧЬСЯ НА ЭТИХ ДОБРЫХ СЧАСТЛИВЫХ МЫСЛЯХ, КОТОРЫЕ У ТЕБЯ БЫЛИ, И ЗАБУДЬ О ПЛОХОМ, НЕ ВИДЬ ЭТОГО (КАК БЫ НЕВОЗМОЖНЫМ ЭТО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ!) – ВИДЬ ТО ДОБРОЕ, КОТОРОЕ ТЕБЕ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ.

В ЖИЗНИ РЕДКО СЛУЧАЕТСЯ ТАК, ЧТО ПОЛУЧИШЬ ЧТО-ТО ЛУЧШЕЕ, В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ВСЕ ЛИШЬ УХУДШАЕТСЯ.

КАК БЫ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ОКАЗАТЬСЯ В ОБЪЯТИЯХ НАТАЛИ. ЧТОБЫ ОНА ПРИЖАЛА МЕНЯ К СЕБЕ, ПРИЛАСКАЛА И ПРОШЕПТАЛА, ЧТО НИЧЕГО МНЕ НЕ УГРОЖАЕТ. О, НЭТ, МИЛАЯ НЭТ, ПОЧЕМУ ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕТ? ПОЧУВСТВОВАТЬ ЧУДЕСНЫЙ ЗАПАХ ТВОИХ ВОЛОС, ТВОЕ ТЕПЛО, ПРИКОСНОВЕНИЕ И ПОВЕРИТЬ В ТО, ЧТО МНЕ НЕ УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ. НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО. ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ? ТРУДНО СКАЗАТЬ. Я НЕ ЗНАЮ. НАВЕРНО, ПОТОМУ, ЧТО В МИРЕ МНОГО ТОГО, ЧЕМУ НЕВРОЗМОЖНО СБЫТЬСЯ И ТО, ЧТО НА ПОЛНОМ ХОДУ РАЗБИВАЕТСЯ О СКАЛЫ РЕАЛЬНОСТИ ВДРЕБЕЗГИ

Я стер с лица слезы. Всей силой ощущаю страх угрожающей опасности и смерти. Мне страшно. Одиноко. Тоскливо.

Я должен сделать все так, чтобы не сомневаться в том, что ушел *отсюда*, не оставив после себя белых пятен, пустот. Хочу почувствовать *полноту* – что сделал все как надо.

ВАКУУМ

Дальше я убрался в квартире. Относительно, конечно. Но все равно стала немного уютнее, и я не ощущал себя больше навозником с гордым видом обозревающим свои шикарные навозные владения. Я вымыл гору посуды, которая лишь накапливалась, и, вероятно, в скором времени в мойке бы оказалась вся посуда, которая имела в нашем доме. Отчистил засратую плиту. Пот лился с меня градом, а рожа вся покраснела, – словно побывал в парилке. Стер

пыль с телека, тумбочки и шкафа. Если бы был изобретен определитель загрязнения в квартирах, то после моей уборки он бы показал, что процентов на сорок грязевого дерьма в квартире поуменьшилось. Она, разумеется, не потянула бы на номер люкс, но в квартире стало гораздо лучше, а самое главное на душе у меня было прекрасное чувство: *полнота, завершенность и целостность*. Спину, руки (красные как у только что запеченного рака), мышцы на ногах ломило. Хотелось поспать, и я так и видел перед собой это манящее к себе облако дремы, но у меня было еще одно дело. Мною приготовленный ужин для всей *нашей дружной семейки*. Мое фирменное (и единственное блюдо, которое я научился готовить) – это макароны. Отвариваешь их, а затем хорошенько обжариваешь. Не забыть посолить, но следует быть аккуратным в том плане, что можно пересолить. Если ты не досалил – это малюсенькая проблемка (≈ 0), но если пересалил, то разрушил все, что до этого с таким старанием делал. Когда макароны почти пожарены, я нарезаю колбасы (обычно вареной, у копченой фиговый вкус), натираю в терку сыра (если таковой имеется) и посыпаю всей этой вкуснятиной макароны, напоминающие загорелых красоток. Выключаю конфорку. Пока сковородка стоит на плите, кусочки сыра расплавляются, образуя сеточку-паутинку, а колбаса коптится. Минут через пять, поднимая крышку, вдыхаю одурманивающий аромат. Добавляешь для запаха и пушкого вкуса зелени – укроп и петрушка. В подобные моменты я представляю себе крутым шеф-поваром или умелой хозяйкой, повелительницей кухни (*А ну-ка выметайся с кухни! Живо, тебе говорят!*). По сути, готовка это как рисование, а повар – это художник. Можно добавить какую-то новую специю, приправу и будет иной оттенок: иной запах и вкус, а можно украсить блюдо чем-либо и совсем иная съестная панорама, иной вид *обычного* блюда. В заключении я перчу макароны, чтобы было поострее. Возможно, кто-то не любит острое (например, моя настоящая мама, насчет ДУБЛИКАТА не имею понятие), но я обожаю. Ведь я все-таки шеф-повар, босс, главный, номер один, и если не устраивают та пища со своими вкусами и запахами, то можете откататься от нее. Моя настоящая мама (сейчас мне кажется, что ее настоящей не существовало; что ее всегда заменял ДУБЛИКАТ) не любит острый вкус и всегда, как я готовлю (что происходило не так уж часто: в основном, когда на меня накатывали темные мысли: что мне осталось жить всего день, что я типа дряхлый дед-пердун, поживший уже достаточно, и которому пришло время сваливать – иное проявление моих страхов) выбирает внимательно макароны, на которых насыпано (или навалено, как она, бывало, выражалась) не так много перца.

СТРАХ МНОГОЛИК

ПОЭТОМУ ПОСТОЯННО ТРЕБУЕТСЯ ОСТОРОЖНОСТЬ И ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Я с аппетитом съел ужин, выпил душистую чашку крепкого кофе, который был переслащен (на что мой папочка мог бы тут же заметить: *Опять песок транжирить! Знаешь ли сколько он стоит?!*). Вымыл посуду, чтобы не оставлять после себя грязи и тем самым не доставлять никому хлопот.

КОГДА УХОДИШЬ, ТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ВСЕ ТИХО И ЧИСТО, СДЕЛАТЬ ВСЕ НАДЛЕЖАЩИМ ОБРАЗОМ И ПРАВИЛЬНО (!!!)

Отец в этот день опять не появился.

Закрывая дверь своей комнаты и запирая ее на замок (что стало уже правилом, даже если отца и не было дома. А вдруг он вернется ночью и разделается со мной? ОСТОРОЖНОСТЬ), я чувствовал усталость и облегчение. С полужакрытыми глазами, я делал последние записи в своем дневнике, зная, что они будут последними, и потом все прекратится: *и страх, и боль, и одиночество*.

ЗЕЛЕНАЯ ТРАВА. Я ЛЕЖУ НА НЕЙ В ОДНИХ ШОРТАХ. Я ОЩУЩАЮ ХОЛОДОК, ИСХОДЯЩИЙ ОТ РЕКИ. ПРИПЕКАЕТ СОЛНЫШКО, НАГОНЯЯ ЛЕНЦУ И СОНЛИВОСТЬ. РЯДОМ ЛЕЖИТ МОЙ ДРУГ. ОН ЗАКРЫЛ ГЛАЗА И ТОЖЕ НАСЛАЖДАЕТСЯ СОЛНЕЧНЫМ ТЕПЛОМ. ОН ДВИГАЕТСЯ. ЧУВСТВУЮ ПРИКОСНОВЕНИЕ ЕГО КОЖИ. ПОГРУЖАЮСЬ В СОН. А КОГДА ПРОСНУСЬ, ТО ОН БУДЕТ РЯДОМ, И У НАС С НИМ БУДЕТ КУЧА ИНТЕРЕСНЫХ ПРИКОЛЬНЫХ ДЕЛ, ОТ КОТОРЫХ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ЗАСКУЧАЕШЬ – ПРЯМО КАК В ДЕТСТВЕ, КАК КОГДА-ТО В ДЕРЕВНЕ С ГЕНОЙ. МНЕ НЕ СТРАШНО ЗАСЫПАТЬ, ПОТОМУ ЧТО РЯДОМ МОЙ ДРУГ. ТОТ, КТО ПРИКРОЕТ МОЮ СПИНУ, ПОДДЕРЖИТ И УТЕШ...

27 марта

Так как делаю эти записи в своем дневнике, то из этого ясно то, что я не умер (у меня только тыква раскалывается и тянет проблеваться, а желудок, кажись, расслаивается на глазах). Как я вообще мог думать такое?! Это словно было не со мной. Да. Когда страхи обрушиваются на меня, то я меняюсь и становлюсь другим. *В крайних критических ситуациях каждый меняется – кто-то в большой мере, кто-то в меньшей.*

В школе была обычная рутина, если не считать того, что после уроков меня потянуло на поганенькую шуточку. Мне тогда разрывало мочевого пузыря (Серый тоже был непрочь облегчиться), и я предложил сделать это в кабинете биологии. Во-первых, нам с Серым нужно было его убрать, а во-вторых, заодно можно было и сделать видимость уборки. Рик запер дверь кабинета, довольно лыбясь. Я дал подзаправиться пальме, потому что бак у меня был переполнен, а горшок у нее был объемный. Когда я закончил свое грязное дело, то в горшке еще было полно мочи, потому что пальма обалдела, ведь ее поливали нечасто и от такого обильного полива у нее съехала крыша, и она чуть не захлебнулась. Рик опылил бегонию, так что «питательная» жидкость полилась через край, а Серый дал напиток растению с огромными лопухами, которые местами аж потрескались. «Кайф, неопишное чувство облегче-э-ения», – проговорил я с закрытыми глазами.

«Пей-пей дорогой». – Сказал Серый, застегивая ширинку.

«Как-то здесь душно стало и мочой наносит. А вдруг биологичка учует? Ведь их же в институте обучали подобному», – брякнул Рик.

«Спятил что ль? Да к тому же все выветрится до завтра». – Ответил я.

«Ща-ас, учует она! А даже если и поглотится чё, то решит, что сама наполнила воздух ароматом коричневых роз». – Добавил Серый, поднимая стулья на парту.

Мы подняли стулья, стерли с доски схему про Изменчивость, Наследственность и остальную фигню, которую, кажется, и мы недавно проходили.

«Сваливаем», – сказал я, поднимая с парты пакет с тетрадками, когда мы все закончили.

«Чудесно убралась!» – у Серого вырвалось нечто вроде хрюканья.

Рик отпер дверь кабинета и запер. В учительской, пока вешали ключ на гвоздик, туда заявила биологичка собственной персоной, мы все незаметно переглянулись.

«Убирались, мальчики?»

Занимались подкормкой цветов, огородница, – подумал я в этот момент, но ответил вместе с Риком:

«Да». Серый промолчал, стоя в дверях.

«Ну, спасибо вам».

Рады стараться. Обращайтесь снова. Не стесняйтесь. Никаких проблем.

«Не за что, Раиса Владимировна. Мы все сделали как требовалось». – Рик был прямо сама услужливость и внимательность.

«Не сомневаюсь». – Ворконула биологичка, копошась в шкафу с разными папками.

«До свиданья». – Сказали мы втроем хором – прямо-таки безгрешные ботаники.

«Ага, мальчики».

Мы сбежали по лестнице, хохоча как угорелые.

Мы двинули по домам, договорившись о том, что около пяти слетимся у Серого на квартире, у которого родителей не будет (они, как сказал сам Серый, свалят на два дня на похороны матушкиной сестры, скончавшейся от рака груди).

Дома все начинало снова обрастать паутиной мертвечины и тоски – квартира опять превращалась в грязный вонючий грот, но мне было на это глубоко плевать. Я устал, меня задолбало пытаться сделать что-либо лучше. Другие обитатели нашего грота давно послали все это. Почему бы мне не встать в их ряды, а? За плиту, которую я отдраил, мамаша не сказала мне даже сраного спасибо или хотя бы: «Молодец, Дим, хорошо потрудился или поработал». Вместо этого она напоролась в очередной раз. Когда я увидел ее глаза в разные стороны, как у полудурка, меня так и подмывало съездить ей по морде. Я ее ненавижу даже больше чем отца. Может, отец прав, что пропадает постоянно? Я ощущаю в квартире одно разложение – здесь все мертвое, жизнь отсутствует. Единственный нормальный обитатель нашего мрачного кровавого грота – Бен. Его мурлыканье, вид того, как он лежит, развалившись на шкафу, диване или рядом со мной успокаивают меня, придают дольку умиротворения. Видя такого счастливого беспечного довольного и дремлющего парня (моего приятеля Бенни) можно только позавидовать и помечтать пару секунд о том, чтобы быть на его месте.

Пока я собирался, Бен лениво (нехотя так) ходил за мной, точно провожал. Я насыпал в его миску корма, а сверху кинул жопку копченой колбасы, и он тут же перестал следовать за мной и принялся расправляться с жопкой. После моего ухода он, наверно, забрался на шкаф.

По дороге к Серому я встретил Светлану и Рика. Они спросили, почему я без Натали. Я ответил, что она сама подойдет, что у нее дела. Серый нам открыл, натягивая майку и отдыхаясь. Через какое-то время нарисовалась Юлька, оправляя юбку и приглаживая волосы. На ней была белая блузка, сквозь которую просматривался красный лифчик, который, должно быть, с таким пылом стаскивал Серый, когда повалил ее на кровать. Светка с Юлькой тут же удалились поболтать о своем, и мы остались втроем. Я подумал в этот момент о том, чтобы сделал предок Серого, если бы застал его с голой жопой пыхтящим над Юлькой или под. Мой бы меня на месте урыл в этом сомнения нету. Вскоре появилась Нэт, я ей был очень рад. Я ее обнял и поцеловал, прижавшись к чуть холодной щечке. Она улыбнулась, смотря мне прямо в глаза, и поцеловала в губы (когда Нэт целовала меня в губы – это было не просто так, это значило, что она довольна мной, благодарна и радостна – и у нее все тип-топ на данный момент). Я еще раз убедился в том, что вот эти нежные чувства любви и благодарности, чувство, что тебя ценят как человека, чувство, что у тебя есть друг, с которым можно открыто поговорить и открыть сердце намного лучше тупого траханья. Когда переспшишь, то девушка теряет для тебя ту тайну, не является той загадкой, которой была до того. Я могу так сказать, потому что сам испытывал подобное до того, как стал встречаться с Натали. С Анькой Харповой, с которой я встречался до Нэт, было подобное. Мне с ней было интересно вначале, я ждал наших встреч, но потом этот интерес стал угасать, а после того как мы переспали (на вечеринке, устроенной в квартире Ильи Нойгирова, который нас и свел с ней), все чувства к ней махом испарились, я ощутил жгучее чувство вины, и она казалась мне настоящей уродиной, страшненьким каннибальчиком, от которого нужно чесать со всех ног, что я в скором времени и сделал. После секса Анька больше не значила для меня ничего, я словно получил от нее все, и она больше мне ничего не может дать в ответ, стала бесполезной, как лопнутый шарик.

НЕ НУЖНО ПОВТОРИТЬ ПОДОБНУЮ ОШИБКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОЕЙ НАТАЛИ, ХОТЬ ЭТА ОШИБКА ВРЕМЕНАМИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ УЖ ТАКОЙ ОШИБКОЙ (ОБМАНКА)

Может, чувство вины ощущаю лишь я? А Серый совершенно из другого теста? Плевать мне из чего этот кабан-совокупитель сделан. Может, он и не чувствует вины и его устраивает эти их животные отношения с Юлькой, которые я бы охарактеризовал как: *загорелось-перегорело-пошла-ты-в жопу*. Что бы там ни было, а я не хочу все обосрать, не хочу потерять *друга*.

Мы с пацанами хрякнули по рюмахе коньяка или чего-то в этом роде, пока девчонки готовили, что похавать. Серый врубил такой нормальный музончик, чтоб создать подходящую атмосферу. За день до того, как собраться у Серого мы сложились на жарчку (я отдал последнюю наличку и остался с голым задом) *Нужно запастьись наличкой. Уверен, что у парней с ней напряг тоже. ВЗЯТЬ НА ЗАМЕТКУ*.

Мы поставили небольшой столик в середине комнаты. Серый отрыл какую-то скатерть и покрыл его. Вскоре появилась тарелка с нарезанными кусочками сыра и копченой колбасы. Рик издал довольный вой и чмокнул Светку, на которой был повязан фартук. Рик, выпивший еще две рюмахи (мы с Серым только по одной), закосел на глазах. Он прижался к Светлане, положив ей пятерню на бедро, и брякнул, что она довольна аппетитна в этом фартучке, настоящая домохозяйка из сериала. Светка вильнула задом, чтоб сбросить пятерню Рика, и скрылась из комнаты.

«Куда ты-ы-ы мармела-а-а-дка-а?!» – Проорал Рик.

Мы с Серым заржали. Я не мог сказать, почему я хахалился, вероятно, потому, что так хотелось, и настроение у меня быстро менялось с холодного минуса до теплого кайфового позитива. Все рисовалось таким сладким, в голове шикарно гуляло, в башке словно поработал отряд уборщиков специального назначения, и там было пусто, как в том горшочке из-под меда у пузатого Вина, которого еще кличут Пухом.

«Что старый перечник, что ль?! – Гаркнул Рик, трясая тыквой. – Включи что-нибудь позабо-о-й-ней!».

Рик вырубил музон, который поставил Серый, и вставил кассету Брайна Адамса.

«Вот, что надо действительно слушать, парню-юги! Это реальная вещь, а то поставил нам какую-то тоску!».

«Наслаждайся!» – Сказал Серый, подливая мне.

Возникла Юлька с двумя тарелками яичницы, которая подгорела и лежала горой. Ее, как определил мой мозг, наполняющийся парами алкоголя, штормило. Должно быть, они на кухне, заготавливая хавчик, прикладываются к волшебной бутылочке, из которой вылетает джин-чудесник и долбаёт их по черепушкам.

«Где, Нэт?» – Спросил я у Юльки, которая, поставив тарелки, выкручивала тазом рядом с отрывающимся и наглухо забуревшим Риком.

Серый хлопнул новую рюмашку. Заел кусочком сыра с колбасой, крикнул и, вскочив, стал выплясывать под заводную песню Брайна Адамса. Я тоже решил попозднее потрясти своим задом. Музыка как бы толкала к этому. Юлька, которая увивалась около Серого, так мне и не ответила, поэтому я отправился на кухню сам, первое время держась то за стены, то за ручки дверей, но потом в башке у меня что-то утряслось, и я смог идти без помощи контакта с какими-либо предметами. На кухне Нэт и Светка о чем-то говорили, но о чем я не уловил, хоть и показалось на пару сек, что понял, о чем они воркуют. На полу у батареи стоял рядок волшебных бутылочек, из одной из которых уже выпустили джина-чудесника. На столе лежали пакетики чипсов, пластиковые баночки с салатами.

«Яичница стала бы королевой бала среди яичниц-уродок». – С трудом сказал я, обняв Натали и нюхая ее волосы (но я ничего не унюхал, мою носопырку, точно загородили железной перегородкой).

Светка засмеялась. Нэт убрала шипящую сковородку, прихватив прихваткой, на другую конфорку, а на ту, на которой до этого стояла сковорода поставила пузатый красный чайник, который еще начинает вопить, когда водичка в нем достигает отметки сто градусов (*Вырубай живо, парень! Я спарился! Тебе говорю*).

«Щас все будет готово, Дим». – Нэт поцеловала меня в щеку. Она не отнимала губ от моей щеки довольно-таки долго (но меня это не особо волновало, потому что мне казалось, что щека под заморозкой – гадкое ощущение). Потом Нэт укусила меня в щеку. Я вскрикнул, потирая укушенное место. Это было больно, но с другой стороны и приятно.

«Ты чё?» – Только и нашелся, что брякнуть я.

«Я тя щас съем, Димусь – вот чё». – Нэт по-дурацки хохотнула.

Светка пока обратилась к услугам джина-чудесника, выливая остатки пива в стакан. Она выпила его, наверно, еще до того, как дошла до комнаты, где отрывались Серый, Рик и Юлька. Настоящий баклан.

«Э, ну ты полегче, – говорю. – Тя повело чуток».

«Да все нормалек». – Натали прижала меня крепко к себе, положив руки на задницу. Внизу у меня что-то зашевелилось и начало расти – это был плохо. Я убрал руки Нат с моей задницы (хоть и одна часть меня прямо-таки вопила: *Ты что делаешь дурень?! Отдайся встречному ветру и не сопротивляйся!*).

«В чем дело, Димусь?» – Нэт состроила недовольную гримаску.

«Все нормально, давай помогу донести остальную еду в комнату».

Рука Нэт потянулась к бугорку на моих штанах, который пока перестал расти, но я перехватил ее руку и отвел в сторону. На ощупь ее рука была словно резиновая или каменная. В башке, заполненной спиртным, я ощущал как бы дуновение ветра. От того, чтобы совершить дерьмовый поступок, о котором я стал бы впоследствии незнамо как жалеть, меня отделяла хрупкая грань, на которую я встал и уже ходил по ней. А то, что возобладает – здравый рассудок (замутненный спиртным) или желание – зависело от меня. И я рад, что я все-таки вернулся назад за границу, а не стал окончательно переступить ее и падать в темную морскую пучину.

Я снял крышку со сковородки. Там были пельмени. Я выложил их на тарелку. Как раз заорал чайник, я его тут же вырубил. И пока я занимался всем этим, Нэт откупорила бутылку с сидором, налила себе стакан и выпила. Когда я засек это, она уже почти его допила.

«Что ты, черт, творишь?»

«А чё?» – Она отрыгнула (было неприятно). Я почему-то сразу вспомнил мою мать, которая, вероятно, сейчас опять дрыхнет в спальне.

«Ни че! Ты и так уж хороша. Довольно». – Башка у меня начала прочищаться. Я сказал себе, что больше не стану пить. Я вспомнил мать, отца, развод родителей Нэт, Анну Харпову и мне стало страшно, только не в том смысле страшно, что я испугался, задрожал или еще что-то типа этого, словно глядел суперклевым ужастик, – НЕТ, эти мысли словно отрезвили меня, охладили все эти животные желания, который мой больной мозг рисовал в таком обалденно ярком свете. Я увидел, что там за гранью ничего интересного – там лишь чернота. Я, словно осознал окончательно, к чему все это ведет. Как если ты знаешь, что за преступление, ты можешь попасть в тюрьму и провести какое-то время в тесной сраной камере, где двадцать человек чуть ли не сидят друг на друге и испражняются в один вонючий сортир, а что еще хуже (и СТРАШНЕЕ) некоторые из них могут сделать из тебя тряпку, «местную девочку». Когда думаешь об этом, то понимаешь, что лучше не преступать закон, как бы трудно ни было. Что схожее я ощутил тогда к тем намекам Нэт на секс. Я проиграл ситуацию наперед, увидел всю панораму.

Когда мы заходили в комнату, Натали опять положила свою руку мне на задницу и погладила. Как я ее ненавидел в этот момент. Если бы у меня не были заняты руки этими треклятыми тарелками, я бы хорошенько толкнул ее или чего хуже. Играла одна из медленных песен Брайна Адамса (довольно приятная, нужно будет купить кассету или попросить у Серого). Рик сидел, запрокинув голову на спинку дивана, и, кажется, уже спал. Светка доедала яичницу, но я бы скорее использовал по отношению к ней глагол: дожирала. Серый и Юлька танцевали медленный танец, лапая друг друга с закрытыми глазами. У Юльки задралась юбка, а ей, видно, это было по фигу.

Я поставил тарелку с пельменями, салаты, а Нэт громыхнула в центр стола бутылку сидра, которого она успела отведать, и пива.

«Налега-а-ай!» – Прокричала она. Извиваясь под музыку.

До этого я никогда не видел, чтобы она вела себя так отвязно. Она всегда устанавливала определенную границу, которую не нужно переступать – и это меня в ней и привлекало – а сегодня, вероятно, она послала все куда подальше.

ПОРОЙ, КОГДА МЫ ИЗМОТАНЫ И НАМ НЕ ВИДНО СВЕТА СРЕДИ НОЧНОЙ ТЬМЫ, ВСЕМ НАМ ХОЧЕТСЯ БРОСИТЬ ВСЕ, НАПЛЕВАТЬ НА ВСЕ И ОТДАТЬСЯ ВЛАСТИ ТЕЧЕНИЮ

Серый открыл глаза и по-идиотски залыбился (вероятно, увидев новых джинов-чудесников, которые и вырубят его, как Рика). Он вырубил музон и плюхнулся на диван рядом с Риком. Потормошил его, тот что-то пробурчал, и его голова упала набок. Серый заржал. Ущипнул Светку, на которой до сих пор был фартук, за бок. Та вскрикнула (или, точнее сказать, взвизгнула, точно свинья) и обозвала Серого уродом. Тот, тупо лыбясь, налил себе пиво в стакан. Пена бурным потоком полилась на стол. Серый наклонился и стал слизывать ее со стола. Юлька схватила его за шею и вжала мордой в стол, точно нашкодившего котенка. Когда Серый выпрямился, то вся рожа была мокрой и по ней стекала пена. Он загоготал. Юлька присоединилась к нему (хочется заметить, что она ржала, как настоящий мужлан). Светка тоже залыбилась (на левой щеке у нее висел кусок яичницы).

«Еще раз так сделаешь, сволочь, – прибью!» – Серый пнул Юльку ногой. Она грохнулась на пол, ржа. Серый влил себя стакан с пивом (наполовину заполненный), вытер тыльной стороной ладони рот и издал что-то вроде оранья-рычания.

Куда я угодил? Это квартира душевнобольных? Семейка каннибалов, про одного из которых мы рассказывали страшилку в детстве? Я один? Тогда мне казалось, что я брошен и никто не спасет меня, даже мой единственный друг, потому что он стал такой же машиной, как Рик и Серый.

ВСЕМ КОГДА-НИБУДЬ ХОТЕЛОСЬ ОЧУТИТЬСЯ В ТИХОМ МЕСТЕ (У КАЖДОГО ОНО СВОЕ), ГДЕ СПОКОЙНО, КРАСИВО – ТАМ МОЖНО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ И НЕ БОРОТЬСЯ С ОДИНОЧЕСТВОМ И ПЕЧАЛЬЮ, КОТОРЫХ ТАМ НЕТУ

Я наполнил стакан сидром (руки у меня подрагивали) и жадными глотками выпил. Лапа Натали обвилась вокруг моей талии (даже чуть ниже. Меня это взбесило; *у нее крышу на черепушке снесло*, пронеслось в башке). Если бы я не выпил этот стакан, который остудил меня (как те мысли, когда я чуть, было, не скользнул через грань), то я бы, наверно, заревел. Порой на меня просто наваливается, так что аж хочется зарыдать. Я словно улетаю куда-то высоко во мглу, где незнамо как морозно, тихо, и где обитают *Фрэссеры*, от которых там нет спасения, там они настигнут меня и разорвут на кусочки. Представляете, что бы подумали мои друганы

(вернее, один друган – второй был в алкогольном отрубе), их подружки и Натали: *Да у него с тыквой не лады. Больной. Чокнутый шизофреник. Психопат.*

«Кайфово, хватнул, Диман», – сказал Юлька, поднимаясь и усаживаясь на колени к Серому, как ни в чем ни бывало. Она на ощупь нашла его пятерню, которая была у него за спиной, чмокнула, а затем засунула себе под юбку. Нэт тоже это заметила, и, видать, не желала отставать от Юльки в развязности и развращенности (я какой раз убедился, что в голове Нэт прошел сильнейший шторм и снес все там к чертовой матери), потому что подкатила ко мне, пошатываясь, и крепко поцеловала в рот, прижав к себе. *Сладкая Смерть* – ко мне это подходило на все сто. Сладкий, дурманящий, кружащий голову аромат, за которым кроется гниль-гнилющая с личинками, червями и всякой иной гадостью. Пока я выходил из чар этого *сладкого* аромата, Нэт утащила меня из комнаты и повела куда-то (как я позднее просек – спальня родителей Серого). Серый прогорланил мне что-то, что я не расслышал.

Натали повалила меня на кровать. Начала целовать. Честно скажу, она не была никогда такой страстной. Положила мои руки себе на задницу. Потом начала расстегивать ремень (*О-О!!! Красный свет*).

Иди до конца, парень. Вперед. И не думай о последствиях.

СЛАДКАЯ СМЕРТЬ.

Что ты делаешь, придурок? Прекращай это, пока еще есть силы, и тебе не сорвало крышу полностью. ВСПОМНИ Харпову, родителей. Держи мысли на этом, постарайся сосредоточиться на этом и больше ни о чем. Огороди себя невидимым кругом. Тебе хочется все разрушить?

Не слушай его, этого дурака. Тебе хорошо, разве нет? А будет еще лучше, так что смелее.

Примерно такой диалог зародился у меня в башке, которую снова чуток повело после стакана сидра. У меня, словно на одном плече сидел бес, а на другом ангел, как это иногда показывается в фильмах. Мне безумно хотелось послушать беса: он говорил так сладко (*СЛАДКАЯ СМЕРТЬ*) и убеждающе, что мысленно я уже нарисовал себе картину, как снимаю с Нэт брюки, а потом все остальное.

Я дернулся. Сбросил Нэт с себя, которая уже почти стянула с меня штаны.

«Ты чё? Не хочешь? Давай же. Я хочу».

«Нет! Не буду».

«Почему?!» – Я ощутил злость в голосе Нэт.

Я ничего не ответил и выскочил из спальни родителей Серого.

«Козё-ё-ол!» – Донеслось до меня. Голос Нэт дрожал, словно она сейчас расплачется.

Я только забежал в туалет, как почувствовал, что *это* произошло (все-таки она меня распалила). Я ощутил какую-то странную минутную форму вины, наслаждение, а затем опустошенность. Завоняло потом и еще каким-то дерьмом. Я спустил боксеры, на которых было пятно спермы, и уселся на унитаза. Чувствовал себя, как малыш, который долго просился в туалет, но чересчур занятые родители не слышали его, и обделался в итоге. Вонючее чувство. Чувствуешь себя настоящим говном, отбросом, мусором и тому подобное. По-научному то поганое происшествие, которое приключилось со мной, называется поллюцией, хотя я назвал бы его: *мокрая проблемка*, после которой, мягко говоря, не очень-то приятно себя ощущаешь. Но несмотря на все те тяжелые и разъедающие меня чувства, благодаря которым я представлялся себе отвратительным смердящим червяком, я был рад, потому что не разрушил наши *настоящие дружеские* отношения с Натали.

Я НЕ СОВЕРШИЛ НЕПОПРАВИМУЮ ОШИБКУ

Как бы я себя чувствовал, если б переступил черту и бросился в объятия манящей бездны, в которой много разноцветных переливающихся огней, и кажется, что лучше, чем там, быть не может? Реальный вопросик для размышления.

*БУДЬ ВНИМАТЕЛЬНЕЕ
ОСТОРОЖНЕЕ*

ДЕРЬМО

Выйдя из туалета, я направился в комнату. Рик так и храпел, свесив тыквы. Светку спала у него на коленях. Наша мини-вечеринка у Серого быстро подошла к своему заключению. Серый и Юлька (ее белая блузка была задрата до самого красного лифчика) храпели на кресле. Хорошо, что еще в комнате было два кресла, а то мне даже не было бы куда опустить свой зад. Бутылки сидра и пива были прикончены. Я наведалься на кухню к оставшимся волшебным бутылочкам. Я кстати уже замечаю не первый раз, что когда все вырубается, остается еще много спиртного. Пустой была бутылка коньяка, которую мы распили с пацанами и которая, можно сказать, и сшибла Рика, который очень быстро забухает; две большие пластиковые бутылки сидра и пива, а также вроде была пустая бутылка пива на кухне (Нэт ведь не воздуха надышалась, что ее так повело). И еще осталась целая бутылка пива объемом 0,5 литров и с джином-чудесником внутри, который, когда выскакивал со своим молотом, дубасил с силой 7,6⁰; маленькая бутылочка водки со вкусом лимона и литровый замес какой-то бурды на типа сидра розового цвета – как же мы жадны.

Взял оставшиеся бутылки и отнес в комнату. Аккуратно расставил: водку и пиво на столе около тарелки с пельменями, на которой отдыхали всего четыре пельмеша, а бутылку розовой бурды поставил на пол. Снова накатило серое кровавое чувство вины. Я пустой ненужный урод. Скоро за мной придут *Фрэссеры*, они попрятались в квартире Серого, пока наблюдают за мной, наблюдают, какой же все-таки я жалкий тип. Направился в туалет и долбанул три раза кулаком по стене. На одной костяшке выступила кровь, кулак заломило. Но зато теперь мои мысли переключились с мрачных мыслей *на эту боль*. Умылся. Смыл кровь на костяшке. Не утерпел и заглянул в спальню родителей Серого, откуда Нэт так и не выходила. Она спала, уткнувшись лицом в покрывало и прижав к себе ноги. Как мне хватило сил не разрушить такое *хрупкое и нежное*? Холодок пробегает от мысли, что все могло бы быть гораздо хуже. Я прикрыл дверь и направился в комнату. Пока плохие мысли не атаковали вновь, я отвинтил крышку на бутылке водки и налил в стакан из-под пива. Влил в себя. Закусил пельмешкой. Налил розовой бурды (так-то я думал выпит пива, но забыл открывашку, да и не знал толком, где она лежала на кухне). Выпил. Отрыгнул. Меня повело. Перед глазами все вначале потускнело, а затем вернулось в нормальный ракурс. Захотелось проблеваться, но это желание длилось всего секунд пять. В башке карусель закружилась в полную силу.

**ПАРЮ. ПОТОКИ ТЕПЛОГО ВОЗДУХА ПОДХВАТИЛИ МЕНЯ И ЗАКРУЖИЛИ.
МЫСЛИ О ФРЭССЕРАХ ПОКИНУЛИ МЕНЯ. МНЕ СТАЛО ВСЕ ДО ЛАМПОЧКИ. ВСЕ
ПОТЕРЯЛО ЯРКОСТЬ**

Я включил кассету с песнями Брайна Адамса и тут же плюхнулся обратно на кресло. Под музыку (а особенно такую классную) хорошо напиваться и, возможно, жалеть себя и где-то оправдывать. Запрокинул новый стакан розовой бурды (пыжился прочитать ее название на этикетке, но буквы выплясывали рок-н-ролл), а затем выпил водки. Защемило сердце. Стало тяжело на желудке. Из уголка глаза выкатилась слеза, но, вполне вероятно, что мне это и показалось. К горлу подвалил ком, и захотелось проблеваться снова. Когда стало полегче, я

насиленно влил в себя новую порцию джина-чудесника, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, наслаждаясь приятной песней Брайна Адамса, которая все удалялась и удалялась. Если бы меня вырвало, когда я отключился – я бы мог захлебнуться собственной блевотиной и мог скопиться, но тогда меня это совершенно не пугало.

Утром я проснулся самый первый. В квартире была такая тишина, словно в городе-призраке, как, например, в Припяти – в этом радиационном очаге. Первым делом я рванул в туалет и проблевался. Внутренности бешено жгло, в затылке давило, а перед глазами творилась невообразимая пляска. Я подставил голову под струю холодной воды и начал быстро тереть лицо. Относительно пришел в себя. В животе все ныло. «Лучше бы я и не просыпался», подумал я тогда. В холодильнике я нашел немного виноградного (лучше бы, конечно, апельсинового) сока. Вылебал прямо из коробки. После перепоек всегда ощущаешь жуткий сушняк, а внутри все словно сморщилось, скукожилось, подобно растению, которое оставили на растерзание знойному солнцу, перед этим еще поморив сухой смертью – не поливали. Выпил стакан воды, потом следующий и еще один (уже с напрягом). Теперь в животе у меня было небольшое жжение, что-то вроде изжоги, а в основном – порядок. Процесс иссыхания изнутри перешел на медленный темп. Живот у меня был заполнен, и в нем булькала вода. Примерно через полчаса нужно будет попить снова что-нибудь. Начало калить башку, будто у меня была температура. Перед тем как свалить домой и завалиться спать (скорее всего до самого вечера), я умыл свою рожу на кухне. Если бы я это не сделал, то точно упал бы в обморок где-нибудь на улице. В голове гудело, кажется, я даже различал бой барабанов. Я мысленно сказал себе, что больше не буду пить вообще. Но, естественно, что я не сдержал обещания. Сейчас (после долгого сна), когда я записываю все, что было со мной вчера и последствия вчерашнего в этот день, в это поганое 27 марта, я попиваю маленькими глоточками легенькое пивко. Я пытался совладать с собой, но мне это не удалось. Да к тому же я нашел в ящике с кучей всякой всячины и разного мусора (я понимаю, что большинство того, что хранится в этом ящике, надо выбросить, но мне лень это сделать, и с другой стороны, набитый разным дерьмом ящик придает мне некое большое чувство довольства – типа: *Смотрите, сколько у меня разного хлама, не то, что у вас всего четыре вещички, уложенные с аккуратностью стоодногопроцентного педанта, во всем ящике*) две мятые десятки. Вам, должно быть, интересно, с чего это пацан, который заколол школу, проспал до пяти часов вечера и который страдает чудовищным похмельем, стал рыться в ящике, набитом под завязку. Просто так? Естественно, нет. Все было намеренно. Я знал, что могу найти там малость денюжат, потому что имею обыкновение кидать в него деньги – и мне повезло.

Я ЛЕНТЯЙ И ЛГУН ЧЕЛОВЕК БЫСТРО ЗАБЫВАЕТ ПЛОХОЕ

Поэтому я и купил эту бутылку. Хотя если вспомнить меня, когда я только раскрыл свои бельма, и, кряхтя и держась за живот, кинулся в сортир, чтобы хорошенько проблежаться, то мне ни капли спиртного и в помине не нужно было. А взгляните на меня, Дмитрия Версова, после того, как я выдохся, после того, как тыква перестала раскалываться, а в горле и животе исчезла эта сухость (против которой неплохо помогает йогурт или апельсиновый сок с добавленным в него яйцом) – я снова бы не прочь вернуться к тому, от чего меня буквально воротило. Я действительно врун: говорю одно, а через определенное время будто забываю о том, чего хотел – *больше не буду пить вообще* (но на само деле не забываю, конечно; просто то, что я хотел, словно теряет прежнюю силу, и я думаю: *зачем ты вообще это говорил себе? Не следовало*). И как результат, хоть мне немного и неудобно перед самим собой, но я превозмогаю это чувство и покупаю пивко, вначале легенькое, потому что я еще помню то чудовищное состояние, которое у меня было после попойки, но вскоре, через день другой, я покупаю что-

то покрепче, а потом мне хочется надраться. Я себе позволяю это в очередной раз, потому что думаю где-то подсознательно, что в этот раз все будет по-другому: похмелья не будет, блевать не потянет, а с тыквой все будет нормалек – я просто отключусь, выпив достаточно спиртного, и полетаю. А на следующее утро проснусь как ни в чем ни бывало, и буду петь.

ЯВНЫЙ САМООБМАН, НО, ОЧЕВИДНО, НЕ ЯВНЫЙ, ЕСЛИ Я ПОПАДАЮСЬ НА НЕГО

28 марта

В школе сидел, точно андроид. Никого из моих друганов не было – что и следовало ожидать. У всех у них обалденное похмелье после нашей супервечеринки, и никому из них не охота с большой башкой пытаться вникать в математическое бормотание Цифроеда, разбираться в том: каковы положительные и отрицательные стороны коммунизма, типа последней ступени социализма, или же слушать то, как наша биологичка, Раиска Владимировна, впаривает нам про обезьян, которые были такими трудолюбивыми и любознательными, что научились базарить на различных языках, перестали ходить, выпятив жопу и поняли, что джунгли – это не их места обитания, им нужны квартиры и получше, если можно – номер люкс в пятизвездочной гостинице будет весьма кстати. Но видно мне было охота послушать про обезьян (или кого там еще?), которые росли рядом с атомной электростанцией, по-видимому, с которой произошла утечка радиоактивных веществ, которые и превратили обезьян в человеческих красавцев. Я пошел в школу-то лишь потому, что уроков-морочков было немного – пять, да и надеялся проветрить тыкву, походившую на переспелый арбуз, который нашпиговали чрезмерным количеством пестицидов так, что он милый, того гляди, и хрястнет во всю мочь, что аж ушки в трубочки свернутся у тех, кто это услышит. Все уроки я был в некоей спячке, кроме биологии, где биологичка меня прямо-таки насмешила, вывел из дремы. Представляете, она заявила с такой умной рожей (даже не покраснела и не заржала как кобыла Пржевальская), что у жирафа длинные ноги и шея, как стропило, потому что он долго упражнялся в доставании вкусных листочков с верхушек деревьев, и вследствие этого его маленькие ножки (которые вначале были размером как у окапи) и шеенка удлиннились (*Долго же ему бедному пришлось скакать!*). Биологичка сказала, что это все согласно закону Ламарка, который гласил: если орган упражняется, он развивается. Потом приплела сюда наследственную изменчивость, борьбу за существование и еще какую-то чушь, я уж даже и не помню. Я хохотнул, подумав о том, что если начну с завтрашнего дня прыгать на месте, то через год буду настоящим великаном, а если повезет, то и бумером. Биологичка не по-доброму посмотрела на меня и продолжила свой рассказ из мира фантастики. Ей бы писать фантастические рассказы, правда! Хотя их бы не стали читать: слишком уж они какие-то пустые и несвязанные. Вот если бы она сказала, что однажды маленький жираф-окапи был увезен мартышками (которые уже превратились в красавцев-культуристов, надыхавшись парами радиации) в секретную лабораторию для проведения операции по удлинению ног и шеи, то это было бы намного правдоподобнее, а самое главное есть хоть какая-то связь. Еще бы добавила, что мартышки, у которых мозги увеличились, были очень внимательными и заметили, как жираф-окапи стоит все время, задрав кверху башку и высунув язык, и жаждет зеленых сочных листочков, которые, к сожалению, были на самой верхушке дерева. А потом еще бы сказала, что операцию жираф-окапи перенес благополучно и превратился в чистокровного жирафа, который был готов дать жизнь новым длинноногим жирафам с длинной шеей. Кто-то (самый внимательный слушатель такого захватывающего фантастического рассказа), возможно, спросил бы: А как жираф мог дать жизнь жирафам, ведь он был один. «Вполне разумный вопрос, – ответила бы биологичка, – на самом деле жираф, который перенес сложную операцию по изменению скелета, пожертвовав собой для будущих поколений жирафов, был еще к тому же и гермафродит, которому девочка

не требовалась». Мне, кажется, такой бы урок все с радостью восприняли да еще бы поржали от души. Мой рассказ вышел гораздо убедительнее и интереснее, чем у биологички, не правда ли? В нем хоть есть обоснованность и логичность – не то, что у биологички: *жираф с длинной шеей и ногами, потому что долго прыгал. Поняли дети? Ну-ка запишите закон Ламарка, из которого это следует, в свои тетрадки*. Тоска зеленая. Она словно перефразировала фразу Портоса: «Я дерусь, потому что я дерусь».

После урока биологии я выходил довольный, забывший о боли в тылке и хорошенько поржавший так, что мышцы живота заболели. Разумеется, рассказ биологички был сухой и заученный за долгие годы преподавательства, но зато, благодаря такой тоске, я смог создать свой собственный веселый (а самое главное взаимосвязанный) рассказ о том, как мутируют виды, и пережить эти вонючие сорок минут. На радостях я даже чуть не подошел к Натали, которая все уроки сидела на третьем ряду с опущенной головой, но я тут же застопорил себя. Скорее всего, всплыло произошедшее два дня назад, да к тому же мне не хотелось подходить первым – в конце концов, я не начинал всей этой бадяги. Черные волосы Нэт с кудряшками были завязаны ленточкой по цвету, напоминавшем цвет крыльев бабочки-крапивницы, в конский хвост, и взгляд у нее был такой печальный, что так и подмывало подойти к ней, обнять и заверить, что все путем, но вместо этого я держался от нее на расстоянии в этот школьный день. Для меня это было ой как нелегко, и я, само собой, поговорил бы с ней на следующий день или в другой, не утерпев, но мне хотелось узнать все-таки, что будет делать она. Про себя я решил, что если мне придется говорить с ней о том, что у нас произошло, то после выяснения причин, мы с нею никакими друзьями не будем.

В пятом часу, когда я валялся с Беном под боком, зазвонил телефон. Когда я снял трубку и сказал «алло», то там некоторое время было глухо, а затем раздался подрагивающий и звучащий тише обычного голос Натали: *Прости меня, Дим...извини*.

Мне было безумно приятно слышать это. А я усомнился в ней! Моей Нэт. Чтобы сказать это требовалось огромное мужество, и Натали была настоящим храбрецом. У меня даже комок к горлу подкатил, точно вот-вот заплачу. Я сказал Натали, что все нормально и что в этом есть и доля моей вины (не следовало мне выпивать тот стакан сидра, тогда бы Нэт меня не утащила с кружащейся башкой в спальню родителей Серого, и не произошло бы «мокрое» происшествие). Она сказала, что чувствует себя грязной, словно ее валяли в помоях пару месяцев, что это чувство внутри жрет буквально заживо ее. Спросила, тяжело ли мне было совладать с собой и не переступить грань, если выражаться привычным мне языком. Я вспомнил щекочущее сладкое желание, которое притягивало, как гигантский магнит, а особенно, когда ты еще хорошенько на веселее и разгорячен, и ответил, что невыразимо, как сложно. Натали сказала, что она не помнит, что делала – хронология события того вечера в ее мозгу обрывалась на том месте, когда я вхожу на кухню и говорю еще эту шутку насчет яичницы. «На меня словно наваждение нашло, – добавила Нэт. – Я узнала, что отец окончательно уходит от нас с мамой к любовнице, и мне захотелось напиться, чтобы не чувствовать себя брошенной и использованной, а дальше ты сам знаешь, что было, к чему меня толкнуло». Я сказал, что знаю.

Теперь для меня все стало ясно, мне стало понятно, почему Нэт послала все к черту и решила плыть по течению в тот вечер – это был результат того, что отец у нее уходит на совсем к другой женщине. Видать, она его сильно любила, если так среагировала.

Натали извинилась еще раз, назвав меня милым. Вы знаете, многие треплют это слово, то и дело, только для показухи иль чтоб показать, как они близки, но Нэт вложила в это слово все свою признательность, благодарность и даже возможно некоторое сожаление, а самое главное это было *искренне* (она называла меня так очень редко, и, очевидно, я его на самом деле заслужил). По мне это личное слово, которое предназначается лишь тому, к кому питаешь теплые чувства или даже может что-то сильнее – поэтому его и исследуют говорить друг другу не для позерства. И говорить не на публике, то и дело, как может Серый сделать это (он может подва-

лить к Юльке хлопнуть ее по заднице своей пятерней или по плечу и сказать типа: «Здорово, милах! Или как дела, милух!), а наедине или хотя бы и на публике, но не так кичливо, даже можно сказать незаметно от других. Ведь, по сути, тогда уже теряется все очарование, которым обладаете лишь вы вдвоем, если делать это лишь для шоу. Я вот могу поспорить на что угодно, что для Серого Юлька – лишь плоть или что-то вроде коровы, которой он попользуется, а затем кинет, как он делал это до того с некоторыми. Он обращается к Юльке в такой ласково-извращенной форме и на первый взгляд, может, показаться, что у них там чуть ли не райский мир да любовь, но если копнуть поглубже и присмотреться, то вы не увидите ничего кроме «приятно» пахнущего... В классе я не позволяю себе ничего такого похабного по отношению к Нэт: я могу положить ей руку на плечо, обнять за талию и не более. Никаких хлопков по попке или щипков ни в коем случае, как это есть в привычке у Серого, а иногда и у Рика, когда он хочет не отстать от Серого. Не стану отрицать, что и у меня есть желание иной раз вести себя, как мои друганы, я же все-таки не золотой мальчик без единого изъяна, но я ставлю себя на место или же думаю о последствиях своего такого действия.

ДЕЙСТВИЕ-ПОСЛЕДСТВИЕ

Один раз я не удержался и хлопнул Натали по заднице, так она меня так смачно треснула, а потом еще и два дня не разговаривала. «Я что-то тебе лошадка, что ль какая? Если Юльке это нравится, то *мне нет*». – Сказала она тогда.

Естественно, она была права. По отношению к ней это было свинство. А за последующие два дня я это отлично осознал.

Я сказал Натали на прощание, чтоб не думала больше об этом, что она молодчина: набралась мужества, позвонила и так все открыто сказала. «Спи спокойно, малышка, и пусть тебе приснится прекрасный сон, который унесет все плохое». – Пожелал я ей на прощание. Я говорил честно, и мое сердце так и переполнялось теплом и радостью, но все же слово «малышка» мне далось не очень (вероятно, из-за того, что говорил его не часто, и было непривычно поэтому). Когда я говорил его, я изо всех сил согнул пальцы на ноге. Я делал это, когда волновался. Отсюда можно видеть, что и крутые парни вроде меня, которые на вид круче некуда, временами волнуются. Натали нежно проговорила сладким голосом: «И тебе», а затем добавила: «Спасибо, Дим».

Должен сказать, что это был наш первый открытый разговор, если не считать тот недавний разговор, когда она мне сказала, что ее отец собирается от них слиться. Какое у меня было впечатление от нашего разговора? Изумительное. Натали поднялся в моих глазах выше некуда. Прекрасный белый лебедь расправил свои изящные крылья и воспарил. И вообще открытый разговор бодрит и приносит удовлетворение: словно открываешь все свои карты, а потом узнаешь, что у игрока напротив, и уже не страшишься и не гадаешь, а что там у того, кто с тобой играет эту партию – успокаиваешься, видишь все целиком и в душе наступает удовлетворенность, завершенность, как та, к которой я стремлюсь, когда мне кажется, что жить мне осталось всего лишь один день.

Когда на дню произошло, что хорошее, что-то обалденно хорошее, так что тебе кажется, что ты паришь (без помощи алкоголя), то запираешь дверь комнаты, ложишься в постель, гасишь свет и засыпаешь с *уверенностью*, что все будет хорошо и тебе приснятся замечательные сны. Ты засыпаешь с *надеждой* и перед собой видишь лишь *светлое*. Когда я был маленьким пареньком, учился в младших классах, а летом отрывался в деревне у своих дедули и бабули с Геной, то такое чувство у меня было каждый день, когда я закрывал уставшие глаза после насыщенного интересного дня с моими друзьями. Сейчас подобное чувство радует меня весьма редко, что очень-очень плохо. Я костенею? Превращаюсь в мертвеца-взрослого, которому уже ничего не ново в этой жизни и который чертовски устал? Который делает привыч-

ные дела (работает, набивает брюхо, «развлекается») и все, не видя ничего дальше собственного носа. По мне так это тоска (даже не зеленая, а черная напрочь). Когда я был ребенком, то я представлял себя затерявшимся в осеннем лесу. Что и произошло один раз, когда мы с родителями и еще какими-то знакомыми ездили за грибами. Я тогда не отходил от отца, и он сказал мне, что, мол, хватит таскаться за мной и отойди чуть в сторону и ищи грибы там. Я послушался отца, потому что он сказал это малость в раздражительном тоне, а потом как-то незаметно для себя и заблудился. Где-то после часового бегания по лесу, я все же нашел маму с ее знакомой. С тех пор желания потеряться в лесу у меня не возникало. Но зато у меня было, что вспомнить, что-то, выходящее за рамки обычной рутины, и это делает мою жизнь разнообразнее и ярче. Чем отличается жизнь ребенка от взрослого? Каждый день у детей новые дела: лазания где-нибудь, летом строения шалаша, который они могут называть своим секретным штабом, посещение заброшенных домов и исследование их, купание и много других прикольных занятий, на изобретение которых у детей полным-полно фантазии. Вот в этом-то и различие ребенка от взрослого: ребенок может поверить в чудо, может представить и вообразить множество разных, порой несуразных, вещей, над которыми простой взрослый, у которого эта фантастическая жилка под названием «Безмерная фантазия» иссыкла, высохла, подобно ручью. Во мне эта жилка еще есть, и я не хочу ее потерять – она помогает мне жить дальше и не помереть со смертной скуки. Может, поэтому на меня порой находит: и я делаю различные глупости (черные шутки): как, например, подсунул презервативы Жердиной, предложил «подкормить» цветы в кабинете Раисы Владимировны, всеми любимой биологички и т.д. Может, мне хочется, так и остаться ребенком? Вполне возможно. Ребенком, который не воспринимает все всерьез, как взрослые.

– Мам, а купи мне этого плюшевого тигренка, пожалуйста.

– Я кошелек не взяла, да и вообще у меня денег нету.

– Ну-у, ладно тогда. А что такое деньги?

– Это такие монетки или бумажки, на которые мы и можем купить тебе тигренка.

– А-а-а. Ну, я тогда попрошу поиглаю с медвежонком Яком, а потом попрошу кота Фырлика, у которого много деревьев с бумажками, на которые можно купить тигренка, дать мне их немного, чтобы ты купила мне тигренка. Он мне обязательно поможет.

– Что ты там лопочешь?

– Ничего. Все хорошо, мамочка.

Из этого небольшого примера можно видеть реакцию малыша, его простоту (и даже наивность), а также его сильную веру в чудо, веру в то, что если сильно захотеть, то все обязательно исполнится. Это превосходно. Я тоже поступаю так благодаря моей фантастической жилке. Где я только ни побывал: жил в большом шикарном замке с кучей комнат; отдыхал в двухэтажном особняке с балкончиком, с которого я и прыгал каждый день в прохладную синюю озерную воду; спасался от чудовища, гнавшего за мной по темным земляным катакомбам (иногда от чудовища мы спасались с Натали вдвоем); загорал на теплом песчаном пляже под пальмой неподалеку от океана, нежась рядом с Нэт, и потягивая коктейльчик – и все это благодаря воображению. Кто-то может подумать, что это просто мечтательство и что нужно смотреть на жизнь реалистично, но, по-моему, если так делать, то котелок у тебя вскоре перегреется и взорвется – ты станешь полным психопатическим невротиком.

А ЧТО ЕСЛИ ОСТАЛЬНЫЕ НОРМАЛЬНЫЕ, А ПСИХ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ Я?

Разумеется, мое воображение иногда играет со мной злые шуточки: например, когда мне кажется, что за мной охотятся и хотят убить. В эти моменты воображение работает на полную катушку, выдавая страшные картины: меня разрубает на кусочки; пропускают через мясорубку; мне кажется, что вечером через окно на меня посмотрела отвратительная рожа; или

же в школе, где полным полно уродов и монстров, которые ходят в поисках еды, я единственный уцелевший, а, следовательно, я – еда. В эти моменты мне очень-очень-очень страшно, и я жалею, что у меня такое сильное воображение. Но когда оно рисует картины, которые я перечислил выше, то мое сердце наполняется некой удовлетворенностью и теплом, и я благодарен тому, что имею его.

Действительно полное удовлетворение, спокойствие и состояние идеальной завершенности я испытал после сегодняшнего разговора с моей Нэт. До этого воображение помогало мне лишь продолжать жить и не рехнуться – оно словно отвлекало, но поистине детской полной удовлетворенности, как в моем счастливом детстве, я не испытывал до сегодняшнего искреннего и теплого разговора с Натали. Спасибо, Нэт! Я ощущаю, как радость, энергия, любовь, надежда бурлят внутри меня.

КАК ЖАЛКО, ЧТО ЗАВТРА ЭТО ЧУВСТВО ПРОПАДЕТ! ТАК ВСЕГДА ПРОИСХОДИТ. И МНЕ ПРИДЕТСЯ СНОВА ОБРАЩАТЬСЯ К МОЕМУ ВООБРАЖЕНИЮ, А, ВОЗМОЖНО, И ПРИДУМЫВАТЬ ЧЕРНЫЕ ШУТКИ, ЧТОБ ОТВЛЕЧЬСЯ – ЧТОБ РУТИНА, КОТОРАЯ ПОГЛОТИЛА МОЕГО ОТЦА, КОТОРЫЙ РАНЬШЕ, ЛЕТ СЕМЬ НАЗАД, БЫЛ ДРУГИМ И НАМНОГО ЛУЧШЕ, НЕ СОЖРАЛА МЕНЯ, И Я НЕ ЧОКНУЛСЯ.

29 марта

Как я и говорил, вчерашнего чувства удовлетворения как ни бывало. В душе у меня полнейшая пустота и ЛЕНЬ. Вы когда-нибудь просыпались утром под звон будильника, ощущая себя выжатыми напрочь и с трудом понимающие: а что вы делаете, с какой целью и надо ли вообще это вам? Что-то подобное окутало и меня в это вонючее серое утро, а может, даже и хуже. Трудно сказать определенно – это ведь никакой-нибудь тупой герой из классической литературы, чувства и переживания которого четко вырисовываются: либо он счастлив, либо горестен, либо полный дурак, которому все до фени; или же по его поступкам и делам можно судить о нем в целом: если он обходителен, помогает людям и все в таком духе, то это значит, он хороший – это эталон, вонючий шаблон, и у нас даже мысли не должно возникать, что у него может возникнуть какое-нибудь темненькое желание или же что он застрелит вас из пистолета в самую спину. А если герой злой и коварный, то это значит, что он не способен ни на что доброе – закоренелый зек. Какая чушь! Вот почему я терпеть не могу литературу с нашим Бочонком. Я не имею в виду, что я не люблю книги и ненавижу читать – нет. Те книги, которые заставляют нас читать Бочонок, такие нудные, блеклые и даже можно сказать тормозные. Я никогда их не читаю, и, тем не менее, имею твердый трояк, а в прошлом году за первое полугодие Бочонок даже поставил мне четыре. В тот день, когда он выставлял оценки за полугодие, у главной школьной метлы был день рождения, и перед нашим уроком все метлы по меньше ринулись в директорскую, чтобы подарить Дубоноске (у директрисы была фамилия Дубова, но в школе все ее звали Дубоноска) подарки и наплести всякой льстивой чуши – чмокнуть в попку, так сказать. Наверно, после того как Бочонок вручил свой подарок, он и влил чуток за воротник на пару с Цифроедом, а когда повеселел, то и поставил в колонке напротив фамилии Версов четыре. На какое-то время Бочонок вырос в моих глазах, и я решил оставить его в покое на неопределенное время. А то я планировал черную шуточку для него как раз в то время. Она заключалась в том, что я хотел положить на его стул соленую мягонькую помидорину, которую я бы перед этим помял. Бочонок бы выдвинул стул и плюхнулся бы своим платформным огузком на стул. Раздался бы такой шмякающе-фукающий звук. Я уверен, что любители литературы, которые сидят на первых партах, услышали бы его. А когда бы до Бочонка дошло, что произошло, и он бы почувствовал, что под огузком мокренько и поднялся, то все бы увидели большое пятно на заднице с частичками кожи помидоры и красной дриstopодобной мякоти. Было бы жутко

весело. И это бы непременно сработало. Потому что Бочонок никогда не смотрит на стул, когда садится. Этому плюшевому бивню лишь бы примостить свой огузок. Возможно, это было бы несправедливо по отношению к нему, мог бы кто-то подумать, но не я. Бочонок то и дело подкапывается ко мне, как и его дружок Цифроед, с которым они любят распить бутылочку. Бочонок то и дело говорит, что у меня плохой подчерк, и постоянно подкалывает меня. «В институте у тебя никто не попросит конспекты лекций, которые пропустил. Или же ему придется просить тебя расшифровать свои каракули», как-то сказал мне этот жирный огузок. Вообще-то я пропускаю мимо ушей, что лопочет там этот толстый слон, но это мне хорошо запомнилось. Этот огузок добился своей цели – он меня зацепил. Да и вообще на кой хрен мне этот сраный институт?! У Бочонка у самого диплом высшего образования, которым он, наверно, до смерти горд, на протяжении пяти лет долбя всякую чушь, больше половины которой говна не стоит, чтобы получить его и нагуливать сальцо в нашей долбанной школе. Он, должно быть, каждый день любит на него, как чертов псих. Нет, правда, для него высшее образование – это чуть ли не священная реликвия. Пару дней назад, он даже нам прочитал небольшую речь о том, как необходим диплом о высшем образовании, но только забыл добавить: *чтобы работать в захолустной школе, получать мизерную зарплатку и напиваться временами с дружкой, как мой любимый Цифроед*. А после урока оставил свою любимицу Галину Перину, которая метит в репортерши и хочет получить золотой бублик, чтобы показать ей какую-то фигню, где было то, что она должна выучить к экзамену. Я слышал, как он сказал ей, что взял ее у своего друга в институте. По сути, он мог бы не напрягаться, не напрягать друга, а сказать ей: «Долби все произведения вдоль и поперек с самого пятого класса или же проси родичей трудиться все двадцать четыре часа в сутки ради твоего светлого беспроблемного будущего».

После того как Бочонок не оценил по достоинству мое сочинение, которое действительно писал я, а не списывал у каждого помаленьку. Я снова взял его на мушку, и он у меня второй в моем списке после Цифроеда. Я старался при написании этого сочинения, пыжился около часа-полтора, но Бочонок этого не оценил, поставив мне два-три. Сочинение было по книге «Преступление и наказание», в которой мне действительно понравилось начало. Темы сочинений были одна «лучше» другой. Я выбрал: «Образ Родиона Раскольникова» (самую простую, как сказал Бочонок, за которую выше четыре он не поставит, и тое сли все нормы грамматики, которые он сам-то, сомневаюсь, что знал на пятерку, будут соблюдены) и по-настоящему старался, и, по-моему, вышло даже очень ничего, но Бочонок нацарапал в моей тетради для сочинений, которая была почти пустой (тогда другие, хотя бы его любимица Перина, исписывали уже вторую): нет ссылок на текст, поверхностно. После того я ни раз подходил к Бочонку и спрашивал, что он имел ввиду под «поверхностно», но он лишь трепал какую-то ахинею, так толком ничего и не объяснив. Эти учителя говном изойдутся, доказывая тебе, какие они правильные и умные, и как бы говоря: *Чего тебе не ясно-то? Все ж написано, вон сколько я красной пасты истратил, чирикаю у тебя в тетради – так какие проблемы-то? Шуруй. Все равно ничего не добьешься, что я сделал, то сделал*. Тогда у меня родилась произвольно снова злая черная шутка, и мои дружки мне в этом помогли. После уроков мы пробрались в кабинет Бочонка и вылили на его стол ведро воды, затем вытащили все ящички и полили воды туда, а Серый даже пометил несколько орфографических словарей, которые стояли в шкафу в конце кабинета. Мы все тогда ржали, точно кони. Мы всегда почти ржем, когда вытворяем такое. На нас точно спускается дух ржания. Мы плеснули пару ведер в шкаф, где стояли различные книжки и ушли. Кабинет походил на мини-бассейн. Рик еще тогда пошутил, что теперь у Бочонка есть, где поплавать. На следующий день поднялся кипиш. Дубоноска собрала два одиннадцатых класса и, подобно мегере, выштурмовывала перед нами, точно солдафон. Она сказала, что знает, что это кто-то из нашего класса набедокурил в кабинете литературы и что ему лучше сознаться. Все молчали. Потом директриса сказала, что у нее есть свидетель, которые видел этих вандалов, которые натворили это, и если те, кто совершил этот ужасный посту-

пок сознаются, то милицию вызывать не будут. Но, разумеется, никакого свидетеля у нее не было, она просто хотела взять нас на понт. Рик, Серый и я смотрели на эту бешеную свиноматку с невинными личиками и время от времени кивали головами типа: *Да-да. Какое безобразие.* Дубоноска поершилась, а потом велела всем расходиться. Через два дня потолок в кабинете черчения весь высох, только остались пятна. Это было своего рода мое мщение Бочонку за то, что он так отозвался о моем сочинении: «Поверхностно». Естественно, и Дубоноска, и Бочонок и все в школе догадывались, чья это была работенка, но они ничего не могли сделать, потому что не было доказательств, а когда нет доказательств, то ты ори не ори, угрожай не угрожай, но все равно ничего не добьешься. Нам бы действительно попало, если бы нас поймали на месте преступления, но ведь не поймали. Мы играли с огнем. Это такое приятное чувство, от которого чувствуешь, что живешь и благодаря которому я возвращаюсь на время в детство. Но это также и опасное чувство, за которое можно тяжело заплатить.

После этой известной истории. Бочонок не цеплялся ко мне, да и я позабыл о нем. Я лишь вспомнил о нем, когда он начал снова ерепениться, и начал разрабатывать шутку с помидором, но, когда Бочонок поставил мне четыре, я вообще убрал его из своего списка в самый низ. Пока он не переходит границу, но ведь кто его знает. Не верю я, что он оставит меня в покое – ведь скоро конец года. Этот суперпончик снова начнет пытаться зацепит меня, чтобы показать, какой я ничтожный, и почувствовать себя победителем. Поэтому я решил сегодня не ходить в школу и не сидеть на двух уроках литры и русского. Бочонок на прошлом уроке глянул на меня подозрительно и с ненавистью. Вероятно, забыл водный сюрприз в его кабинете, от которого все его умные книжечки сморщились и раздулись. Так что сегодня, если он начнет цеплять меня, то с такой черной АПАТИЕЙ и даже, можно сказать, ДЕПРЕССИЕЙ, я не выстою против него. Да даже если бы сегодня не было уроков Бочонка, я бы не пошел в школу. Что там делать? Если только наблюдать за нарезающей виражи мухой, если она еще залетит в кабинет. Как-то одна залетела в кабинет обществознания. Это была жирная муха-помоешник с зелено-ватоголубеньким окрасом (такие мухи еще любят тусоваться на помойках, где много помоев и всякой вонючей слизи, им там настоящее раздолье. А если на помойку залетят какие-нибудь обычные мухи, худенькие такие, серого цвета, то мухи-помоешники тут же их мочат, прогоняя со своей территории). Уж это намного интереснее, чем слушать про трудолюбивых мартышек или о том, как развивалось сельское хозяйство во второй половине девятнадцатого века. Но плохо то, что наблюдать за виражами мухи надоедает, да к тому же они не всегда залетают в класс в связи со своим жестким расписанием полетов.

ДУБЛИКАТ матери сегодня не пошел на работу. Отсыпался. Гудеть у него вошло уже в привычку. Все эти дни я даже не обмолвился с ним и словом. Вчера он хорошо выпил, возможно, как я у Серого, так что сегодня ему хотелось только спать-спать и еще раз спать. Да к тому же погода за окном была такая серая – того гляди и польет дождь. Это тоже в какой-то мере располагало ко сну. Вначале я ненавидел ДУБЛИКАТ матери лютой ненавистью (даже больше чем отца), что он так напивается каждый день, послав все и вся, но вскоре злость к нему куда-то пропала, мне стало по фигу, наступило безразличие и тупое равнодушие. Должно быть, я просто свыкся с этим, как маленький паренек, который первый раз попробовал покурить. Ему жутко не понравилось это: он кашлял, задыхался, глаза слезились, и все плыло, но вскоре он попробовал это еще раз под дружное подстрекание своих дружков (*Давай! Ты что не мужик, что ль? Не дрейфь! Затянись – это ж круто!*), потом еще – и это в итоге войдет у него в привычку, а о тех чувствах отвращения после своего первого раза он, словно забудет.

Я выдрал чистый листок из тетради по литре, взял ручку и направился в спальню, где спал ДУБЛИКАТ матери. Там опять было не продохнуть. Форточка закрыта и такой заком-постированный воздух – ужас просто. Я потормошил ДУБЛИКАТ за плечо, он что-то буркнул в подушку и повернул голову на другой бок. Тогда я скорчился, точно у меня и в самом деле болел живот, и снова потормошил его. «Мам, – позвал я таким больным и убитым голос-

ком, – у меня живот болит, ты не напишешь мне записку?». ДУБЛИКАТ открыл один глаз. Потом другой и приподнялся на постели. Лицо у него было такой красное и малость припухшее, а глаза так по-дурацки округлились, словно он увидел слона в бутсах, кожанке с кучей разных надписей и гребнем на голове, рубящегося под тяжелый металл. Это было так смешно, что я аж чуть не заржал, но мне нельзя было делать этого, а то он просечет, что я притворяюсь. Поэтому я сильно прикусил нижнюю губу, чтобы таким образом отогнать смех. «Где болит-то?». «Вот здесь», – я показал на живот. «Тяжесть или...». «Ноеет да и тяжесть тоже», – ответил я, не дослушав. Я сморщился, держась обеими руками за живот. Со стороны в этот момент могло бы показаться, что у меня запор, и я не могу никак облегчиться: тужусь изо всех сил, но результат в итоге нулевой. ДУБЛИКАТ провел пятерней по своим вскомьяшенным волосам, зевнул. Я сильнее закусил губу, потому что смех буквально рвался наружу. «Выпей анальгин и ложись». «Л-ла-адно-о. – Говорю я вдребезги разбитым голосом. – Напиши мне только записку-то, мам». – Разгибаюсь и протягиваю ей листок с ручкой, которые лежали на столике у кровати все это время. «Как классную зовут?» – Спрашивает у меня, взяв листок и ручку. «Раиса-а Владимировна», – отвечаю. Эта врунья, рассказывающая дешевые рассказы на самом деле была нашей классной. Когда ДУБЛИКАТ закончил писать, то я говорю ему, чтоб еще одну записку написал, потому что несколько дней назад, я тоже не ходил в школу из-за сильных головных болей. Он глянул на меня, сморщив лоб и нос и зевнув, написал на другой стороне моего двойного листка вторую записку. «Дату не ставлю». «Хорошо-о», – отвечаю, чуть дыша, голосом измочаленного бойца. Она подала мне листок и ручку. Я поднялся со стульчика, стоящем перед столиком, на котором стояли духи, крема и иная дрянь. Сидя скорчившись на этом стульчике, как парень, которому позарез надо, но он не может, я превосходно сыграл свою роль больного. Разумеется, мне не дадут за нее Оскара, но все-таки я претворялся очень хорошо, я собой был доволен. При том, что меня разрывало внутри от смеха. Я, точно черепаха, вышел из спальни, а ДУБЛИКАТ вернулась к занятию, от которого я ее оторвал. Эта сценка немного меня развеселила, но вскоре АПАТИЯ снова накрыла меня, дав лишь почувствовать запах облегчения и жизни. Я разрезал аккуратно листок ножницами, записку, на которой не было даты, я убрал в углубление тумбочки, в ящике которой еще было полно всякого хлама, а записку с датой кинул на стол, где валялся учебник биологии. Не подумайте, что я занимался: просто в учебнике была картинка паука-тарантула, которого у меня появилось сильное желание превратить в ездового паука. На спине у него я нарисовал комара и пчелу, у которой из задницы торчало жало размером с ногу тарантула. Я еще намеревался нарисовать жирную гусеницу с сигарой в зубах, но сегодня это делать у меня желания не было. Возможно, завтра появится или же вообще не будет его – оно так и останется лишь в моем воображении. Я подошел к окну, прижался лбом к стеклу. Меня снедала чудовищная тоска. Мне что-то хотелось сделать, а с другой стороны и нет. Было лень. Я подумал о том, чтобы посмотреть. Но не мог вспомнить ни одного стоящего фильма. Посмотреть бы такой фильм, от которого было бы трудно оторваться, чтобы он так притянул, так заинтересовал, что я бы словно проник в него и стал частью. Это было бы круто! Что-то подобное у меня было, когда я смотрел фильм «Любой ценой». Классная романтическая комедия. Когда я смотрел ее в первый раз, то забыл обо всем и будто влился в фильм. Я глядел его около трех лет назад. Мне тогда было лет четырнадцать, и тогда я еще верил в чудо, как раньше в детстве. Я ложился спать и когда засыпал, то думал, что когда я проснусь, то что-то изменится, как в этих прекрасных романтических комедиях, которые я смотрел раньше запоем. Я встречу удивительную принцессу, с которой мы будем путешествовать и наслаждаться общением друг с другом. Но я встретил Нэт – и это тоже не плохо, даже не плохо, а очень-очень хорошо. Сейчас романтические комедии уже не те. Если и появляются стоящие, как раньше, то чертовски редко, да и я уже не верю в чудо – в конце концов я не ребенок, хоть и стараюсь оставаться им. Во сколько лет я перестал верить в чудо? Наверно, лет в шестнадцать. Помню, я тогда сидел на кухне и разговаривал с

мамой. Она спросила меня, кем я хочу стать. И я ответил актером. Она спросила: «почему». Я ответил: «потому что мне нравится играть, изображать что-то, да и также, будучи актером, можно побыть в разных ситуациях – это вносит разнообразие. И когда у меня будет достаточно денег, то я куплю тебе хорошую квартиру, и ты не будешь работать». Мама тогда мечтательно искренне так улыбнулась. А отец, который тогда слышал, что я говорил, сказал в таком сурово-грубоватом тоне: «Хрена с два ты будешь актером! Станешь простым работягой да и все тут! Дом он купит, пф! – этот его сарказм меня так задел тогда, что аж реветь захотелось. – Хорошо, если однокомнатную засраную квартирку себе купишь, а то уж раскатал губищу-то! Напредставлял себе всякой дури! Что и говорить: не видел реальной-то говеной жизни, сидя в своей скорлупе!». Мать тогда посмотрела так на отца зло, но ничего не сказала. Да и что она могла сказать? Велеть ему замолчать? Но отец все равно бы сказал, что хотел: если он начал, то всегда закончит. Тогда то я, вероятно, уже и начал терять эту детскую веру в чудо, а потом и совсем лишился ее, но у меня до сих пор есть воображение, которое помогает мне, и черные шуточки, которые отвлекают. Но в основном отец был прав, я это осознаю лишь сейчас, записывая в своем дневнике.

МИР ЖЕСТОК, И КОГДА ТЫ УЧИШЬСЯ В ШКОЛЕ, ТО НЕ ВИДИШЬ ЭТОГО ДО КОНЦА

Я понимаю это теперь. Мне до освобождения из этой школы-тюрьмы осталось совсем немного, и я наконец понимаю, что хотел сказать мне отец. Но он мог бы все же сказать это помягче. Погано, когда то, во что ты так сильно верил, разлетается. В тот день вечером я вправду заревел. Со злости я долбанул по стене в своей комнате, чтобы справиться с обуревающей меня яростью, паникой, горестью и некой обидой. Уже тогда у меня возникла привычка справляться с обуревающими меня эмоциями при помощи стены. А сейчас я открыл для себя еще и новую помощь – резать себя. Это помогает почти также, даже возможно и лучше. Вероятно, что когда я режу себя, я представляю, что это происходит с отцом, которому я ничего не могу сделать. Чаше у меня наступает успокоение (какое-то притупленное), но бывает, что и это не помогает. Я хочу завывать, точно дикий зверь и выть, не переставая. А бывает, что я до смерти жажду очутиться в пустой квартире, пусть небольшой, и чтобы там был я один (и также можно, чтоб там была Натали). В квартире была бы большая кровать с теплым гладким одеялом, под которой можно было бы спрятаться, прижавшись друг к другу. Через какое-то время мы бы согрелись, разомлели и опустили в царство сна. Нэт помогла бы мне избавиться от этого страха (*Фрэссеры*, мысли о том, что мне осталось жить день), паники, дрожи, холода, липкой пугающей пустоты и снедающего одиночества. На секунду я даже очутился в пустой тихой квартирке, где нет крика – а лишь умиротворяющая тишь, располагающая к чудному сну. Ощутил запах только что постеленной простыни, свежий запах от наволочек и заправленного одеяла, а также приятный холодок, который щекочет тебе ноздри и горло, словно предвещающая что-то. Сердце у меня забилося сильнее, и внутри все обдало холодом, в башке все стало яснее некуда, и я почувствовал себя счастливым. АПАТИИ и ЖЕЛАНИЕ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ канули в никуда. Почему, когда ты не малый ребенок, то радоваться и видеть хорошее, становится чертовски сложно? Я не знаю. Наверно, потому, что становишься занудой взрослым, у которого мозги работают только в одном направлении и никому не надо объяснять в каком. У взрослых точно вытирается из памяти, что они чувствовали, как делали разные глупости. Это поистине странно. Как когда-то я наблюдал случай, как одна мамаша дубасила своего сынка по заднице за то, что тот позабыл, что зима закончилась, съезжая по грязному земляному пригорку перед банком. Она вроде еще назвала его даже засранцем – да с такой злобой, точно ее сын ограбил и избил беззащитную старушку. Хотя эта же мамаша в будущем, когда, вероятно, узнает, что ее сын по пьяни с друзьями избил для веселухи какого-нибудь парнишку, который

попался им навстречу, то она может принять это совершенно как-то спокойно, даже не выявив особых эмоций – странно.

Я отошел от окна, на котором осталось пятно ото лба. Мне было так тоскливо. Это самое поганое: БЫТЬ В СЕТЯХ АПАТИИ, ДИПРЕССИИ, СТУПОРА И НЕ ЗНАТЬ, ЧЕМ ЗАНЯТЬ СЕБЯ. Все о чем бы ты не подумал, кажется избитым, старым, тупым и бесполезным. Тебя будто выбросили в некуда. Я забадяжил пузырек пиона и чуток воды (совсем ничего). Выпил. Тыква тут же закружилась. Классное состояние. Для пушего эффекта выпил крепкого чая (теперь к тому я еще и чихирь). Меня повело. Хорошо, что у моей мамы проблемы с давлением. Благодаря ей, и я могу проходить профилактическое лечение время от времени. Но всех кайфовее пить валокордин, когда она его покупает. Крутое лекарство! А самое прикольное то, что на коробке не пишут, что оно содержит 55 % алкоголя – лишь на пузырьке.

Я зашторил окна и запер дверь комнаты, прихватив с собой Бена, который так разомлел ото сна, что напоминал вдупель обкуренного наркомана – *счастливчик!* Знаете, а мне все-таки и впрямь кажется, что Бен сидит на игле и нюхает беленький порошок. А вообще-то это ерунда, кроме как своих двух шаров, он ничего не нюхает – значит, он лишь сидит на игле и забивает косячок временами (а может, постоянно?).

30 марта

Как и обычно после дня апатии кажется, что все, что я вчера чувствовал, было с другим человеком, а меня на это время, словно выпнули из жизни. Кажется, что я прожил вчерашний день в пустую. Интересно, у кого-нибудь бывало нечто подобное? Но с этими чувствами я могу справиться, самое главное – что я не ощущаю этой АПАТИИ: когда ничего не хочешь, не хочешь ни с кем разговаривать, никого видеть. По этой причине я повесил трубку вчера (да я и не знаю на кой снял ее вчера?!), услышав милый дорогой голос Нэт. Я испугался, у меня все застопорило, а язык присох к гортани, и в башке образовалось пятно, или, скорее всего, даже опухоль размером с ананас, которая, вероятно, и влияла на то, как я все воспринимал.

ПРОСТИ ДОБРАЯ ЛАСКОВАЯ НЭТ, НО ТЫ БЫ МНЕ НИ ЧЕМ НЕ ПОМОГЛА ТОГДА. А Я БЫ ТОЛЬКО ВСЕ ИСПОРТИЛ, И ТЫ БЫ ПОСЧИТАЛА МЕНЯ БОЛЬНЫМ, ДУРАКОМ.

А НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ ВИДЯТ ДРУГ ДРУГА ЛИШЬ В ХОРОШЕМ СВЕТЕ ИЛИ ЖЕ ОНИ ВИДЯТ И ПЛОХИЕ СТОРОНЫ ДРУГ ДРУГА И ПОДДЕРЖИВАЮТ, И ПОМОГАЮТ ДРУГ ДРУГУ ПРЕОДОЛЕТЬ ИХ?

Абсолютно уверен, что второе. Но, Боже, как сложно рассказать о страхах и чем-то нехорошем даже и другу! Настоящему другу можешь рассказать то, что глубоко внутри тебя за дубовой дверью с большим железным замком с тяжелой проржавевшей цепью, то, о чем другие не должны знать. Но если я так не делаю, то... я ненастоящий друг? Натали поделилась со мной тем, что отец от них с матерью уходит, но перед этим она сказала, что побаивалась и не хотела загружать своими проблемами, а потом была фраза, которую я запомнил *очень* хорошо: *а кому это интересно?* – значит, что она проявила ко мне доверие, хоть ей и было наверняка страшно. Она так и могла бы держать это глубоко в себе и страдать, но она приоткрыла дверь и поделилась со мной, и я постарался помочь. А может, если я поделюсь с ней, то она мне хоть как-то поможет, или я почувствую себя легче, открыв то, что очень давно держу глубоко-глубоко внутри себя за дубовой дверью с железным замком с тяжелой проржавевшей цепью?

ЭТО НЕВООБРАЗИМО СЛОЖНО. Я БОЮСЬ, И ДРОЖЬ БЕЖИТ ПО ТЕЛУ ПРИ МЫСЛИ О РАССКАЗЕ О ТОМ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ НАТАЛИ. Вдруг она меня обсмеет? **НЕТ-НЕТ! ОНА НА ТАКОЕ НЕСПОСОБНА!** Я расскажу ей, но мне еще требуется время.

Я ДАМ ЕЙ КЛЮЧ ОТ ДУБОВОЙ ДВЕРИ В МОЕМ СЕРДЦЕ!!!

Об этом я думал, томясь на уроке химии. А потом, с чего мой взгляд упал на Оксанку Молкову, я так толком и не понял. Скорее мой взгляд упал не на нее, а на ее черные кружевные трусы, которые торчали из-под юбчонки. Это даже и не трусы, а трусики, можно сказать, или по-иному стринги – то есть прикрывают лишь шов между двумя ее плюшками. Я представил, как она стоит перед зеркалом и тянет-тянет свои черные трусы, так что того и гляди до ушей дотянет. А тут еще мама к ней подходит и говорит: «Дочка, тебе помочь трусы до ушей дотянуть». А затем отец еще подходит, и получается в итоге, как в сказке про репку. И теперь все могут рассмотреть, что у нее на заднице. А когда наденет к тому же и юбчонку, которая не доходит до бедер, то вид открыт для любопытных глаз, что аж можно рассмотреть детально форму кружева. Как это дерьмово и отвратительно! Я ненавидел эту Оксанку, эту шлюховатую дуру, – прямо как та мадам, которую я видел, выходя из винного магазина, а потом напился в саду. И нравится ей носить юбчонку, которая так сползает, что если бы не было трусов, которые хорошо растянуты, можно было бы видеть начинающийся шов. УРОДСТВО! А было дело, что Юлька пришла в джинсах на типа юбки этой шлюховатой Оксанки. Я увидел ее спереди. Вы бы видели это! Они так сползли, что я удивлялся, почему не видно волосни. КОШМАР! Но Серому тога это очень понравилось, он то и дело бросал взгляды на ее зад. Не понимаю, зачем носить такую дерьмовую одежду, изобретенную каким-то извращенцем. Но с другой стороны, если тебе она в кайф, то хотя бы одень длинную футболку, чтобы прикрыть «задний» и «передние» виды, но нет же! Наденут футболочку, которая сиськи-то ель прикрывает. Я понимал, что нужно отвернуться и не смотреть на ее сраный зад – это ОТВРАТИТЕЛЬНО, ПОШЛО И ГОВЕНО, но его точно прибили к нему громадными гвоздями, а один говнюк в моей тылке вышел со мной на оперативную связь и таким щепелявым голоском стал подзадоривать меня, и пускать мне в башку эти поганые, порнографические, извращенные мысли, – этого говнюка звали ДЕМОН. Самое главное, что ты четко сечешь, что это гадость и нужно отвернуться, но внутри тебе хочется (безумно хочется!!!) смотреть, а эти извращенные мысли кажутся даже уж и не такими извращенными. Я понял: просто таким вот шлюхам, как эта Молкова, нравится шокировать и показывать свои трусы, ляжки и все такое прочее. Но ведь так можно и допрыгаться. Мир полон психов, которые не будут довольны лишь созерцанием. Я уверен, что вы все понимаете, о чем я.

Я перевел взгляд на Натали. На ее черные шелковистые волосы с кудряшками. На ней была темно-красная блузка, черные брюки и туфли на каблук. Загляденье. Естественно, в хорошем смысле. И когда на нее смотришь, то даже и не возникает похабных мыслишек. Я постарался сосредоточиться на Нэт и поставить ее в своих мыслей в центр всего, а образ шлюховатой Малковой забросить далеко-далеко назад в своем сознании, но знаете, что самое интересное. Мои мысли то и дело возвращались к Малковой. И мне хотелось повернуться в ее сторону снова. А злобный беспощадный говнюк... ДЕМОН продолжал долдонить: «Поворачивайся. Давай-давай. Куда ты смотришь, кретин? Там же ничего не видно. Погляди на реальную живую аппетитную плоть». Самое страшное то, что если этот говнюк даже и не подцепил тебя на крючок, а лишь царапнул, то грязные образы и мысли застряют надолго в твоей тылке. Я и сейчас, когда пишу в дневнике все, что со мной произошло в этот шизанутый день, четко вижу задницу Малковой и ее трусы, точно она сидит передо мной со своими натянутыми до лопухов черными стрингами. И грязные мысли выстроились в башке в ряд. Появляются сомнения и вопросы. *А может, ты свалял дурака, что отвернулся? Может, надо было продолжать смотреть, это же «приятно»?* Но если бы я продолжал смотреть, то это могло бы привести к рукоблудству, как это называет наш физрук, который одновременно еще и наш учитель ОБЖ. Он нам даже рассказал историю про парня, который занимался этим так долго на дню, что его отправили в травмпункт. То ли от истощения, то ли еще от чего-то я толком не понял. Я понял лишь то, что таким образом парень вроде хотел произвести впечатление на свою подружку, показать ей какой он половой гигант, сексуальный извращен и шизанутый

фанатик порнофильмов. Мне кажется, что у него, наверно, в квартире целая порноколлекция, как и у нормального на первый взгляд работничка кондитерской фабрики Джеффри Дамера.

ДЕМОН продолжал меня третировать, чтобы в итоге превратить меня в такого же говнюка, как и он сам. Теперь в голове у меня на центральное место выдвинулась Малкова, а Натали вообще исчезла из сознания. Я постарался сосредоточиться на бормотании учителя. Но это нисколько не помогло. Алканы, алкадиены и всякая эта чушь не такие уж и хорошие помощники в том, что скинуть со своего сознания Малкову и противного говнюка ДЕМОНА, который умело делал свое блевотное дело. В моменты подобные этому – когда нужно свалить с оперативной связи ДЕМОНА – я стараюсь вспомнить что-то на самом деле смешное, чтобы ржать, как безумный. Тогда мысли свалят с демонической волны. Питательная доза эндорфинов убьет все говно. И я вспомнил две хорошенькие историйки (точнее, грязноватые шутки), которые я отмочил в деревне. Их главной героиней являлась моя бабуля.

В тот день Гена уехала с матерью вырывать зуб (за несколько дней до этого он весь трясся и говорил, что боится, и в шутку спросил меня: не могу ли я съездить за него, а я ответил: что занят), а остальная ватага моих деревенских приятелей тоже куда-то уехала или же они были заняты, уже точно не помню. А за коном еще стояла прескверная погода: пасмурно да еще и дождь мелкий моросит. И в общем я шатался по дому из угла в угол, не зная чем заняться. Дед еще утром ушел за грибами (он был заядлым грибником) и сейчас промокал, а бабушка пошла накормить куриц и сделать что-то еще по хозяйству. Вы ведь знаете деревенских людей: никогда не бывают без дела. В общем я болтался по дому, не зная чем заняться. То загляну в печку, в которой нечего было сжечь, потому что я являлся настоящим поджигателем, и в печке ничего надолго не залеживалось; то подойду к серванту; то загляну в спальню; то включу телевизор, попереключаю каналы и тут же вырублю. Словом, тоска смертная. И тут я увидел на серванте большой скотч, а рядом с ним ножницы. И прикольная черненькая шутка возникла в одну секунду в моей голове в подробных деталях. Смертной тоски как ни бывало. Я ожил. Почувствовал силу во всем теле, а голова прочистилась, и мне захотелось смеяться без остановки. Я взял скотч с ножницами и направился в туалет. В нем было две двери. Я отлепил длинную полоску скотча и приклеил ее в проеме второй двери. Потом еще одну через пару сантиметров. И так дошел почти до самого верху. Вы сами догадались, что я решил поиграть в скотчного человека-паука. Я словно плел паутину из скотча для какой-нибудь жертвы (и не какой-нибудь, а моей бабули, которая и угодила в них). Когда я закончил, то прикрыл вторую дверь, чтобы не было видно полоски скотча сразу, как откроешь первую дверь. Я чувствовал себя превосходно. Самый счастливый парень, который когда-либо жил. Я уже представлял, как в мои сети попадают, запутываются и не могут понять, в чем дело. Мне стало смешно. Я знаю, это кажется ненормальным, но мне по-настоящему было весело. Наверно, лишь психу может придти в голову наклеить в дверному проеме скотч, но мне все же пришлось это в голову. Может, другие и подумают, что я псих, но только не я, и тем более человек склонен оправдывать себя и представлять свои дела и поступки в более мягком свете. Я, видно, не исключение.

Завершив свое паучье дело, я поболтался по дому, а затем, видя, что ни дед, ни бабушка не возвращаются, двинул на улицу. Дождь там перестал моросить. Я решил навеститься к Гене. А если бы он еще не вернулся с матерью, то сходить в парк и покататься на железных качелях-лодках. Отец Гены сказал мне, что Гена еще не вернулся и тогда я направился в парк. Покатался на качелях-лодках. Мне удавалось раскачиваться не очень сильно, как говаривал мой дедушка: силенок маловато, но все же мне понравилось кататься пусть даже и на маленькой скорости. Если бы был Гена, мы смогли бы раскатать качель сильнее. А потом бы, закрыв глаза, наслаждались прохладным ветерком, обдувавшим наши лица. Представляли бы, что мы два крутых храбрых и отважных викинга, отправившихся в опасное, но безумно интересное путешествие. Рядом с этими качелями-лодками была береза, и дедушка однажды так раскатал меня, что я мог дотронуться до самых верхних веток березы. Я взмывал так высоко, что пере-

хватывало дыхание, замирал в высшей точке на секунду, а затем моя качель-корабль устремлялась вниз. Я закрывал глаза, потому что так было приятнее, и наслаждался. Качель-корабль только подплывет на большой скорости к дедушке, как он с огромной силой толкнет ее своими сильными руками, и она на еще большей скорости устремлялась вверх. Дедушка казался мне тогда настоящим силачом, для которого нет невозможного. Он так легко раскачивал качель-корабль, что казалось для него это раз плюнуть. Тогда как для нас с Геной это было очень сложно, и только раскатаешься хоть немного, как качель-корабль останавливается. Дедушка был в этом настоящий маэстро. Он катал меня не очень часто, но если он делал это, когда у него выпадало время, то это было суперклассно, в такие моменты я забывал обо всем, превращался в орла, который балдеет в теплых потоках воздуха.

Когда я накатался (скорее не накатался, а устал), то поплелся домой. Там бабушка чистила рыбу. Она взглянула на меня с непробиваемым лицом, а потом тут же ее лицо озарила добродушная деревенская улыбка. Она спросила меня, не знаю ли я, кто там облепил все скотчем. Я ответил, что нет. Она кивнула понимающе головой, продолжая чистить рыбу, а потом, потрепав меня по волосам, говорит: «Паучара ты вредный». Она это сказала так по-доброму и забавно, что я улыбнулся, а затем хохотнул.

«Я прибежала домой. Обоссываюсь. – Бабушка всегда выражался напрямую. Почти все деревенские люди обладают этим качеством. – Забежала в туалет, а тут на лицо налипло что-то, я запуталась в нем, не понимаю, что, черт возьми, творится. Мочевой пузырь свело, того и гляди напушу в штаны».

Когда она это рассказывала, я отвернулся от нее, потому что меня душил смех. Я буквально трясся от этого беззвучного смеха. Все произошло, как я и подумал. И моя бабуля угодила в мои сети. Это безумно смешно.

«Наконец я собрала все усилия и прорвалась через эти липкие сети, которые облепили меня со всех сторон».

Тут я загаалился в полную глотку. В уголках глаз у меня выступили слезы, а лицо все покраснелось.

«Смешно ему! Дождешься у меня. Когда-нибудь и я подшучу над тобой. Проснешься утром, а перед носом у тебя дедовы портки или потнотупы лежат. Поглядим тогда, как весело тебе будет».

Я заржал еще сильнее. У меня аж мышцы живота заболели, словно я качал пресс. Бабушка засмеялась вместе со мной. Она тоже умела пошутить (на словах), и скажу вам, очень хорошо. Если бы слова у бабушки не расходились с делом, то, бабушка была бы моим конкурентом по части черных шуточек. Моя забавная бабушка, которую я очень любил. Если бы она была жива, то нынче я бы гостил у нее, и будьте уверены, я бы отмочил ей еще какой-нибудь прикол. И не важно, что я закончил бы одиннадцатый класс, это ни о чем не говорит.

ЛЮДИ В ДЕРЕВНЕ ПРОСТЫЕ И ОТКРЫТЫЕ. ОНИ УМЕЮТ ПРИНИМАТЬ ВЕЩИ СО СМЕХОМ И НЕ ТАК СЕРЬЕЗНО, КАК ГОРОДСКИЕ НУДНЫЕ ПИЖОНЫ. СКОРЕЕ ВСЕГО, ПОЭТОМУ БАБУШКА И ДЕД БЫЛИ МНЕ ВСЕХ БЛИЖЕ ИЗ ВЗРОСЛЫХ. ОНИ МОГЛИ КЛАССНО ПОШУТИТЬ.

Эту шуточку бабушка восприняла с юмором, и мы вместе над ней вдоволь похахались, но на следующую – она обиделась и вместе со старухой, с которой они ходили в баню, пристыдили меня, а эта старуха, фамилия которой была Лышева (сгорбленная, вечно недовольная старушенция), назвала меня дураком и паразитом. Меня это задело, стало обидно, но моя обида длилась недолго – ведь вышла такая прикольная шутка. Когда я думал о ней, то меня разрывало от смеха. Бабушка на меня дулась недолго. Она была не из обидчивых. Она обладала великолепным качеством – быстро забывала обиду и двигалась дальше, продолжая смотреть

своими добрыми ласковыми и даже можно сказать детскими глазами вперед. Мне есть чему у нее поучиться. Мне кажется, что в душе бабушка (на счет деда не уверен) всю жизнь была ребенком.

Героиней второй черной шуточки, которую я вспомнил на уроке химии и которая помогла мне тем самым забыть о Малковой и послать говнюка ДЕМОНА куда подальше, была опять же моя любимая бабушка, как я уже написал об этом выше, но главным предметом шутки являлся старый паяльник с деревянной лакированной ручкой.

Это было в пятницу. Это я помню очень хорошо. Потому что по пятницам в деревне была баня для женщин. Бабушка тогда оставила на кровати чистое белье, завернутое в полотенце, и я решил подложить ей еще и паяльник для прикола. *Может, в бане произойдет какое-нибудь ЧП и потребуются что-нибудь запахать, а моя бабуля будет тут как тут с паяльником в руках.* Представьте, какое это будет фурор! (К сожалению, когда бабуля перестала на меня злиться, и я, смеясь, спросил, удалось ли ей устранить ЧП, она твердо, на полном серьезе и без улыбки сказала, что НЕТ). Бабушка, ничего не подозревая, положила белье в желтый таз и двинула в баню. Перед этим она спросила меня, не хочу ли и я с ней, попариться, потереть спинку и все такое. Я ответил, что нет. Я ходил с бабушкой и матерью в женскую баню, когда мне было пять или шесть лет, но прикиньте, что там будет, если туда завалится одиннадцатилетний пацан (*Караул!!!*). Признаюсь, что иногда меня и подмывало принять бабушкино предложение и сходить в баньку. Очутиться рядом со столькими голыми женщинами. Тогда в моей голове не было никаких грязных сексуальных мыслей и всего такого прочего – мне просто было интересно, это была как бы некая интересная тайна, закрытая портьерой, и которую мой детский любопытный ум хотел узнать. Но с другой стороны, я этого боялся. Я понимал, что это ненормально, а еще я знал, что тогда меня могут прозвать девочкой или еще как-нибудь. Дед один раз так назвал одного парнишку, которому было лет семь, а он все еще продолжал ходить в баню с матерью. Поэтому я ходил с дедом в баню, а потом мы заходили в пивную рядом с баней на горе, и он разрешал мне выпить пиво. В конце концов уж лучше выпить приятного немного горьковатого пива после парной, чем сходить с бабушкой и увидеть то, что мне представлялось интересным. Может, там в бане были бы одни старушечки, то тогда уж лучше ничего не видеть и оставить все прекрасной тайной. Словом, горьковатое пиво с пеной во сто раз лучше того, что уже в то давнее время мне становилось интересным. Да это и открылось мне самим собой в свое время. И уж всяко это не приятная тайна теперь. Иногда мне даже хочется, чтобы это оставалось такой милой тайной, но это невозможно, да и, тем более, рано или поздно тайны хочется раскрыть. Словно понимаешь, что больше нельзя оставаться в неведении, и убираешь завесу. Для меня все стало ясно (что там у женщин под платьем) в тринадцать лет. Я узнал это из грязных фильмов, которые мне, кажется, Серый давал. Он нашел их в квартире в тумбочке в спальне родителей. Он тогда мне еще сказал, чтобы я ему их на следующий день вернул, а то вдруг родителям позарез они понадобятся. Я тогда как пришел из школы, тут же и посмотрел. Все боялся, что родичи вернутся и застукают меня с поличным, но это не произошло, и я благополучно вернул кассеты Серому. Он спросил меня, понравилось ли мне. Я ответил, что да. Хотя в действительности, не очень-то. После просмотра я пребывал в каком-то шоке, а в голове все крутились эти порнографические сцены. Все эти крики и вздохи потных мужиков и женщин. Я сказал себе, что больше не хочу видеть все это говно, но через пару дней появилось желание посмотреть еще эти фильмы. Я сказал это Серому, который, как оказалось, тоже был непрочь. Мы пригласили Рика, с которым тогда только начинали дружить, на закрытый просмотр в квартиру Серого и посмотрели фильмы снова. Тогда у меня уже не было больше отвращения и шока, а даже проснулось внутри какое-то довольство. Мне захотелось очутиться внутри телевизора. А ЧЕРНАЯ ФАНТАЗИЯ, которая в отличие от ХОРОШЕЙ ДЕТСКОЙ ФАНТАЗИИ, постоянно живет внутри и никогда не умирает, и с которой надо бороться, лишь разжигает эти образы и желания. Источником этой ЧЕРНОЙ ФАНТА-

ЗИИ, генератором так сказать, является говнюк, которого я же представлял, – ДЕМОН. Он словно наклоняется к твоему уху и нашептывает тебе все эти гадости, которые затем яркой вспышкой рисуется в твоём мозгу. Ты начинаешь представлять, думать об этом, у тебя появляется желание попробовать то, что увидел, это тебе кажется безумно привлекательным, но поверьте это совершенно не так. Я попробовал это с Анькой Харповой и ничего такого уж приятного и классного, как мне нашептывал этот сраный урод ДЕМОН с вонючим дыханием, я и в помине не испытал. Это был настоящий кошмар и ужас, когда чувствуешь себя грязнее некуда – куском говна, запах от которого можно унюхать за десятки километров. Я понимаю все это лишь сейчас, спуская значительное количество времени.

После просмотра тех фильмов мы стали базарить о том, кто с кем бы переспал в нашем классе. И это нам казалось офигенно забавным. Серому, я уверен, это и сейчас кажется забавным, если для них с Юлькой переспать – это также просто, как на горшок сходить. Мы потом смотрели и другие фильмы, и фантазии были еще хлеще, а иногда дело доходило и до мастурбации. Или же Серый, Рик и я обхватывали ногами какую-нибудь трубу на стадионе и лазили по ней точно по канату, пока не наступал кайф. Серый называл это сексуальным щекотанием, а Рик говорил, что у него получалось почувствовать то же самое, когда он много отжимался. Как я впоследствии узнал, то, что Серый называл сексуальным щекотанием, было простой поллюцией, или *мокрой проблемкой*, как я ее называю.

То, что я узнал о женщинах из грязных фильмов в тринадцать лет, теперь чуть ли не каждый сопляк восьми-девяти лет уже знает и может объяснить в грязной уличной терминологии. Он знает, *что, как, где и куда*. И чтобы узнать все это, ему не надо далеко ходить: по ящику крутят всякую грязь по ночам; появился «лучший друг» человечества – Интернет, который пронизан порнухой; да даже если мелкий сопляк посмотрит на нашу Малкову, то после того, как он расспросит своего более опытного одноклассника или приятеля насчет увиденного, то ему больше половины станет ясно. А чересчур занятые предки даже могут об этом и не догадываться, они так могут и продолжать думать, что у них чистый неразращенный сынок, которому нравятся мультики «Ну, погоди», или же девочка, которая до сих пор тащится, играя с куклой Барби, и по ночам кладет ее под бочок. Как-то очень давно, я даже и не помню когда, мы все семейкой ходили к родителям моего папочки, у которых был юбилей. И там еще была сестра моего папочки Мария, у которой уже был сынок, который сейчас учится в четвертом классе. Мария с мужем купили их сынку Костюше (как она его звала, лыбясь, как полная кретинка) компьютер, потому что, как она объяснила, в школе сейчас без этого механического ящика никак нельзя. Разумеется, они подключили и Интернет, потому что их малыш должен быть умным, получать пятерки и поступить в итоге институт. Мария так рассказывала, что можно было и вправду решить, что все выхода нет – компьютер или смерть. Кстати, мать моего отца и Марины так и решила, кивая башкой и поддакивая: *Да-да! Как же иначе? Такой компьютеризированный век – без компьютера никак не обойтись детям*. Когда я ее слушал, то чуть не заржал – бабуля до сих пор живет при коммунистическом строе и думает, у нас славный добрый мирок. Хотя, наверно, это и к лучшему. Если бы она это знала, то ей не было бы легче. Может, Костюше и поможет «лучший друг» человечества получить пару пятерок, но где гарантия, что он не захочет открыть *тайну*, о которой так заманчиво говорят одноклассники? Он сделает это раз, а затем подсядет полностью на крючок ДЕМОНА, а родители даже не будут догадываться об этом, потому что они очень-очень заняты и не видят дальше своего носа, да даже если они и захотят что-нибудь выяснить, им это будет трудно сделать, потому что сейчас умные детки и умеют заметать следы. Если только ребенок попадется с поличным (как я мог бы попасться, когда я смотрел порнографию на кассете), но это происходит очень редко, практически никогда. В основном родители еще лишь кладут деньги на Интернет, чтобы их сынок мог *побольше узнавать об окружающем мире (Ха!)*. У меня нет компьютера и мне это говно и не нужно вовсе. Школу я и без него закончу. Пусть не с золотой медалью, как,

вероятно, эти умные «вундеркинды», у которых богатенькие заботливые родители, но все же закончу. На худой конец у Рика есть компьютер, и если так уж приспичит, то можно к нему сходить и побыть чуток «плохим» (дерьмо временами притягивает) или сыграть в какую-нибудь игру, но компьютерные игры мне не слишком-то нравятся, да я уже к тому же отыграл свое на сеге, в которую я рубился когда-то как чокнутый. По сути, компьютер полезен лишь для людей, которые на нем работают (чертят всякие чертежи и схемы), а также в нем удобно хранить информацию, которая в письменной форме заняла бы кучу места; в остальном же – это просто тупая механическая железка.

Что меня больше всего убивает – это то, что в школе преподают все, что ребенок уже давно узнал на улице, из грязных фильмов и сайтов лишь в одиннадцатом классе. Лишь в одиннадцатом классе тебе наконец рассказывают, как устроены мальчики и девочки. Вы только прикиньте! Когда у нас как раз был такой урок, то наша классная Раиска–барбариска, рассказывая о женской и мужской физиологии, покраснела как помидориха и дышала как паровая машина. Все тогда ржали как угорелые, а классная охала, как дура, и продолжала рассказывать то, что и не требовалось рассказывать, потому что никому это было ненужно (за исключением, наверно, самых отъявленных правильных деток, которые до сих пор находились в неведении по этому интересенькому вопросу). Сидя тогда на уроке и играя с Риком в морской бой, я время от времени поднимал глаза на нашу классную, и мне все казалось, что она сейчас грохнет в обморок от нервного перенапряжения – все-таки вещала нам про половое образование, которое ей самой-то открыли подружки постарше. На доске тогда висели два плаката: мужская и женская половая система. Классная, тыкая указкой, называла то, что входит в мужскую половую систему: мошонка, семенники, Куперова железа и т.д. Член она назвала пенис (должно быть, пенис звучал солиднее и по-научному, а может, она просто боялась, что если скажет член, то кто-нибудь спросонья решит, что он на уроке русского у Бочонка и начнет называть члены предложения: главные и второстепенные). При рассказе о мужском члене биологичка скукожилась, мышцы на шее у нее напряглись – вид у нее был, как у меня, когда я разыгрывал из себя больного. Когда же она перешла к женской половой системе, наступила настоящая хохма, умора из умор. Она показала прямую кишку, мышцы промежности, клитор, малую и большую половую губы, мочевого пузырь, матку, мочеиспускательный канал, и это еще было так себе, но когда она только сказала вульва, то поднялся такой ржач, просто сдохнуть можно, никто даже не слушал, что она там базарила дальше. Возможно, она объясняла, что это слово обозначает наружные женские половые органы, но почти все продолжали хахалиться, за исключением ботаников на первой парте, а любимица Бочонка, Перина, будущая «репортерша», потупила невинно глазки. После того как ржание стихло, Ванек Марков крикнул: «Раис Владимировна, а не вольва, случаем. Оговорились, наверно?». Новый взрыв смеха.

«Нет, Вань. Я не ошиблась». – Сказала классная, часто дыша и стирая выступивший на лбу пот.

Дальше я уже не помню, что она рассказывала, да мне было и не интересно. Помню только, что никто больше не смеялся. Значит, ничего прикольного классная не лягнула. Если бы меня кто-нибудь спросил, почему почти мы все ржали тогда на уроке, как чокнутые, я бы скорее всего сказал просто: было прикольно. Но это, по сути, не ответ. Это все равно, что ответить на вопрос: «Как прошел день» хорошо или плохо. За этими стандартными ответами ничего не стоит. Поэтому на вопрос о том, почему большая часть моих одноклассников гагалились, включая и меня самого, я бы ответил так: потому что когда сидишь в душном помещении на нудном идиотском уроке, который кажется бесконечным, думая лишь о том, как бы поскорее выскочить из этого тюремного образовательного здания, иногда находит приступ безумного смеха. Он накопился, и теперь его надо выплеснуть в подходящий момент. А после того как посмеялся вдоволь, то можно вынести еще несколько нудных уроков.

Именно эти воспоминания помогли мне унести с тоскливого урока химии и выкинуть из головы эту шлюху Оксанку. После урока химии я подошел к Нэт и спросил, не окислились ли у нее мозги после химии. Она улыбнулась и ответила, что нет. Подняла на меня свои милые глаза, один из которых закрывала черная кудрявая прядь. Это было безумно притягательно. Кончиками указательного и большого пальца я нежно убрал, чтобы видеть все ее лицо и глаза. Она опустила глаза, когда я это сделал. И ее лицо так погрузнело, что сердце у меня внутри болезненно сжалось. Я сразу догадался, что она до сих пор страдает из-за ухода отца. Я лишь отвел ее к окну и шепотом сказал: «давай свалим. Проведем день по программе Версова, и грусть убежит далеко, малыш», – прошептал я ей на ухо. Натали посмотрела на меня с открытыми глазами, в которых не было этой проклятой дымки грусти, тоски и даже, возможно, апатии (конечно, та, которая заваливалась ко мне была на много мрачнее, настоящая кровавая канибалша). Я видел по Нэт, что ее достало сидение в школе, и она жаждет свалить из этого тюремного душного ящика, но никак не может решиться. Поэтому я ее помог. «Сомневаешься и боишься, но поверь мне, ты не пожалеешь. Не веришь?» – я положил ладони ей на плечи.

В этот момент я готов был сделать все, чтобы Натали не чувствовала этой убийственной грусти и тоски, потому что я знал, что это такое, поверьте мне, я знал это очень хорошо. Химия у нас была третьим уроком, и я в начале уроков лишь поздоровался с Нэт, а потом сразу свалил к Риду, который нынче был в школе. Я боялся Натали. Я не могу объяснить почему, но я до одури ее пугался. Мне чудилось, что ею управляют *Фрэссеры*. Также мне было совестно, что я снял вчера трубку, а затем повесил. Нэт перезванивала, но я уже больше не поднимал трубку. Меня сковал страх, а трубка превратилась в огрызающуюся морду с клыками и белой пеной. Но после тех воспоминаний о детстве, о тех шуточках, о моей бабуле с дедом мне захотелось сделать для Нэт все – словно *это последний день, и кроме него ничего нет* (другое проявление *Фрэссеров*). Я желал помочь Натали справиться с тем, что ее угнетало, как и должен был поступить истинный друг. Хоть в тот день внутри у меня и возникло снова это чувство: что жить мне осталось всего лишь остаток этого дня (30 марта), я нисколько об этом не думал и не содрогался внутренне, как это было, когда я готовил ужин, убирался в квартире и чистил плиту – чтобы *все было сделано должным образом, чтобы не было пустот*. Я отдался лишь прекрасному желанию – сделать от себя все зависящее, чтобы Натали было весело.

КОГДА ПОМОГАЕШЬ ТОМУ, КТО В БЕДЕ И КОМУ ОДИНОКО И ТОШНО, ТО НА КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ЗАБЫВАЕШЬ О СВОИХ ПРОБЛЕМАХ И ПЕРЕЖИВАНИЯХ

«Я рассеял твои сомнения, котенок?»

Натали улыбнулась. Ее глаза точно засияли.

«Полностью, Дим. Давай проведем день по программе Версова». – Нэт обняла меня.

Я ткнулся носом в локон ее черных шелковистых волос и вдохнул в себя их щекочущий нос и душистый запах.

В этот момент мне были не страшны ни *Фрэссеры*, ни АПАТИЯ, ни ОДИНОЧЕСТВО.

ПОМОГАЯ КОМУ-ЛИБО ПРОСИТЬ, ИСПЫТЫВАЕШЬ НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНЕННОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ.

ТЕПЛЫЕ ДРУЖЕСКИЕ ОТКРЫТЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЦЕННЕЕ, ЧЕМ ЧТО-ЛИБО ЕЩЕ!!!

Я нашел Рика вместе со Светкой в столовой. Вместе с ними еще был Ванек Марков и Малкова. Я отвел Рика в сторону и попросил у него денег. Тот дал мне четыре десятки. Я сказал, что верну. Рик сказал мне, чтоб не торопился. Он понял, что я и Натали собираемся дать деру с оставшихся уроков и хотим чуток развеяться. Он пожелал нам хорошенько погулять (разумеется, в хорошем смысле). Я пожал ему пятерню и спросил, каковы его планы на

остаток дня. Он глянул на Светку, которая ела пищу, и улыбнулся. «На следующем уроке поспим чуток, а там тоже свалим, наверно. Надоело». «Понятно. – Говорю. – А Серый все еще отдыхает?». «Они с Юлькой никак не могут вернуться в привычную колею», – ответил Рик. «Классная их задолбит». «Да им по фигу. У них ненормированный график посещения уроков». «Верно базаришь».

Я поблагодарил Рика. Иногда он мне казался крутым пацаном, надежным, – тем, кто может помочь. Когда я уходил из столовой, то так и чувствовал на себе взгляд этой шлюховатой Малковой. Когда я обернулся, набравшись храбрости, то ее физиономия была повернута к Маркову. Значит, я лишь вообразил, что она смотрела мне в спину?

Натали не пошла со мной в столовую. Она сходила в раздевалку за моей и своей одежкой и ждала у дверей библиотеки, находившейся рядом со столовой. Ее можно было понять. Ей было хреново. Чувствовала она себя грустно, разбито, а когда ты такой, то никого особенно видеть не хочется. Тебе могут задавать всякие вопросы, на которые ты должен отвечать, когда в то же самое время тебя так и подмывает сорваться с места и убежать, чтобы не видеть всех этих людей и их взглядов с бегающими или застывшими, точно у трупов глазами. Я знаю это по себе, когда у меня подобное творится внутри, я ощущаю нечто подобное (даже и в столовой при разговоре с Риком это присутствовало во мне, но у меня были силы это преодолеть). Это присутствует во мне все время в маленькой дозе, но в громадной дозе – когда *Фрэссеры* дают о себе знать. Я их начинаю чувствовать и подозревать каждого. Они могут принять облик любого – именно это и страшно. Последнее время они не дают о себе знать в яркой форме. Вероятно, они пока наблюдают... ждут подходящего момента, чтоб меня заграбастать. Они вселяют в меня временами подозрения и небольшие страхи – только для того, чтобы я не забыл про них и помнил, что они тут как тут.

Нынче охранник нам не дал выйти, хотя до этого мы спокойно обходили его и сваливали из школы, как только не было больше желания выносить эту **ЗЕЛЕНУЮ ТОСКУ И СКУКУ**, но нынче этот урод в синих милицейских штанах дал нам отворот-поворот. Нэт сразу скисла еще больше и сказала, что придется идти на урок, но я был твердо намерен сделать все так, чтобы день удался, и нам было весело. В спортивном зале была дверь, которая выходила на улицу. Мы рванули туда. Учительницы физры в зале не было, она, должно быть, сидела в своем личном кабинете, на котором была табличка с надписью **КОМНАТА ОТДЫХА**, а внизу ее имя и фамилия. Вообразите, как, вероятно, запахло было другим вредным преподам, что какая-то учительница физического образования имеет свою личную комнату, а, к примеру, мой заклятый враг **ЦИФРОЕД**, который пять лет, а то и больше, долбил разную галиматью вроде математического анализа, зубрил формулы и считал пятиэтажные примерчики только вонючий кабинетик, а если ему требуется передых, то вали в учительскую, парень.

В общем мы прошли в конец зала к дверям. В зале стоял ор, мат и стук мячей. Четверо парней играли в тридцать три у баскетбольного кольца. Это был 10 «А». Я знал в нем пару парней, которых я поприветствовал. Они и помогли мне открыть эту старую проржавевшую дверь, с которой если бы не они я бы протыркался до самого возвращения физручки из **КОМНАТЫ ОТДЫХА**, где она неизвестно чем занималась. Парни хлопнули меня по плечу, кивнули Нэт, которая стояла малость в стороне, и сказали, что мы молодцы, что сваливаем. Я предложил и им свалить, но они отказались. Должно быть, школа их не слишком-то и запарила. Ну, это их право. Зато они выпустили нас с Нэт на волю и закрыли дверь как будто ее и не открывали с прошлого года – сделали полезное дело. Теперь можно сказать, что Натали и я испарились бесследно из школы (гипотетически, разумеется).

На улице было свежо. Я ощущал запах свободы. Я спросил у Нэт, не жалеет ли она, что мы сбежали с уроков. Она не отвечала. Тогда я ущипнул ее легонько двумя пальцами за шею, точно маленький птенец. Она поглядела на меня своими милыми добрыми глазами, в которых еще присутствовала грусть (**ВСЕМ НАМ БЫВАЕТ ГРУСТНО – ПОРОЙ ДАЖЕ И БЕЗ**

ПРИЧИНЫ), а затем я расслышал смех. Она засмеялась, и это было классно. Грусти в ее глазах в этот момент я не увидел. Часто мне кажется, что я живу бесполезной бессмысленной жизнью, но сегодня это мне так нисколько не казалось. Все было полно смысла, внутренне я чувствовал удовлетворенность и завершенность – я был полезен.

Я решил вместе с Натали съездить в центр нашего захолустного городка. Снег уже весь растаял, и грязи особой не было, поэтому было приятно пройти там по аллее вдоль еще голых деревьев, но на которых в скором времени начнут набухать почки и появятся девственные светло-зеленые листочки. Когда мы шли к остановке, Натали сама взяла мою руку, и почти до самой остановки мы прошли, держа друг друга за руки. Я спросил у Натали, куда она собирается поступать после школы и какие экзамены будет сдавать. Она ответила, что в институт (видимо, пропаганда Бочонка повлияла и на нее). В какой я спрашивать не стал, да если честно, мне было и не интересно. Еще она сказала, что собирается сдавать историю, русский и геометрию. *Флаг тебе в руки.* – Мелькнуло у меня тогда в голове. Она собиралась сдавать геометрию, предмет моего врага. Но, как я знаю, Натали варит со всякими там треугольниками, конусами и вонючими сечениями, поэтому должна сдать. Цифроед, вроде, к ней нормально относится. Это у нас с ним отношения, как еще говорится, «на ножах». Если я презираю Цифроеда, это не значит, что Нэт не может сдавать предмет Цифроеда только потому, что он мне, мягко говоря, не нравится.

НЕ СУДИ О ТОМ, КАК ПОСТУПАТЬ ДРУГИМ ПО СЕБЕ И СВОИМ ПРЕДПОЧТЕНИЯМ

Я спросил у Натали, решила ли она, куда спрячет «шпоры», чтоб Цифроед и остальные препода, которые будут вместе с ним принимать экзамен, не прорекли. Она малость замялась, словно не поняла вопроса, а потом толкнула меня в бок и сказала, что не будет пользоваться «шпорами». Я по-деловому покивал головой. А потом говорю, что знаю место, где можно спрятать и ничего не найдут, а ты потом вынешь незаметно и списывай. Нэт не отвечала. Тогда я таким любознательным голоском говорю: «Догадалась, о каком месте идет речь?». Натали хохотнула и замахнулась, чтоб дать мне что-то вроде мягонького аккуратного подзатыльника, но я успел присесть. А потом она, все еще смеясь, говорит: «Сам прячь «шпоры» туда, Дим, понял?» – Нэт сделала нарочно ударение в слове «понял» на последнем слоге.

«А куда туда?» – Мне хотелось, чтобы она назвала это слово. Не знаю, почему, наверно, просто потому, что это было бы прикольно.

Тут как раз подошла маршрутка, идущая в центр. И когда я заплатил за проезд и прошел на заднее место рядом с Нэт, то она нагнулась к моему уху и прошептала: «Сам прячь шпоры в тусы, балбес».

Я опустил тут же лицо, потому что меня так и разрывало от смеха. Натали произнесла так уморно слово «тусы». Кайфово. Пока мы ехали, я то переставал трястись от смеха, то начинал с новой силой, а Нэт все спрашивала, что такое. Мне безумно было смешно. Когда мы подъезжали к центру, то рожа у меня была, наверно, вся красная, а мышцы живота побаливали. Насмеялся я вдоволь. Нэт улыбалась лишь иногда, но не смеялась, как я. В моем сознании нарисовалась картина, что у Нэт ни одна «шпора» в тусах, а их там полным полно, так что и не убираются, и Цифроед это каким-то способом просекает и говорит ей таким командирским тоном: «Ну-ка покажите, что у вас там, Шерина? Цифроед чуть ли не каждого называл по фамилии, за исключением, наверно, любимицы Бочонка, многообещающей репортерши, которую он чуть ли не Галенькой кликал. Естественно, эта репортерша должна была получить золотую медаль в скором-прескором времени (когда наступит амнистия и новую кучку одиннадцатиклассников выпускают в реальный жестокий и смердящий мир), а эти препода таким готовы чуть ли не задницу лизать ради престижа своей школы: *Какие мы молодцы! Обучили такую девочку! Умницу, у которой мозги через край брызжут. О чем это говорит? А о том, что*

у нас наиболее квалифицированные специалисты, умеющие работать с детишками. Так что если вы еще не решили, в какое исправительно-образовательное учреждение отдать вашего сына или дочь, то у нас им будет лучше некуда – мы сделаем из них вундеркиндов, запудрим им тыкву подзавязку. «Ничего нет». – Отвечает Натали с поникшей головой. Голос у нее подрагивает.

«Что вы мне лапшу на уши вешаете, Шерина! Я же вижу у вас бумажка с различными формами и теоремами высовывается из джинсов, а ниже вообще чуть ли не опухоль образовалась под джинсами, и она шуршит. Что это у вас там такое, интересно? Ну-ка покажь резко! (Цифроед переходит на грубый жаргонный тон, чтобы, должно быть, уstrasшить Нэт)

Я продолжал смеяться безмолвным смехом, который иногда вырывался в виде смешков, когда маршрутка остановилась, и мы направились к выходу. Я понимал, что в этом ничего веселого нет, и если бы такой случай, рожденный моим больным и чуть-чуть (как я полагаю) перевернутым воображением, произошел в действительности, то было бы не до смеха, но я все равно угорал от ржачки. Я выпрыгнул из маршрутки и подал руку Нэт, чтобы она нее оперлась. Этому меня научил мой отец. Это было так давно, что теперь кажется этого и не было вовсе.

Мы тогда ездили к двоюродному брату мамы в какой-то городок под Москвой, и когда мы выходили из поезда, то я первый выпрыгнул пулей из вагона, а отец помог маме выйти, а потом мне сказал, что я мог бы и помочь маме спуститься (естественно, он говорил несерьезно – хотел посмотреть, что у меня на сердце, было ли у меня подобное в мыслях). Я, как сейчас помню, сказал: «А чё я, пап? Я не умею, да мама и сама выпрыгнет из вагона без чьей-либо помощи». «Э-эх ты. Ну, ничего. Поймешь это, когда у тебя будет девочка». Я запомнил этот случай очень хорошо, а также то, что женщине надо помогать выйти. Я не понимал в то время почему (*Сама-то выйти не в можах, что ль?*), но я решил это сделать для себя некой аксиомой (*потому что так надо*). Потому что так делает мой папа, мой друг, тот, на кого надо равняться – он все делает правильно.

Это теперь он обратился в такого злобного монстра, что думаешь, он был таким всегда, но это не так. Наверно, я так думаю, потому что он был нормальным, был моим кумиром и другом очень давно, так что мне и верится в это с трудом. Когда в деревне умер дед, а затем вслед за ним и моя дорогая бабуля, которая умело здорово шутить, так что живот временами, думаешь, разорвешь, отец-друг начал меняться, быть раздражительным и злым, стал пить, пропадать и срывать на нас с матерью по пустякам. То, что со смертью бабуля и деда что-то изменилось, я почувствовал тоже – во мне умерла лучшая моя часть, и я, будто с того времени, засыхаю. Каждый из нас после смерти деда с бабулей изменился, а мама особенно. Она быстро пережила смерть родителей, и на первый взгляд как бы и не изменилась, но она сильно изменилась (уж я-то знаю): стала более сдержанной, менее веселой и печальной – смерть наложила на нее свой отпечаток. А затем она начала выпивать. Я не слишком-то много помню об этом ужасном периоде моей жизни, который, казалось, никогда не закончится. И это даже хорошо. Я знаю только, что мне тогда было лет одиннадцать и в это время я подружился с Риком, а потом с Серым, которого перевели из другой школы. Уже тогда мы начали отрываться и делать различные пакости, которые в сравнении с сегодняшними, милые шуточки. В период после смерти деда с бабулей я чувствовал ярость и обиду внутри, я был задирист и любил подражаться (сейчас я дерусь, только если кто-то начинает забываться и переходит мне дорогу). Еще я помню, что то и дело думал о бабушке и деде. Я всей душой хотел увидеть их лица, обнять и чтоб бабуля сказала какую-нибудь грубоватую деревенскую шуточку, над которой мы бы вместе погогалились. Я не верил, что их больше нет, что они остались жить лишь в моих воспоминаниях.

Мы купили по мороженому и направились к мосту посмотреть на уток, если они, конечно, там были. К этому времени приступы бешеного безмолвного смеха прошли, и я походил на нормального человека. Когда я смолотил мороженое, у Натали оно было почти целое. Она ела его медленно, наслаждалась. Я так не мог. Я был Молниеносным Уничтожителем Мороженого.

Мы облокотились о черные перила моста и посмотрели вниз. В воде плавало всего три утки с зеленовато-серыми перьями. Они были красивы. На секунду мне тоже захотелось стать такой же уточкой, которая не спеша плавает, не волнуется особо ни о чем, – живет и радуется жизни. Я указал на Натали на утку, которая опускала голову в воду, затем трясла ею, так что разлетались брызги, и приступала чистить перья на крыльях и грудке. Я, улыбаясь, сказал Нэт, что это самая чистоплотная утка. А Натали, лизнув мороженое и мило шурясь, сказала, что эта утка к тому же еще и самая красивая. У нее на левом крыле были синеватые перья, которые и выделяли ее от остальных. Натали, положив мне руку на плечо, весело засмеялась, указывая на утку, которая окунула голову снова в воду. На этот раз из воды какие-нибудь считанные секунды торчали лишь лапки и пушистая попка с хвостиком. Это было обалденно здорово. Утки уморительно клеевые, если за ними наблюдать. Потом Натали предложила спуститься к берегу. Она хотела бросить уткам вафлю мороженого. На что я заметил, что рядом есть утка побольше, которая не откажется от вафли. . . с большим количеством мороженого на ней. «Эта утка уже свое съела, а эти, возможно, проголодались. Идем спустимся». – Натали направилась к лестнице, чтобы спуститься к берегу.

Я постоял какое-то время, положив руки на перила моста, и вглядываясь в темно-зеленую грязную воду. Я подумал: «А я сразу умру, если сигану с моста? Будет сильно больно? Или я ничего не почувствую?». Я смотрел на темную воду, сосредоточив взгляд на одной точке, и на один момент я ощутил холодный запах воды, который окутывает меня, запах сырой земли, как я погружаюсь в воду. Я еще в сознании и понимаю, что происходит, но ничего не могу поделать, у меня нет сил пошевелиться. Грязная вода заливаётся мне в рот, и водяная пучина накрывает меня. И никто не придет мне на помощь, все так и будут носиться по мосту, или на худой конец вызовут скорую, которая выловит мой труп из этой зеленой манящей пучины. Сердце у меня замерло, и заколотилось, наполняя внутренности морозом, я задрожал, словно это уже произошло, и мне остается совсем немного.

СТРАШНО ОСОЗНАВАТЬ, ЧТО ТЫ ОДИН И НИКОМУ НЕ НУЖЕН (ИЛИ НУЖЕН ДО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ПОРЫ). КОГДА ЛИШЬ ЗАДУМЫВАЕШЬСЯ ОБ ЭТОМ – СТАНОВИТСЯ ЖУТКОВАТО.

Когда на меня находят такие мысли, я гоню их прочь. Стараюсь запрятать в самый пыльный угол моего сознания. Не всегда мне это удается, потому что у этих мыслей цепкие щупальца, которые обвиваются вокруг меня и не хотят отпустить, жаждут затащить меня в мрачную смердящую пещеру. Чтобы я остался там навечно. Вслед за этими мыслями приходят *Фрэссеры*, и тогда мне становится жутко-жутко страшно, в груди заседает скользкий ледяной комок. Мне хочется закричать, но этот комок словно мешает. Крик ужаса так и остается сидеть внутри меня. Мне кажется, что еще немного, и я чокнусь. У меня съедет крыша. Алкоголь в большом количестве отгоняет все, скорее даже не отгоняет, а притупляет, и я не чувствую больше льда в себе. Тогда стоя на мосту, я решил, что сегодня же вечером напьюсь, потому что знал, что *они* снова решили попытаться поймать меня. *Им* надоело наблюдать.

ХОХОЧУЩИЕ ЛИЦА С ОБОЖЖЕННОЙ НАПРОЧЬ КОЖЕЙ

МРАЧНЫЙ ПАСМУРНЫЙ ОКТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ. ХЛЕСТЧУЩИЙ КАК ИЗ ВЕДРА ДОЖДЬ. СУМАСШЕДШИЙ ВЕТЕР. ДЕРЕВЬЯ НАГИБАЮТСЯ ТАК СИЛЬНО, ЧТО, ДУМАЕШЬ, ВОТ-ВОТ СЛОМАЮТСЯ. РАСКАТЫ ГРОМА И СВЕРКАЮЩИЕ МОЛНИИ, КОТОРЫЕ ОСВЕЩАЮТ МРАК.

ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ. БОЛЬШИЕ КАПЛИ ПАДАЮТ НА ГОЛОЕ ТЕЛО ПРИ ЗАВЫВАЮЩЕМ ВЕТРЕ. ТЕЛО ПОКРЫВАЕТСЯ ГУСИНОЙ КОЖЕЙ. ТЕБЯ БЬЕТ ДРОЖЬ

(БЖОРД). ОГЛЯДЫВАЕШЬСЯ КРУГОМ – И ВИДИШЬ, ЧТО БЕЖАТЬ НЕКУДА. СКВОЗЬ ЛИВЕНЬ РАЗЛИЧАЕШЬ ЛИШЬ МГЛУ, КОТОРУЮ НАСЕЛЯЮТ ОНИ.

Уткам понравилась вафля. Самой красивой с синими перьями на левом крыле досталось всех больше (кроме того, что она была самая красивая, она была еще и самая бойкая). Насмотревшись на уток, мы направились по аллее, где еще остались вполне целые скамейки, не испитые вдоль и поперек из баллончиков с краской. Мороженого у Нэт было поменьше половины (*Как же медленно она его ест! Немыслимо!*). Пока мы в развалку двигались по аллее, я все поглядывал на него, точно щенок, и Натали (сжалившись над бедным щеночком с грустными искренними глазками) отдала мне остаток мороженого, которое уже начинало таять. Я поблагодарил ее, прижавшись холодноватым носом к ее шейке и волосам. *Безмерно благодарю за эту вкуснятинку.* Нэт заулыбалась. Негромко рассмеялась. Ей было щекотно, поэтому, она, вероятно, и рассмеялась. Натали потрепала меня по волосам (я хотел увернуться, но не сумел, да к тому же боялся уронить остатки мороженого, которые еще не проглотил), а потом провела указательным пальцем по щеке (я это вообще не почувствовал). В животе у меня все приятно похолодело, а в горле стало щекотно, как, должно быть, было Натали, когда я ткнулся ее своим холодным пятаком в шейку. Я посмотрел, есть ли кто-нибудь поблизости. Никого не было. Позади лишь двигались люди по мосту, но они были достаточно далеко. Я посмотрел на Нэт: на ее черные волосы с кудряшками, которые мне так нравились; губы; глаза; мочки ушей, в которых были вставлены сережки. Мне захотелось поцеловать ее. А после того как я бы ее поцеловал, мне безумно захотелось, чтобы она была моей женой, мне захотелось быть с нею всю свою жизнь, помогать ей, когда ей плохо, радоваться вместе с нею, когда ей хорошо, – мне захотелось быть ее ДРУГОМ ЖИЗНИ. Когда я намеревался приблизиться к Нэт, чтобы поцеловать, то внутри вырос какой-то барьер, я застыл на месте и не мог двинуться, но Натали, очевидно, поняла, что у меня было внутри (догадалась, я думаю, по выражению лица и по глазам). Она посмотрела мне в глаза. Я – в ее, и мы поцеловались. Я очнулся лишь, когда все закончилось. Мы целовались не первый раз, но этот показался мне первым. Кроме Нэт в тот момент ничего не существовало, я чувствовал, как парю в мягких теплых потоках воздуха, кружусь в них с моей Натали. Я не боялся *Фрэссеров*, они казались мне жалкими и бессильными против меня. Голова была полна чистых приносящих наслаждение мыслей – черные мысли были вымыты из нее светлым лучистым потоком. Я крепко обнял Нэт, держа руку с мороженым (которое капало мне на руку и на землю) отведенной в сторону, и мы продолжили дальше нашу прогулку по аллее в соответствии с программой Версова. Натали взяла меня за руку.

Нэт указал мне на мороженое, про которое я уж и забыл совсем. Я заглотив его, измазав себе им нос. Натали засмеялась. Я стер мороженое и показал ей язык. Она снова засмеялась. Мы дошли до вида нормальной скамейки, и Натали предложила присесть. Я не возражал. Небо начало заволакивать серыми тучами, и я подумал о том, чтобы может начаться дождь. Мы достаточно далеко ушли от моста, так что если не считать доносящийся с дороги шум и гудение автомобилей, мы были в относительной тишине. Чтобы кто-нибудь, кроме нас, гулял по аллее, видно не было. Здесь, вероятно, к вечеру много проходит людей, которые возвращаются с работы (по близости был банк и швейная фабрика, сквозь окна которой на первом этаже, можно было видеть работающие ткацкие станки). А потом тут подростки, вроде меня, Рика или Серого, которые распивают здесь спиртное, лапают своих подружек и треплется обо всем. Лично, мне больше нравились веранды садов для распития алкоголя, а не аллеи со скамейками.

Особенно круто гулять по аллеям, когда листочки на деревьях еще только вылезли, они еще свежие и зеленые. Вдыхаешь приятный аромат зелени, закрыв глаза, и представляешь, что ты в зеленом красочном лесу. Поют птицы, а там за кронами деревьев стоит домик, в котором живешь ты и твой ДРУГ. Или же хорошо тоже гулять осенью, когда на деревьях пестрые разноцветные наряды. На асфальте же лежат осенние листья, как будто покров. И опять за

красными, желтыми, рыжеватыми и коричневыми шапками деревьев стоит домик, в котором можно отдохнуть и набраться сил вместе с твоим ДРУГОМ ЖИЗНИ. Там чувствуешь спокойствие, умиротворение, тебе некуда спешить, время словно останавливается. Там нет ужаса, нет *Фрэссеров* и кровавых мыслей, которые навешают меня. В те минуты, сидя рядом с моей Натали и размышляя обо всем этом, я жалел, что у меня нет ничего для того, чтобы претворить эту прекрасную мечту в реальность. Я бы женился на Нэт, и мы бы уехали в то крутое место, где я бы стал жить без страха... стал бы нормальным. У нас бы появились друзья, которые тоже бы жили где-нибудь поблизости среди чудесных красот природы, возможно бы, около какого-нибудь пруда или водоема.

РЕАЛЬНОСТЬ ЖЕСТОКА

Я подумал о животных. Они могут без проблем построить себе жилище, и жить со своими женами. Взять хотя бы труженика-бобра. Он может забабахать себе какую угодно хатку, в которой может балдеть вместе со своей женой бобрехой-труженицей. Для этого ему требуется лишь целеустремленность, трудолюбие и материалы для жилья, которых в лесу завались и которые для него совершенно бесплатны. Это для людей, чтобы получить дом нужно работать как очумелым или же нужно быть мозгастым, заниматься различными темными делишками, и тогда у тебя будет все. Кто-то в этом процветает, а кому-то сносят башку. Все равно нельзя паразитировать постоянно.

Меня малость занесло. Я размечтался чересчур. Чтобы все было бесплатно, как у животных. Это уж вообще коммунизм тогда в прямом смысле слова. Я ни хрена не соображаю в этом. Хотя нам и историчка долдонит на уроках про это последние два года. Но из ее бормотания я понял только то, что коммунизм – это когда все будет бесплатно. Это просто невозможно в кровавой действительности. Всегда есть ПАРАЗИТЫ, которые кайфуют, попивая кровь из кого-нибудь. Коммунизм, по мне, так это сказка, как и мое желание уехать с Нэт и жить в лесу в нашем доме, где я не буду бояться, забуду о *ФРЭССЕРАХ* и ужасно плохих мыслях. Это всего лишь красивый сон, которому никогда не суждено сбыться. Он радуется тебе, пока ты его видишь, но затем ты просыпаешься, и все выглядит совершенно по-иному, – красивый сон исчез, бесследно испарился.

Я спросил у Натали, мечтала ли она научиться летать, когда была маленькой. Мне нужно было срочно отвлечься, я ощущал зловонное дыхание приближающихся *Фрэссеров*, ужаса и черных кровавых мыслей. На какое-то время мне пришла в голову мысль, что у Нэт нет ушей. Они вырваны. Она одна из *них*. Я старался не смотреть на ее уши, потому что понимал, что *Фрэссеры* тут же все поймут, увидев это в моих глазах. Я решил делать вид, что не догадываюсь ни о чем.

Нэт(?) сказала, что мечтала. «Если бы я умела летать, – сказала она (?), – то я бы смогла парить в небе, смогла бы слетать в разные места и еще бы сделала много всяких вещей. Когда я была девчонкой, я знала, а сейчас уж и забыла. Я тогда еще думала, что есть какая-нибудь фея с волшебной палочкой, и она помашет ею передо мной, и я смогу летать. Тебе, наверно, это кажется смешным?».

«Не-а». – Ответил я.

«А почему ты спросил?»

Пару секунд я не решался поднять глаза (*ФРЭССЕРЫ!!!*), но потом все-таки у меня хватило сил это сделать. Я пересилил себя и посмотрел на уши Натали. Они были на месте. Они не были вырваны. Она не была *Фрэссером*. Они отступили. Ужас, который сковал меня и начал превращать во мне все внутренности в лед, тоже исчез. Рассказ Натали о детских мечтах отогнал *Фрэссеров*, ДРОЖЬ и ЛЕД.

«Было интересно».

«А теперь ты расскажи о своих детских летательных мечтах».

Я рассмеялся. «Летательных». Что-то в этом прилагательном показалось мне забавным.

«Они отличаются от твоих. Я не хотел сам лично летать. Я верил, что если положить три листка дуба под подушку и подумать о полете, теплом ветерке и голубом небе с пористыми белыми облачками, то ночью можно насладиться полетом под куполом звездного неба».

«Надо же! Никогда б не подумала, что ты об этом мечтал в детстве! – Нэт искренне удивилась. Она, вероятно, полагала, что в голове у меня, кроме грязных шуточек, ничего нету – что я неспособен мечтать. – А почему именно три дубовых листочка? И как же ты на них умещался?»

«Я не знаю, почему три. Может, мне нравилось это число. Оно мне и сейчас до сих пор нравится – самая моя частая отметка».

Натали прижалась ко мне, смеясь. Я тоже рассмеялся. Я чувствовал себя легко и спокойно, как после поцелуя.

«А на второй твой вопрос ответ у меня есть».

«И какой же?» – Натали смотрела на меня своими ясными глазами. Видно было, что ей интересно, что она действительно хочет знать, а не старается просто поддержать беседу из вежливости. **МОЯ НАТАЛИ. КАК Я МОГ ПОДУМАТЬ, ЧТО ОНА ОДНА ИЗ НИХ? КАК?! ДУРАК-ДУРАК-ДУРАК!!!** Я хотел отвести один локон черных кудрявых волос Нэт, который почти закрывал один глаз, но я этого не сделал (хоть и безумно хотелось сделать это... нежно и аккуратно). Не могу понять, почему я это сделал. Иногда я бываю таким чертовым трусом, что я противен самому себе. Если бы кто-нибудь заглянул внутрь меня, то увидел бы, что я из себя представляю... **НИЧЕГО?**

«Я становился маленьким кузнечиком или таким маленьким зеленоватым жучком с белыми прозрачными крылышками и спокойно уменьшался на трех листьях, которые соединялись в нечто вроде плота. Я летел на листочках, точно на ковре-самолете, и если ветер дул мне не в спину, а в лицо, то приходилось хвататься за корешок моего летательного (какое прикольное слово!) приспособления, я ведь был...»

«Маленьким зеленоватым жучком с белыми прозрачными крылышками». – Нэт взяла мой руку и нежно проводила кончиками пальцев по ней.

«В точку. Потому что я был малюсеньким жучком (*Она запомнила*)».

«И часто ты парил на волшебного ковре из трех листочков дуба?»

«Частенько. А когда я утром просыпался, то все удивлялся, как я очутился в кровати. Кажется, секунду назад, я гонял в ночи и пролетал над горами и лесами, а теперь лежу в постели, и я не жучок, а снова человек. Я шел к бабуле и рассказывал о своих путешествиях».

«И как она реагировала?» – Натали продолжала водить своими нежными пальчиками по моей руке. Это было приятно. Я даже забыл о доносящемся издали шуме поганых машин.

«Превосходно. Внимательно слушала, готова еду курам и свинюшке, задавала вопросы. А один раз даже сказала, что видела меня на моем дубовом плотике. Она сказала, что видела меня вдалеке. Пыталась догнать, но я уже умчался на своем скоростном летающем плоту».

«Правда?» – Нэт по-детски улыбнулась.

«Да-а. А я ей тогда сказал, что в следующий раз во время моих ночных путешествий буду повнимательнее и мы встретимся. Бабуля сказала, что несомненно и что будет ждать с нетерпением. И добавила, что когда она наслаждается ночными прогулками, то она становится другой, как и я».

«И кем она становилась?».

Я заглянул в глаза Натали с задорной улыбкой. Она тоже непроизвольно улыбнулась в ответ.

«Она становилась жучком-летуном».

«Врешь?» – Натали хлопнула меня не больно по ладони и выпустила ее из своих ласковых рук.

«Отнюдь. Чистая правда. – Ответил я, улыбаясь во весь рот. – Бабушка, наверно, не хотела разрушать мои классные мечтания и подыгрывала мне тем самым. Только потом я понял, как я так быстро превращался из малюсенького жучка в человека и оказывался в постельке, – мне все это снилось. Мне раскрыла глаза мать, когда я решил поделиться с нею, потому что не было рядом бабули. Мне кажется, мать это сделала, потому что не умела и не хотела мечтать».

«Тебе было, наверно, обидно?»

«Какое-то время. Но потом я даже обрадовался, что все понял. Мне теперь не приходится ломать голову над трудной задачей: как я становлюсь обратно человеком».

«Разрешил настоящую задачу, в сравнении с которой задачи, которые дает Цифроед гроша ломанного не стоят».

«Точно. Но я все равно какое-то время клал дубовые листочки под подушку, чтобы когда буду парить над горами и лесами при ночном звездном освещении, не разбиться. Я был хоть и жучком с крылышками, но, к сожалению, не летуном, как бабуля».

«Понятно. – Нэт снова взяла мою руку и начала водить по ней. – Хорошая у тебя бабуля. Жаль, что у меня такой нет. Она все еще мечтает с тобой или уже нет? Думает, что ты вышел из этого возраста?».

«Она еще долго мечтала со мной и шутила, но теперь нет. *Уже нет.* Я уже вышел из этого возраста, как ты правильно заметила». – Я убрал свою руку из рук Натали.

Потом мы пошлялись по универмагу, пока шел дождь. Обошли все отделы на двух этажах. Купили один хот-дог с зеленью, горчицей и кетчупом и чай. А потом наведались в обувной магазин. С деловым видом богатых пижонов поразглядывали там все. Напоследок заглянули в магазин теле-видео техники. Посмотрели на громадный телек с плоским экраном. Я сказал Нэт, что если бы я купил такой ящик, то засунул бы его в стену в туалете. А я бы кайфовал в ванне, смотря эту громадину. Нэт сказала, прикрывая рот ладонью, что если я начну откладывать деньги сейчас, то лет через пятьдесят я приобрету этого монстра, и что к тому времени будут уже телеки размером с дом.

«Сегодня и приступлю набивать свой чулок мелочью». – Связвил я.

«Не плохая мысль. Я могу сделать первый взнос в чулочный сейф?»

«А как же!»

Оставшихся денег как раз хватило на обратный проезд. Когда мы возвращались, времени было уже около четырех. Натали чмокнула меня в щеку на прощания перед своим проездом и сказала, что очень хорошо провела время по программе от Версова. Я спросил, не чувствует ли она себя грустно. Она улыбнулась и покачала головой из стороны в сторону. Я сказал, что приятно слышать такое, что я дал пинка под зад ее ГРУСТИ. Она направилась в подъезд, а я развернулся и зашагал домой. Я чувствовал себя усталым и изможденным.

Отец сегодня появился дома. Заснул перед телевизором. На меня он не орал, хоть и бросал в мою сторону какие-то злобные взгляды. Наверно, не нашел к чему зацепиться?

НИЧЕГО НЕ ХОЧЕТСЯ.

МНЕ СТРАШНО. СНОВА ПРИХОДЯТ ДУРНЫЕ МЫСЛИ.

ПОСЛЕ ХОРОШЕГО КО МНЕ ПОЧТИ ВСЕГДА ПРИХОДЯТ ДУРНЫЕ МЫСЛИ.

День с Натали был супер. Только почему он мне кажется далеким и ненастоящим? Каким-то игрушечным? И прозрачным?

Глаза слипаются, и как будто хочу спать, но это все обманчиво. Мне лишь кажется, что я хочу спать. Когда же лягу в постель, выключу свет и накроюсь одеялом, то сон убежит от меня, и в башку начнут лезть мысли. Хорошо если светлые, вроде тех о жизни с Натали, моем ДРУГОМ ЖИЗНИ, а если дурные? Как те, когда я стоял на мосту, и мне показалось, что я

совершил *это*, преступил порог страха и боязни, отделяющие меня от этого поступка. Интересно, Александр сильно боялся? В какой-то момент он переступил порог страха и сделал *это*. На это не так-то легко решиться. Для чего я здесь?

МНЕ ОДИНОКО. Я ЧУВСТВУЮ ЗАПАХ ОДИНОЧЕСТВА... ЗЛОВОНИЕ ФРЭССЕРОВ, КОТОРЫЕ ПОКА ЗАТАИЛИСЬ.

НУЖНО НЕ ЗАБЫТЬ ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ. ЧТОБ ОНИ НЕ ПРОНИКЛИ И НЕ УБИЛИ МЕНЯ ВО СНЕ.

Я хотел бы обнять Нэт. Как было бы хорошо, если бы она сейчас взяла мой руку в свои и погладила ее.

Я ЧУВСТВУЮ НА СЕБЕ ЧЕЙ-ТО ВЗГЛЯД. СЛЫШУ ДЫХАНИЕ. У НИХ МНОГО РАЗНЫХ ТАЙНЫХ МЕСТ. ОНИ ...

2 апреля

Сегодня проснулся в первом часу. Сразу взял дневник, чтобы записать все, что произошло с нами вчера. С Риком и Серым ходили на денежную рыбалку. Улов был хороший. Каждому досталось по тысяче с копейками. Я понимаю, что это неправильно и что так можно и допрыгаться, но мы постарались сделать все по-быстрому.

Главное, чтобы район был подальше от твоего собственного. Мы выбрали район, где находится военный госпиталь, – неподалеку от парка, где мы с Натали так круто поговорили – так что я на какое-то время стал маленьким пареньком и перенесся в детство. Мы приехали туда почти в девять. Уже стемнело. Мы двинулись вдоль здания госпиталя. Серый горланил, как оглашенный, так что слышно было за километр. Я сказал ему, чтоб заткнулся, а то мы так не хрена денег не надыбаем. Некоторое время мы шли по дорожке вдоль ограды госпиталя. Никого не замечали. Где-то слышались голоса. Мы завернули и тут заметили одну дамочку. По виду она была даже очень чем ничего. Она удалялась от нас. В тусклом свете фонарного столба мы смогли рассмотреть ее. Кожаная красная курточка, черные коротко стриженные волосы, юбка с разрезом по середине на задку и маленькая красная сумочка на металлических цепочках (должно быть, она купила ее под цвет своей курточки). Этой дамочке было лет двадцать пять не больше, но я мог и ошибаться. Мы отошли обратно за поворот. Натянул свои вязанные шапки. Решили, что Рик ее толкнет сзади, а я вырву у нее сумочку. Если она начнет верещать, то Серый решит эту проблемку. Я попрыгал на месте, точно перед забегом на сто метров, потянулся и направился за дамочкой, которая уже достаточно усвистала. Что я не мог понять, так это: на кой черт, она разгуливает здесь в своей небедной одежке и идет ведь, словно ей все по барабану и с ней будет все о'кей. Дура. Но если так посудить, если бы не было таких дур, то как же мы тогда бы пополняли денежные запасы время от времени. Пока мы приближались к этой дамочке, я все думал, что она сейчас оглянется, но она так этого и не сделала. Рик кивнул мне и понесся к этой дуре. Она успела только дернуть башкой, намереваясь оглянуться, но Рик ее уже боргонул со всей дури. Она зашаталась, но не упала. Серый матернулся. Я кинулся к дамочке и дернул у нее сумку. Она вцепилась в нее своими лапами и заверещала. Я машинально зыркнул в сторону боковым зрением, мне показалось, что я засек там чей-то силуэт. Подбежал Серый. Он треснул дамочку по спине, а затем – по ногам. Он умело ее подсек, так что она сходу шмякнулась на асфальт. Кончиками пальцев она все равно еще сжимала металлическую цепочку-ремешок своей красной сумочки, которую она купила под цвет своей курточки, которая теперь была вся в грязи и напоминала дерьмо. Я дернул за ремешок-цепочку. Сумочка оказалась о меня. Рик уже стоял, готовый стартануть. Я приблизился к нему. Но Серый не собирался драпать, его потянуло на выпендрож. Он присел над этой дамочкой, распластавшейся на асфальте и юбка которой была разорвана вдоль разреза, и харкнул ей на волосы, за которыми она, готов

спорить, тщательно следила, отсиживая свою жопу на стуле в каком-нибудь салоне. «Думала крутая что ли, а?! Шмара!»

«Бежим, козел сраный!» – Проорал я. Серый перед этим что-то дернул, поэтому его и повело, мозги закоротило у этого быка-оплодотворителя.

Он размахнулся и пнул женщину под ребра.

«Да ты очумел, что ль?! Мудак!»

«Серый, давай резче!» – Крикнул Рик, поглядывая по сторонам и в зажженные окна домов.

«Насрать на него! Чешем!»

Мы сорвались с места и почесали, что было духу. Я оглянулся и увидел, что Серый бежит тоже. Он делал это с такой неохотой, словно ему и спешить было неуда (ГОВНЮК!!!). А если нас повяжут, урод, ты об этом не думал?! Он нарушил наши два правила: 1) быстрота и 2) никакого ненужного избиения. Лишь повалил, отнял и беги. И не нужно играть в игру «Какой я крутой, видали?». Мы пробежали дворами почти до самого парка. Там остановились, чтобы перевести дух. И потом снова почесали. Серый проорал сзади, что, мол, можно и передохнуть, но сказали с Риком этому придурку, что если ему так охота – пусть отдыхает. И дополнительное правило к двум перечисленным: ЧЕШИ ТАК, СЛОВНО ЗА ТОБОЙ УЖЕ ГОНЯТСЯ. Серый что-то пробурчал, но продолжил бежать вслед за нами. У него в то день точно мозги перегрелись!

Мы пробежали сквозь темный парк рядом со швейной фабрикой и бежали до дороги, где мы остановились и пошли нормальным шагом. Там уже были люди, а привлекать излишнее внимание к себе не стоит. У меня из горла вырывались хриплые звуки, лицо все было в поту. Волосы под вязанной шапкой были мокрые. Мы спустились под мост у дороги и там обследовали сумку. Там был суперский улов. В кошельке были три тысячи одной бумажкой, а в маленьком отделении кошелька было полным-полно двушек и пятаков. Также в этой маленькой красной сумочке мы нашли сотовый телефон, кредитную карточку и паспорт. Только представить, какой кретинкой надо быть, чтобы таскать с собой три тысячи, кредитку и паспорт? По мне так полнее некуда. Рик раскрыл паспорт на третьей странице. Нашу бесстрашную богатейку, наслаждающуюся прогулкой в ночи, звали Людмила Геннадьевна Герасимова восемьдесят второго года рождения. То есть выходило, что я не прогадал насчет ее возраста.

«Не повезло тебе нынча Люда, людоедочка». – Серый заржал, лыбясь как настоящий говнюк.

«Не вопи ты так, придурок». – Прошипел я, сжав ему локоть.

«Да ладно те, Диман. Мы уже далеко. А эта шмара пока оклемается».

«На кой ты ее бил, дубина?» – Спросил Рик.

«Не хрена было сопротивляться при задержании». – Серый хохотнул.

Как мне хотелось вмочить ему и избивать-избивать, пока кишки через рот не вылезут.

Я взял паспорт у Рика и вырвал страницу, где указано, кем выдан паспорт, страницу с фотографией и пропиской. Смял их и засунул в карман. Изодранный паспорт бросил в реку. Измятые страницы я позднее изорвал и выбросил в практически пустую помойку, но в которую в совсем скором времени навалят кучу мусорного дерьма. Мы разделили деньги, и Серый снова не удержался от того, чтобы вставить словцо: «День получения зарплаты – превосходненько, мужики».

Кредитную карточку мы превратили в гармошку и тоже бросили в реку.

«Прощай подруженька моя, кредитка сраная-родная».

Рик хмыкнул. Видимо, ему понравился стишок Серого под названием «Кредитка». На сотовом было мало денег. Серый тут же вставил:

«Богатая, а на сотовике денег с гулькин... Жидовка».

Сотовый оказался еще с фотиком. И Серый не удержался и засунул себе сотовик в штаны, чтобы сфоткать задницу.

«Завязывай, извращен поддатый». – Говорю.

«Да будет тебе, Диман. Приколись, ведь. И ЕЩЕ РАЗ МЕНЯ ИЗВРАЩЕНЦЕМ НАЗОВЕШЬ, Я ТЕ КАДЫК ВРЫВУ, СУКА!»

«ДАВАЙ! СМЕЛЕЕ!!!» – Этот бык-оплодотворитель меня задолбал. Мне плевать было на осторожность, я хотел лишь его урыть.

Над нами порой раздавался звук проносящихся машин.

«НУ, ЧЕГО ТЫ, ИЗВРАЩЕНЕЦ?! – Я нарочно назвал так Серого, чтобы взбесить, а потом врезать этому козлу. Внутри у меня все кипело, мне требовалось выбросить энергию. – НУ ДАВАЙ ВЫРВИ МНЕ КАДЫК-ТО!!!» – Я врезал Серому по пузу. А затем засмеялся. По безумному. Мне показалось, что это сделал не я, словно кто-то стал мной, а я лишь наблюдаю и чувствую, что ощущает тот, кто выпрыгнул из меня.

«Завязывайте. Довольно». – Вмешался Рик и отстранил меня.

«Да. Проехали. Все в норме».

«В НОРМЕ?! А МОЖЕТ, ПОСМОТРИМ, КТО КОМУ КАДЫК-ТО ВЫРВЕТ?!!!!»

«Да чё ты, Диман. Я же ни чё. Чё ты сразу?».

«Проехали. Дай мне сотовик. – Я почувствовал, как возвращаюсь в свое тело, сознание возвращается ко мне, а тот кто-то занял на какое-то время место в моем сознании и теле убрался прочь. – Терь не увидишь фотку своего зада. – Сказал я, швырнув сотовый об бетонный блок. Он раскололся на две части.

«Ты что сделал, я же еще не звякнул?»

«Поздняк метаться, Серый».

Мы заржали.

Я подобрал части сотовика и швырнул в реку.

«Рик, там в сумочке больше ничего нет?» – Спросил Серый.

«А что те надо-то?»

«Ну, может, у нее там игрунчик».

«Завязывай, Серый. Достал». – Махнул на него Рик.

«А чё-о-о?»

«А то-о-о! Что даже если бы и был, он бы не уместился в этой подобии сумке, в этом красном кошеле».

«Шикарно сказал, Рик». – Я дал ему «пять».

Мы попытались изодрать красный кошель, как сказал Рик, но фига с два. Серому удалось лишь оторвать один ремешок-цепочку (наверно, разжалось металлическое кольцо). А затем красный кошель полетел туда, куда и все остальное до этого.

Мы добрались до дома на разных маршрутках как и всегда после таких «заработков» – это было тоже своего рода уверткой.

ГЛАЗА ЕСТЬ У ВСЕГО

Потом если начнут копать на нас (неизвестно, кто такая эта Людоедка Герасимова, поэтому надо быть осторожным), то могут вспомнить, что трое странноватых парней ехали в маршрутке, и один из которых (кажись, под «мухой») все ржал то и дело. Потом вычислят район и могут выйти на нас. Круг смыкается. И уже тогда просекут, из какого райончика заскочили подшибить денегат. Разумеется, это больше похоже на детектив, в котором все такие наблюдательные и внимательные, что только диву даешься, но все равно нельзя быть беспечным и идти по течению. У нас в городке, да и везде, должно быть, людям на все по фигу – своеобразный мирок джунглей – и вряд ли кто-нибудь найдется такой наблюдательный, как это происходит

в детективчиках, но все-таки... На авось далеко не уедешь. Пройдет один раз, второй, может быть, а дальше твою задницу могут с треском прихлопнуть.

ОСТОРОЖНОСТЬ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО

После таких выходов на «заработки» мы залегаем недели на три или на четыре. Необходимо, чтобы прошло время, чтобы все подулеглось. И когда идешь на «заработки» опять, то НИКОГДА не следует ошиваться в том же районе, где был до того. Пока мы придерживаемся этой схемы, и нам везет. Но как говорится, на одном везении далеко не уедешь. Всему приходит конец, и удаче в том числе. Когда я думаю о том, как нас сцапают, то мне становится страшно и холодно, но я тут же гоню эту мысль, заверяя себя в том, что все будет нормально. Надо бы вообще перестать это делать. И что тогда? Заниматься торговлей наркотой, как один паренек, который как-то связан с бандой старшего брата Ильи Нойгирова? Он и сам уже подсел на эту хрень. Если ты торговец этим говном, то значит и потребитель. Если свяжешь себя с этим говном, то можно и не выбраться, – проглотит живьем, как какой-нибудь очумелый лангольер, пожиратель пространства. Вон Рик мне как-то рассказывал (уж давно это было, еще до того, как я начал вести эти дневниковые записи), что парень также начал торговать этим дерьмом, все говорил, что только поторгует, чтоб срубить денег, будет, так сказать, другим шею пронзать белым крюком кайфа, а в итоге и сам начал понемногу нюхать, потом перешел на то, что посильнее, а сейчас, Рик говорил, полный нарк, который просыпается утром, точно алкаш, лишь с одной первой мыслью – где достать денег на дозу, чтоб не окочуриться. Родители вышвырнули его из дома, потому что начал таскать вещи из квартиры, и теперь он обитает в каком-то канализационном притоне. Превратился в настоящего уличного озлобленного подонка, который готов глотки перегрызть.

Я осознаю, что не следует нападать так вот ночью, но с другой стороны я получаю даже некий кайф от этого. В такие минуты ты весь напряжен, адреналина в крови хоть отбавляй и ощущаешь, что живешь, забываешь об ОДИНОЧЕСТВЕ и БЕЗНАДЕГЕ. Вероятно, поэтому я и продолжаю это делать после прошествия времени затишья. Мне кажется все унылым и скучным, и мне требуется облить себя образным ледяным душем, чтоб напомнить себе, что я еще не живой ходячий трупак. После наших выходов, когда возвращаешься в ночи домой, то я не помню ни о СТРАХЕ, ни о ФРЭССЕРАХ, ни о том, что я ОДИН (НИДО). Я кажусь себе сильным, и уж тем более на порог моего сознания не приходят мыслишки о том, что я – шизик (????????????). Я нормальный, как и все в этом долбанном городке.

Я поднимался по лестнице к своей хибаре около двенадцати. В подъезде я ни на кого не напоролся. Что было просто здорово, потому что у меня начали пошаливать нервишки, и я почувствовал запах присутствия ФРЭССЕРОВ. Мне чудилось, что, пока я топал, вдоль дома в полной мгле, за мной неустанно следовал некто (я слышал хрипение за спиной), но как я только оборачивался с колотящимся сердцем, то никого не видел. Но я знал, чувствовал, чуял, что он все еще около меня, – он провалился в землю, откуда и возникнет вновь, когда я отвернусь. Поэтому я сорвался с места и до двери подъезда пробежал бегом.

Я боялся, что сегодня мог навеститься домой ДУБЛИКАТ папочки, и то, что я вернулся в такое время, явилось бы для него новым поводом для словесного извержения, а затем чего и побольнее. Я решил не возбуждать и вести себя спокойно. Я думал-думал, как бы соврать поправдоподобнее, но в тыкву ничего не лезло. Поэтому я послал все куда подальше и решил, что отвечу просто: «Гулял». Естественно, он начнет орать (раззадоривать себя, чтобы потом вlepить мне пару приветственных), но мне было насрать. В носке у меня было спрятана тысяча этой богатежки-ночной гулялы, на которую я завтра накуплю бухла и напьюсь, чтоб забыться сном на весь день. Эти радующие мыслишки помогли рассматривать возможные придирки ко мне и избиение как испытание перед получением последующей награды. *Главное не грубить, а*

*то сляжешь на несколько дней вместо того, чтобы устроить бухловечеруху на одного, решил я. Но удача мне улыбнулась, и ДУБЛИКАТ отца сегодня домой не пожаловал, а храп матери я слышал еще с порога. Мне даже стало приятно его слышать, и я, хохотнув, улыбнулся, и сделал вдох-выдох, приводя в порядок колотящееся сердчишко. Запер дверь на все замки и проследовал к себе в комнату. Бен сопел на моей постели (*Чувак!*). Мне тут же захотелось составить ему компашку. Я свернул аккуратненько тысячу и засунул ее в щель между плинтусом и стеной за моей койкой. Нужно всегда быть начеку.*

Откуда тысяча?

Она.. э-э-э-э...

Я походил на трудолюбивого хомяка – с одним лишь исключением: тот прячет в своей «берложке» семянки, хлеб, дольки огуречка и морковки по инстинкту – на основании той программки, которую вложили в его маленький мозг, а я делал это из осторожности, в каком-то смысле боязни (хотя на тот момент, я не ощущал ничего, стал деревянным). Хотя кто мог найти эту тысячу? ДУБЛИКАТ матери? ПАПОЧКИ? Им все было до лампочки. У всех нас была собственное поле действия, и ДУБЛИКАТ папочки и не заглядывал в мою комнатуху, но все же я подстраховывался, потому что *Фрэссеры* могут заставить его прийти ко мне в комнату.

ОНИ СМОТРЯТ

ЖАЖДУТ МОЕЙ КРОВИ

Я обалденно устал, измотался. Я ощущал тяжесть во всем теле, в каждой мышце. Но мой ум был свеж как огурчик и продолжал работать на полную катушку. Если мозг тоже выдохся, и чувствуешь, что его забили напрочь, то это хреново по-настоящему, а уставшее тело – это фигня. На следующий день оно будет в норме.

МОЗГ-ЭТО КАРКАС

ФРЭССЕРЫ ОХОТЯТСЯ ЗА МОИМ МОЗГОМ. ПОКА ИМ НЕ УДАЕТСЯ ЗАВЛАДЕТЬ ИМ, НО ОНИ НЕ ОСТАВЛЯЮТ ПОПЫТОК.

БЫВАЮТ ДНИ, ЧТО МОЙ УМ ТАК ЗАБИТ, СЛОВНО У МЕНЯ ЗДОРОВЕННАЯ РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ МОЗГА. В ТАКИЕ МОМЕНТЫ Я СОМНЕВАЮСЬ В ТОМ, НОРМАЛЕН ЛИ Я. Я ДУМАЮ, ЧТО В МОЕЙ БАШКЕ СИДИТ КТО-ТО. Я МОГУ ИЗГНАТЬ ЕГО ОТТУДА, ЛИШЬ РАСКРОИВ СЕБЕ ЧЕРЕП. ОН РАСКАЛЫВАЕТСЯ С ТРЕСКОМ, КАК КОКОСОВЫЙ ОРЕХ, И МАЛЕНЬКИЙ УРОДЕЦ, КОТОРЫЙ ПОСЕЛИЛСЯ В ГЛУБИНЕ МОИХ МОЗГОВ, УМИРАЕТ. НО ТОГДА СДОХНУ И Я?

ФРЭССЕРЫ ТОЛЬКО И ЖДУТ ЭТОГО. ОНИ ЖАЖДУТ РАСТЕРЗАТЬ МЕНЯ, А ЕСЛИ Я СДЕЛАЮ ЭТО(!!!), ТО ОНИ ДОБЬЮТСЯ СВОЕГО ПУСТЬ И НЕ ТЕМ СПОСОБОМ, КАКИМ БЫ ИМ ХОТЕЛОСЬ.

Я закрыл дверь на замок. Подергал несколько раз, чтобы быть уверенным наверняка. Как я могу уже спуститься на нижний этаж, но потом вернуться в дом и проверить, выключены ли газовые конфорки. В мозгу рисуется картина пожара, который разрастается подобно той же раковой опухоли и сжирает все в нашей квартире, а затем распространяется дальше, когда в нашей хибаре нечем поживиться. Поэтому я и поднимаюсь домой, даже если и спустился уже на первый этаж. Потому что если не сделаю этого, то мысли вертятся, точно стервятники в черепушке, а перед глазами валяющий клубами черный дым с огнем. Также я могу два или три раза открыть и закрыть входную дверь, потому что мне глючится, что я ее забыл закрыть. Я могу подергать ручку входной двери и убедиться в конечном счете, что она заперта, но я все

равно открою и по новой запру дверь. Это какая-то разновидности фобии (клаустрофобия? социофобия? хрен его знает).

Когда я шел на цыпочках от запертой двери (что я проверил несколько раз, точно параноик), мне снова почудилось, что за мной кто-то стоит. Я оглянулся. Никого не было, но на моей двери появилась кривообразная полоса у ручки. **ЗНАК ФРЭССЕРОВ**. Я сглотнул и забрался на постель. Наклонился и понюхал шерсть Бена. От него веяло спокойствием и теплотой. **ЗА МНОЙ СМОТРЯТ ТЫСЯЧИ УРОДЛИВЫХ РОЖ**. Я погасил свет и прижал к себе Бена, который замурлыкал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.